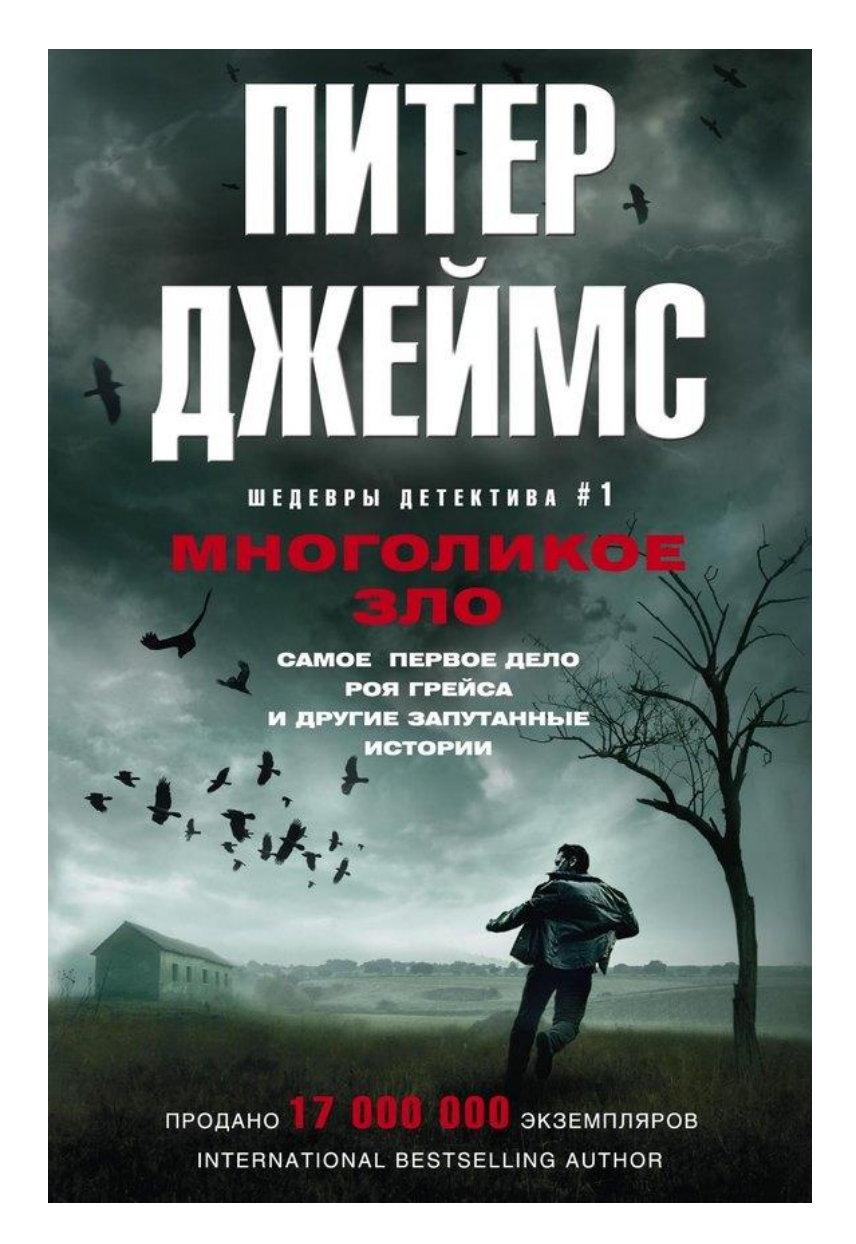
Джеймс Питер

Многоликое зло

* * *

Посвящается Уэйну Бруксу – суперзвезде

Предисловие

Самой немногословной перепиской в истории стали послания Виктора Гюго и его издателя, которыми они обменялись во время представления им рукописи «Отверженных». В письме автора был лишь знак вопроса, и ничего более. Издатель ответил столь же коротко – восклицательным знаком. Лаконично, однако как много можно разглядеть за этими двумя знаками препинания.

Самый короткий рассказ в истории – весьма печальный – состоял всего из шести слов, его приписывают перу Эрнеста Хемингуэя: «Продаются пинетки для малыша. Совсем новые».

Мне всегда нравилась фраза: «Лучше меньше, да лучше».

Бенджамин Франклин является одним из предполагаемых авторов следующих строк: «Прошу простить, что написал Вам столь длинное послание, будь у меня время, выразился бы короче».

Я точно знаю, что имелось в виду, и уверен: то, о чем умолчали, не менее важно, чем высказанное. Создавая фантастические романы, писатель подталкивает к творчеству и читателя. Чудовища, которых он или она создадут в своем воображении, могут оказаться страшнее, чем задумал автор. В детстве я видел людей, которых охватывала похоть во время прочтения страниц романа Дэвида Герберта Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей». Перечитывая сегодня эти строки, написанные красиво и сильно, я не вижу ничего грубого, как и описания подробностей полового акта, – все это было лишь в умах, в их сознании и очень далеко от того, что хотел сказать Лоуренс.

Мне всегда нравился жанр коротких литературных произведений. Впервые поощрительные отзывы, подтолкнувшие меня к творчеству, я получил в подростковом возрасте, когда победил в конкурсе с рассказом «Рождество в детстве» и должен был прочитать его в эфире на радио Би-би-си Суссекса. Но он не подходил им по формату и по теме, потому не был включен в программу, однако позже я его напечатал…

Я люблю шокирующие и неожиданные повороты сюжета, создание этого сборника дало мне возможность охватить весь спектр тем. Мне пришлось бы потратить несколько лет, чтобы осветить их в романах. Кажется, такой формат подходит им больше. Как и на многие мои романы, на эти рассказы меня вдохновили события реальной жизни. Некоторые из них сверхъестественные, вызывают тревогу и порождают мрачные мысли, а иногда по-настоящему шокируют.

«Курение убивает» – одна из самых коротких историй, которые я когда-либо написал. Идея пришла ко мне после прочтения статьи в газете об осужденном на смертную казнь на электрическом стуле преступнике из Техаса, которого спросили, есть ли у него последнее желание. «Я бы хотел выкурить сигарету», – попросил он и получил вежливый ответ: «Извините, сэр, но в этой камере исполнения наказаний не курят».

Появлению рассказа «Уроки живописи» тоже предшествовали реальные события. Они произошли в 1962 году с отцом моего друга, известным владельцем галереи в Мейфэре. Одной итальянской графине срочно потребовалось продать баснословно дорогую коллекцию работ импрессионистов, чтобы оплатить реконструкцию палаццо, находящегося в плачевном состоянии и уже разрушавшегося. У нее не было никаких шансов получить разрешение от властей на вывоз картин, поэтому лондонский торговец придумал хитрый план. Это была душераздирающая история о том, как избалованная леди из благородной семьи фактически стала на время преступницей. И в ней вы тоже найдете немало неожиданных поворотов.

Мой добрый друг Доминик Уокер был когда-то епископом Рединга, а совсем недавно, до выхода на пенсию, епископом Монмута. Был у него и еще один титул, о котором он

предпочитал умалчивать, – главный экзорцист англиканской церкви, их еще называют заклинателями.

В англиканской и католической церкви в каждой стране есть должности главных экзорцистов. Их роль заключается в помощи каждому заблудшему сыну, с которым произошло нечто, не поддающееся объяснению, в том случае, когда викарий или священник бессильны. Доминик Уокер всегда был объективным и справедливым. Выросший в семье медицинских работников – его отец был врачом, а мать медсестрой, – он получил классическое образование, а также степень по психологии. Доминик не раз признавался мне, что не всегда согласен с библейской концепцией Бога. У него был огромный опыт в представлении весьма прозаического объяснения, казалось бы, сверхъестественным явлениям. Прежде всего он стремился доказать, что призраков не существует, нежели подтвердить обратное. Он нередко помогал людям, считавшим, что они стали одержимы дьяволом после спиритических сеансов. По его мнению, спиритические сеансы позволяют человеку заглянуть в глубь себя и выпустить самые темные мысли – внутренних демонов, – ранее запертых в потаенных тайниках души.

В этой связи я спросил Доминика, случалось ли ему сталкиваться с чем-то сверхъестественным, чему он не нашел объяснения. Он ответил, что дважды – один раз в случае смерти ребенка, а второй была автомобильная авария. Эти истории легли в основу рассказов «Ночной сюрприз» и «Портрет призрака». После опыта жизни в двух домах с призраками, когда я все видел своими глазами, услышав рассказы друзей и членов семьи, я окончательно уверился, что привидения существуют. Я знаю, что они есть, но не понимаю, что это. Первая встреча с ними, испугавшая меня невероятно, описана в рассказе «Мой первый призрак». Самое же страшное событие такого рода я храню в памяти уже тридцать пять лет. Я всегда любил плавать на яхте, и во время одного путеше ствия к красивейшему греческому острову мы остановились в бухте Фискардо, где одна пожилая, но чрезвычайно бодрая дама помогла нам, поймав швартовый. Ей явно было одиноко, и она пригласила нас выпить на ее яхте в сорок футов, стоящей у причала недалеко от нас. Она и рассказала мне то, что я с ужасом вспоминаю и по сей день. Это была история из ее жизни о том, как они с мужем мечтали уйти на пенсию и отправиться в путешествие вокруг земного шара на своей яхте. В конце концов ей пришлось наблюдать, как птицы расклевали труп ее мужа до костей. Об этом вы прочитаете в рассказе «Самое время выпить, или Солнце над нок-реей». Порой кажется, что такое может присниться лишь в кошмарном сне. Что ж, сладких вам снов!

Питер Джеймс

Суссекс

Болингброк-авеню, 12

Симпатичный, рассчитанный на две семьи дом в стиле Тюдоров с вишневым деревом у входа и маленьким бассейном для птиц с каменным бортиком. На первый взгляд ничего в нем не могло вызывать ужас, как бывало всякий раз, стоило Сьюзен Миллер его увидеть.

«Номер 12» – белые буквы на дубовой двери. Бронзовый молоточек. В отдалении слышен шум моря. Она шла вверх по тропинке, набирая скорость, и вскоре была уже у дома, притягивающего ее словно магнитом. Страх усилился, когда она подняла руку и позвонила.

– Сьюзен! Сьюзен, дорогая! Все хорошо. Все хорошо!

В голове затихал глухой скрежет; она широко распахнула глаза. Глотнув воздуха, вгляделась в темноту спальни.

– Прости, – хрипло прошептала она. – Это сон. Сон.

Недовольно поворчав, Том вернулся в прежнее положение и через мгновение уже спал. Сьюзен лежала без сна, прислушиваясь к шуму нескончаемого потока машин, несущегося по трассе М-6 мимо Бирмингема, и по жилам растекался ледяной страх. Боясь заснуть, она

встала и подошла к окну. Отодвинув край шторы, принялась вглядываться в ночь; край горизонта был скрыт огромными светящимися буквами ИКЕА. Сон повторялся все чаще. Впервые она увидела его десять лет назад прямо под Рождество, в сочельник, и долгое время это случалось довольно редко, теперь же с периодичностью несколько недель.

Вскоре октябрьская прохлада заставила ее вернуться в постель. Прижавшись к телу Тома, не отреагировавшего на ее прикосновения, она закрыла глаза, зная, что, как и прежде, кошмар вернется и этому она не в силах противостоять.

Вечер перед Рождеством. Сьюзен вбежала в дом, нагруженная пакетами с наспех сделанными покупками и подарками для Тома, которые, она надеялась, его развеселят; в последние дни он редко улыбался. Их машина стояла на своем месте, но в доме на ее оклики никто не отозвался. Озадаченная, она стала подниматься наверх, повторяя его имя. Открыв дверь спальни, сразу услышала скрип пружин и шуршание белья. Две обнаженные фигуры на кровати одновременно повернули голову в ее сторону. Удивленные лица, распахнутые глаза, смотрящие так, будто она вор, не имеющий права здесь находиться.

Люди были ей незнакомы. Женщина с длинными рыжими волосами и седой мужчина занимались любовью в ее постели, в ее спальне. В ее доме.

Вместо того чтобы остановить их, Сьюзен смущенно попятилась, будто действительно не должна была сюда вторгаться.

– Простите, – пролепетала она. – Простите, но я…

В следующую секунду она проснулась. Рядом Том зашевелился и пробормотал что-то во сне.

Сьюзен легла на спину и вытянулась. Господи, теперь ей стало ясно – сон становится все более реалистичным и ярким. Недавно она наткнулась на статью в журнале о толковании снов и принялась размышлять, что бы этот мог означать.

Проблема в том, что у нее в голове путаница. Последние дни она часто впадала в прострацию, терялась во времени. Случалось, начинала что-то делать по дому, а через несколько минут вспоминала, что уже сделала это, причем совсем недавно. Или неслась в магазин купить то, что стояло на полке. Стресс. В другом журнале она читала о влиянии стресса на человека – знания она в основном черпала из журналов, – там упоминалось, что стресс может вызвать спутанность сознания. Источник стресса тоже был ей известен. Мэнди. Новая секретарша в уолсоллском филиале Строительного общества Честера и Норд-Иста, где Том служил заместителем управляющего. Около года назад Том сообщил ей, что Мэнди будет у них работать, и с тех пор не сказал о ней ни слова. Сьюзен видела, как они мило беседовали на прошлогодней рождественской вечеринке, куда сотрудников пригласили со второй половиной. И говорили они слишком долго, на что невозможно было не обратить внимания. И еще слишком часто переписывались по электронной почте.

Сьюзен не представляла, что ей делать. В свои тридцать два года она хорошо выглядела благодаря диете и регулярным занятиям аэробикой. Она заботилась о волосах, делала красивую короткую стрижку, уделяла должное внимание макияжу и одежде. Выбор был невелик, если отбросить вариант с предъявлением Тому претензий, что поставит ее в глупое положение. К тому же Сьюзен сдерживало предписание врача всегда сохранять спокойствие. Она бросила работу для того, чтобы пребывать в уравновешенном состоянии и повысить шансы зачать ребенка, что они пытались сделать последние пять лет.

Главное – сохранять спокойствие.

Решение пришло само собой и неожиданно, когда Том вернулся домой вечером.

– Повышение? – переспросила она, и глаза ее заблестели.

– Да! Перед тобой второй самый молодой управляющий в истории Строительного общества Честера и Норд-Иста! Но, – добавил он, поколебавшись, – придется переехать.

– Переехать? Что ж, я совсем не против, милый! – А про себя подумала: «Куда угодно. Чем дальше, тем лучше. Чтобы рядом не было этой чертовки Мэнди». – И куда же мы переезжаем?

– В Брайтон.

Сьюзен поверить не могла в такую удачу. Будучи совсем молодыми, они ездили с Томом на выходные в Брайтон; там смогли впервые остаться наедине. Кровать в маленьком отеле нещадно скрипела, и с нижнего этажа слышались возмущенные крики. Они затыкали рот простыней, чтобы не рассмеяться в голос.

– Мы будем жить в Брайтоне?

– Именно так!

Сьюзен порывисто обняла Тома.

– И когда мы едем? Скоро?

– Мне поручено возглавить филиал с наступающего года. Так что нам нужно скорее подыскивать дом.

Сьюзен произвела в уме быстрые подсчеты. Сейчас конец октября.

– Нам ни за что не успеть. Необходимо продать этот дом, а еще…

– Компания обещала помочь. Я переезжаю по их требованию, поэтому все расходы за счет фирмы, и мне выплатят единовременное пособие, так что мы сможем позволить себе купить более дорогое жилье. На следующей неделе у меня отпуск, сможем поехать туда и все посмотреть. Я уже разговаривал с нашей сотрудницей, которая занимается вопросами переселения, сообщил, каков наш бюджет, и она обещала поговорить с некоторыми местными агентами недвижимости.

Первое послание пришло через два дня. Они сидели в кухне и завтракали. Сьюзен открыла конверт и достала содержимое. Пятнадцать предложений, но дома в основном были слишком дорогими. Несколько она отвергала после беглого просмотра, но один привлек ее внимание тем, что на первый взгляд подходил по основным параметрам. Уродливое здание, похожее на коробку, расположенное на берегу моря, к тому же с «небольшим, но очаровательным садом». Внезапно ее увлекла идея жить на море, но дом производил отталкивающее впечатление. Сьюзен подумала и решила, что большую часть времени человек проводит внутри дома, а не любуется им снаружи, поэтому отложила листок в сторону и принялась изучать следующий.

Увидев фотографию, она похолодела. «Не может быть, – подумала она, поднося ее совсем близко к глазам. – Это невозможно». Пальцы задрожали, а с ними и фотография дома на две семьи в стиле Тюдоров, в точности такого, какой она видела во снах.

«Совпадение, – решила Сьюзен, ощущая, как сжимается горло. – Так и есть. В мире тысячи домов, похожих на этот».

Болингброк-авеню, 12.

Она знала, что в ее сне на двери был указан номер 12, в том же сне издалека доносился до нее шум моря.

Могла она видеть этот дом, когда они раньше наведывались в Брайтон? Когда же это было? Лет четырнадцать назад? Допустим, она видела его раньше, но почему он так запомнился?

– Что-то стоящее? – спросил Том, взял листок с изображением современной коробки и внимательно прочитал. Затем, довольно грубо, выдернул из ее рук следующее предложение. – А этот очень симпатичный. И по цене нам подходит. «Требуется небольшой ремонт». Это значит, если мы сделаем его сами, дом значительно возрастет в цене.

Сьюзен согласилась посмотреть дом. Ей необходимо было это сделать, чтобы убедиться, что он совсем не похож на тот, из ее сна. Тому она об этом не сказала: он скептически относился к ее снам.

Агент сам отвез их. На нем был модный, с иголочки костюм, белые носки, и от волос резко пахло гелем.

– Отличный выбор, – заявил он. – Самый востребованный район в Хоуве. Пять минут пешком до пляжа. Лагуна Хоув – лучшее место для детей. Кроме того, выгодное вложение. Немного усилий, и цена на дом значительно возрастет.

Свернув на Болингброк-авеню, он вытянул руку:

– Вот и он.

Сьюзен закусила губу, когда они остановились у дома номер 12. Во рту мгновенно пересохло, и начался озноб. Страх впивался в нее острыми когтями; такой ужас она испытывала только в своем сне. Единственным отличием была табличка «Продается». Уже из машины она разглядела вишневое дерево и бордюр маленького бассейна. И слышала шум моря. Никаких сомнений быть не могло. Никаких.

Сьюзен выбралась из автомобиля и, словно вернувшись в сон, пошла вверх по дорожке. Все оказалось так, как в ее сне. Подняв руку, она позвонила.

Через несколько мгновений дверь отворила женщина лет сорока, с длинными рыжими волосами. Придав лицу радушное выражение, она подняла глаза, но стоило ей увидеть Сьюзен, как улыбка исчезла. Теперь женщина стояла словно громом пораженная.

Сьюзен и сама была шокирована до глубины души. Ошибки быть не могло, это определенно она.

– Бог мой, – выдохнула Сьюзен. – Вы та, кого я постоянно вижу во сне.

– А вы, – произнесла дама, с трудом выговаривая слова, – призрак, который посещает нашу спальню последние десять лет.

Сьюзен стояла, не зная, что делать. Волны страха рябью разносились по коже.

– Призрак? – наконец смогла произнести она.

– Вы очень на нее похожи, просто невероятно похожи. – Женщина с сомнением прищурилась. – Кто вы? Чем я могу быть полезна?

– Мы пришли посмотреть дом.

– Посмотреть дом? – Дама выглядела изумленной.

– Агент договаривался с вами о встрече. – Сьюзен обернулась, но не увидела ни Тома, ни агента, ни машины.

– Это какая-то ошибка. Дом не продается.

Сьюзен растерянно огляделась. Где они? Куда, черт возьми, пропали?

– Прошу вас, – повернулась она к женщине. – Тот призрак, на который я похожа… кто… кем она была?

– Я не знаю; никто из нас не знает. Десять лет назад этот дом купил управляющий строительным обществом. Здание тогда было в очень плохом состоянии. Этот парень убил жену прямо в сочельник и стал жить здесь со своей любовницей. В доме он сделал ремонт, а

тело жены положил в фундамент и залил цементом. Через два года любовница не выдержала и обратилась в полицию. Вот и все, что мне известно.

– Что… что с ними стало?

Женщина смотрела как-то странно, будто уже не видела ее. Сьюзен почувствовала, как холодный ветер пробирает ее до костей. Она была сбита с толку. Где же Том? Где агент, который их привез? Она обратила внимание, что на заборе уже нет таблички «Продается». Она стояла на крыльце одна и смотрела на закрытую дверь. Номер 12. Белые буквы и цифры. Бронзовый молоточек. Затем ее потянуло внутрь, словно тем проклятым магнитом из сна, и она почувствовала, как проходит сквозь массивную дубовую дверь.

«Через секунду я проснусь, – подумала она. – Проснусь. Так бывало всегда».

Хотя уже понимала, что на этот раз все изменилось.

Номер тринадцать

353 дня в году – и 354 в високосный – Н.Н. Кеттеринг поставлял страх Божий в рестораны по всему миру. В оставшуюся дюжину дней он сам его испытывал.

Число.

Просто двухзначное число.

Тринадцать.

Одного вида этих цифр было достаточно, чтобы на лбу выступили капли пота. А лоб у него был широкий и обеспечивал место для целой колонии капелек пота.

Найджел Норберт Кеттеринг ненавидел оба своих имени. Начиная карьеру ресторанного критика в небольшой провинциальной английской газете, он решил, что некоторая степень анонимности будет весьма полезна – таким образом он давал себе возможность забыть свои имена. За два прошедших десятилетия Н.Н. Кеттеринг, бесспорно, стал одним из самых влиятельных ресторанных критиков во всей Англии, а в последние несколько лет орлиный глаз и тонкий вкус сделали его угрозой мирового масштаба.

Кеттеринг анализировал все, от него не ускользали даже мелочи. Помимо еды он обращал внимание на стол, за которым сидел, на качество бумаги, на которой было напечатано меню, на его разнообразие, на бокалы, посуду, скатерть, уровень и быстроту обслуживания. Это имело порой большее значение, чем сама еда.

Внимание к каждой детали, даже особенностям зубочисток, возвело его на самую вершину в профессии и поставило фамилию на одну из верхних строчек в списке людей, которых лучшие шеф-повара в мире мечтали увидеть мертвыми.

Ежедневные материалы, «Отчеты Кеттеринга», могли погубить или прославить новый ресторан или резко повысить репутацию существующего. Случалось, всеобъемлющий анализ Кеттеринга ставил заведение совсем не на ту позицию, что звезды Мишлен или баллы Го Мийо.

Разумеется, у него были фавориты: «Эль Булли» в Испании, пока он не закрылся, регулярно получал высшую оценку десять баллов. В этот же перечень входил «Френч Лондри» в Юнтвилле, Калифорния, «Фэт Дак» в Брее, «Вю дю Монд» в Мельбурне, «Розмари» на Сардинии и «Люк Ю Ти Хауз» в Гонконге за лучший дим-сам.

Но можно привести и огромный перечень заведений, возведенных другими критиками в ранг храмов гастрономии, однако получивших от Кеттеринга пренебрежительные три или даже два балла. Знаменитый французский шеф покончил с собой после того, как всего за год Кеттеринг понизил рейтинг его ресторана с девятого уровня до первого.

В нынешних жестких экономических условиях мало кто готов рисковать тратами и возможностью получить удовольствие от вечера, а потому все старались перед выходом свериться с последними оценками на сайте Кеттеринга.

Появления в дверях Н.Н. было достаточно, чтобы самый опытный метрдотель и уверенный в себе сомелье превращались в дрожащие желе. А когда шепот, сообщавший о его присутствии, достигал кухни, даже самый маститый шеф становился похожим на бессвязно бормочущую старую развалину.

Несколько лет назад тайну его личности раскрыла одна бульварная газета. Отныне не было нужды резервировать столик под вымышленными именами – в каждом ресторане в любой точке мира на стенде в подсобном помещении висела фотография Н.Н. Кеттеринга. Кроме того, на него невозможно было не обратить внимание. Он был худым и очень высоким – несмотря на огромное количество съедаемого, – с яйцеобразной головой на тонкой длинной шее, круглыми глазами, кажущимися совсем маленькими за толстыми стеклами очков, и черными волосами, зачесанными вперед на высокий покатый лоб до самых бровей – подобие современного варианта монашеской тонзуры.

Одет он был всегда одинаково – в темный, безукоризненно сшитый костюм, белую рубашку и красный или малиновый галстук; спину всегда держал идеально ровно, будто к подкладке пиджака была прикреплена длинная линейка. Один владелец знаменитого лондонского ресторана отметил, что он просматривает меню, впившись в него глазами-бусинками так, будто смотрит в перископ подводной лодки. К большому счастью того смельчака, Н.Н. Кеттеринг не слышал этой фразы.

Разумеется, свои вкусы он также научился скрывать. После появления в меню «Фэт Дак» каши из улиток он составил на двух страницах хвалебный отзыв, включающий оду талантам шефа Хестона Блюменталя. На следующий год он посвятил три страницы одному блюду «Эль Булли», творению Феррана Адриа, – устрицам с сырыми кроличьими мозгами в маринаде.

Его требования к уникальности блюда и безупречному вкусу постоянно росли.

В отличие от остальных ресторанных критиков Н.Н. Кеттеринг не нанял помощника. Он обедал и ужинал в разных ресторанах семь дней в неделю. Еда была для него жизнью. Он не был женат, не завел даже подругу – или друга. По счету он всегда платил новыми хрустящими банкнотами и никогда ничего не принимал бесплатно.

Также никогда не оставлял чаевые.

Он был уверен, что с честью выполняет свою миссию. Будто его послали на планету, дабы блюсти стандарты ресторанного питания. Его семьей были рестораны, рецензии стали детьми.

На заре карьеры в одном из редких интервью он заявил: «За ужином важны два человека – я и хороший официант».

Однако тринадцатого числа каждого месяца все было по-другому.

Так было всю жизнь, сколько он себя помнил, Н.Н. Кеттеринг страдал трискаидекафобией. Он испытывал патологический страх перед числом «тринадцать». Самым же страшным днем была пятница, тринадцатое. Поскольку он был не только трискаидекафобом, но и параскаведекатриафобом – его пугала пятница, тринадцатое.

Он знал, что число «тринадцать» для него опасно, и оно постоянно было рядом: на автомобильных номерах, в количестве зерен съедаемой на завтрак каши и ягодах, которые он в нее добавлял. В глотках, которые он делал, поглощая завтрак, обед и ужин. В сумме шагов от такси до ресторана и от дверей до столика.

Разумеется, стол под номером тринадцать он никогда не занимал. Как никогда не выбирал блюдо под номером тринадцать в меню или вино в винной карте. Его выбор никогда не падал на что-то под номером тринадцать.

К пятнице тринадцатого он готовился заранее. Ко всем опасностям, существовавшим в этом мире. Конечно, лучше всего вообще не рисковать и остаться дома. Но и здесь было опасно. Он прочитал, что собственный дом именно то место, в котором человек вероятнее всего умрет, скорее всего в кухне. Итак, каждую пятницу тринадцатого числа он проводил в постели в своей маленькой квартирке в Ноттинг-Хилл. Накануне он подготавливал все, что ему может понадобиться до полуночи следующего дня. Время он проводил зачтением или просмотром телевизионных программ – в основном о еде – и посещением, разумеется анонимно, форумов в Интернете, где велось обсуждение ресторанов, и некоторых сайтов, посвященных той же теме.

Это случилось в одну из пятниц тринадцатого числа, в холодный февральский день, когда он, растянувшись в постели, собрался просмотреть сообщения на новом форуме, на который наткнулся случайно. Посетителями его были лучшие шеф-повара мира. Он побывал в заведении каждого из них – некоторых похвалил, но большинство разгромил. Теперь же он не мог оторваться от экрана, поскольку они обсуждали ресторан, о котором он даже не слышал. И не просто обсуждали, а восхищались.

Это сводило с ума! Ведь он знал о каждом ресторане на этой планете и посетил каждый, заслуживающий внимания.

Странным был не только факт, что он не имел представления о ресторане, но и то, что все повара единодушно сочли его лучшим заведением в мире. Нигде, по их мнению, не подавали лучших блюд из мяса. Только здесь субпродукты готовили с такой изобретательностью. Голод проснулся в нем лишь от прочтения описания предлагаемых соусов, их нежности и оригинального сочетания вкусов.

Но эти негодяи не упомянули названия.

Растерянный, он вошел под своим псевдонимом Шеф-Сталкер и задал вопрос:

«Привет, как называется это место? Мне казалось, я знаю все заведения на этой планете, в которых стоит побывать!»

К его ужасу, дискуссия мгновенно прекратилась, а он так и не получил ответа.

Оставался единственный выход – отправить письмо по электронной почте лично шефам, которых он похвалил, раскрыть инкогнито и получить приглашение.

К счастью, он оказался прав. Через два дня на его адрес пришло сообщение:

«Уважаемый мистер Н.Н. Кеттеринг,

благодарим за Ваш интерес. Заведение, привлекшее Ваше внимание, на самом деле частный клуб. Мы будем рады пригласить Вас на следующее наше собрание, которое состоится в пятницу, 13 мая.

Существует лишь одно условие: Вы никогда ничего не напишете о клубе ни до, ни после посещения. Тем хорошим, что у нас есть, мы не намерены делиться.

Официальное приглашение с указанием адреса доставят Вам 12 мая. Будем рады встрече с Вами.

Приятного аппетита!»

Он не мог оторвать глаз от текста. *Пятница, 13!*

После окончания школы он ни разу не вышел из дому тринадцатого числа в пятницу.

Первым желанием было отклонить предложение, поблагодарить, но сообщить, что не может его принять.

Потом он опять вспомнил о хвалебных отзывах. В основном они были от шефа, который, как ему показалось, сам испытал все эти вкусовые ощущения, но предпочел сохранить анонимность.

Господи, как он любил мистическую атмосферу ресторана. Кеттеринг живо помнил, когда впервые вошел в ресторан, тогда ему было десять лет; заведение называлось «Верриз». Тогда он шел со своими родителями на шумной, заполненной людьми Риджент-стрит в Лондоне. За спиной захлопнулись двери, и они оказались в ином мире с приглушенным светом, дубовыми панелями на стенах, едва слышными разговорами, ароматом чеснока и приготовленных на гриле мяса и рыбы. Мужчина в смокинге с сильным итальянским акцентом приветствовал родителей, словно те были его давними друзьями, пожал руку ему и проводил их, учтиво поклонившись, вдоль рядов красных кожаных банкеток к их столику.

С потолка свисали хрустальные люстры. На хрустящей белоснежной скатерти стояли хрустальные бокалы и небольшое серебряное блюдо с завитками масла. Вскоре появилось еще одно серебряное блюдо побольше с тостами мельба. Затем ему вручили меню в кожаной обложке бордового цвета, предлагающее настоящие изыски. Через несколько минут в руках отца оказалась толстая, как Библия, зеленая книга – винная карта.

Мимо сновали официанты с серебряными подносами, уставленными тарелками с едой. Несколько человек суетились у их стола. Ему казалось тогда, что он попал на другую планету, в другую вселенную. С того момента Найджел Норберт Кеттеринг знал, что готов провести всю жизнь в этом мире. Но даже в возрасте десяти лет он заметил то, что было сделано неправильно. Мелкие недостатки. Официант забыл принести заказанную к горячему стручковую фасоль, и ему пришлось об этом напомнить.

Отец ворчал, что его стейк прожарен сильнее, чем он просил, но в целом был доволен работой официантов и не собирался жаловаться. Он был смущен, а мама удивлена, когда маленький Найджел поднял руку, подзывая официанта. Через пять минут расстроивший папу стейк был заменен.

Это было начало. Сейчас, к сорока четырем годам, ему удалось добиться того, что превзошло все давние мечты. Однако еще оставались рестораны, входя в которые он испытывал трепет, как и в «Верризе» много лет назад.

А теперь появился еще один, превосходящий все, вместе взятые.

Но приглашение было на пятницу, тринадцатое. Он отправил письмо с вопросом: нельзя ли прийти в другой день? Ответ последовал в течение минуты:

«Нет. Ваше сообщение расценено нами как отказ. Благодарим за обращение».

Паника охватила его с той же скоростью, с какой двигались пальцы. На лбу выступили капли пота.

Он напечатал:

«Нет, я не отказываюсь. Благодарю, я непременно приду».

Последующие три месяца тянулись медленно и больше походили на три года.

В каждом ресторане его все раздражало.

Бестолковые, совершенно тупые официанты с такой гордостью рассказывали о блюде дня, будто лично поймали эту чертову рыбу или своими руками жарили на гриле мясо. Он с отвращением смотрел на закуски – моллюсков, утопающих в ароматизированном масле с неприятным запахом, и пасту, больше похожую на творение посетителей уроков оригами, которые проводят в специальных лечебных учреждениях.

Он разорил дюжину ресторанов со звездами Мишлен и заставил закрыться четыре новых, едва успевших распахнуть двери для всякой голытьбы.

Наконец наступил великий день.

Любопытно, великий ли?

Предыдущим вечером он проверил почту и нашел письмо с адресом. Это было место, которое несколько знаменитых поваров мира сочли лучшим для получения удовольствия от еды. Дом номер 13, Вест-Одли-стрит в лондонском районе Мейфэр.

Опять это проклятое число 13.

Он был близок к тому, чтобы послать их к черту. Сказать, чтобы засунули свое идиотское приглашение туда, где никогда не светит солнце.

Тринадцать.

Число, которого он избегал всю сознательную жизнь. И вот он сидит в такси, мчащемся по Парк-Лейн, и число все ближе и ближе.

Он сглотнул слюну и стал думать о блюдах из мяса и ливера с разнообразными соусами. О таких вкусовых комбинациях он даже не слышал.

И предвкушал, какой устроит им разгром! Выставит на посмешище всех этих великих поваров. Одним постом разрушит репутацию. Он был даже удивлен, когда водитель, взглянув на счетчик, повернулся к нему и сообщил: «С вас тринадцать фунтов».

Н.Н. Кеттеринг отсчитал точную сумму. И с удовольствием наблюдал, как перекашивается лицо мужчины, когда он потребовал чек, а затем вышел, не оставив ничего на чай.

Поднявшись по ступенькам, он встал перед дверью и уставился на блестящие латунные цифры.

13.

Его стало трясти. Это приступ параскаведекатриафобии. Он готов был развернуться и сойти вниз. Сдержаться его заставило лишь прочитанное ранее описание блюд. Он поднял руку к звонку, заставил себя вытянуть палец и нажать на кнопку.

Он еще раздумывал, как поступить, когда дверь отворилась и в проеме появилась высокая, тощая фигура в смокинге и белых перчатках, с зализанными волосами, гладкими и блестящими, как замерзший пруд, и такой же застывшей улыбкой.

– Сэр?

Н.Н. назвал себя.

Через секунду он переступил порог, вошел в холл, отделанный дубовыми панелями, и услышал, как за спиной хлопнула дверь.

– Прошу сюда, сэр.

Он проследовал по коридору, стены которого украшали написанные маслом портреты, в некоторых людях он узнал популярных ресторанных критиков. Промелькнуло лицо А.А. Гилла из «Санди таймс», Фэя Машлера из «Обсервер», а потом и Джайлса Корена из «Таймс» и Мишеля Уиннера. Кеттеринг узнал еще нескольких иностранцев, прежде чем, пригнувшись, вошел в зал.

Он оказался в шикарной и очень большой столовой без окон, с овальным столом посредине, за которым сидели двенадцать человек. Стул в центре с одной стороны пустовал – его место.

Тринадцать приглашенных.

Оглядев лица присутствующих, он понял, что ему предстоит обедать в обществе двенадцати самых знаменитых шеф-поваров мира. Всеми ресторанными критиками – кроме

него самого – им были даны высшие оценки. Он же разгромил каждого – безжалостно. И теперь они смотрели на него и улыбались.

Внутренний голос советовал бежать, и немедленно. Последний раз он обедал в присутствии людей много лет назад, предпочитая трапезу в одиночестве. Мужчины поднялись с мест. Стоящий ближе всех к нему Джонас Капри из Сиднея произнес:

– Н.Н. Кеттеринг. Какая честь.

Он не знал, что ответить, и не был уверен, что это стоит делать.

Следующим был Ферди Перрин – шеф ресторана «О Мазу» в Швейцарии, – некогда славившийся блюдами из ягнятины, до появления рецензии в «Отчетах Кеттеринга». И он подкинул новую проблему, пойдя дальше, – тепло пожал Н.Н. руку.

– Невозможно выразить, как мы польщены. Вы согласились прийти и попробовать наши творения. Очень надеемся, что сегодня вечером вы измените мнение о наших способностях. Мы благодарны вам за предоставленный шанс.

– Что ж, – протянул Кеттеринг, впервые за многие годы чувствуя робость. Прежде чем он успел что-то сказать, с места поднялся следующий шеф. Джек Миллер из «Миллер-Хаус» в Тампе, Флорида.

– Поверьте, Н.Н., мы не держим на вас зла. Возможно, в день вашего посещения моего ресторана мы были не на высоте, и уверяю, я здесь не для того, чтобы заставить вас изменить мнение. Я лишь хочу, чтобы этот обед стал лучшим в вашей жизни. Как поступить дальше, решать только вам.

Н.Н. обратил внимание на портреты на стенах и узнал Гордона Рамси, Энтони Уорролла Томпсона. Альберт Ру. Вольфганг Пак. Ален Дюкасс. Раймонд Блан.

Он занял свое место и оглядел множество столовых приборов и бокалов. Один из них был наполовину заполнен белым вином с оттенком охры, во втором была вода.

Кеттеринг продолжал размышлять, как поступить, когда отворилась боковая дверь и один за другим в зал вошли четыре официанта, с ног до головы одетые в черное. Они несли массивные серебряные подносы, на которых стояли крошечные чашки демитассе с пышной пенкой сверху. Спустя несколько мгновений блюдо было подано каждому гостю.

Мужчина в перчатках, встречавший Н.Н. Кеттеринга, исполнял обязанности и швейцара, и метрдотеля.

– Ля муз буш, – сообщил он. – Капучино де тестикюль.

Все взяли ложки и с удовольствием приступили к трапезе.

Н.Н. Кеттеринг поднес ложку к носу и понюхал. Аромат был удивительный. Положив на язык крошечный кусочек, он принялся смаковать его, дав медленно растаять, как сливочному маслу. Ему так понравилось, что он проглотил еще немного. Потом еще. И еще. У него появилось желание вылизать содержимое до капли.

– Фантастический вкус! – резюмировал он и добавил по-французски для присутствующих здесь иностранных поваров: – Невероятно!

Остальные гости не возражали.

Ему и прежде доводилось пробовать семенники баранов, свиней и быков, но никогда блюда не обладали столь сложным вкусом. Лучшее из всего возможного! Потрясающе!

– Весь секрет в маринаде, – объяснил шеф, сидящий по правую руку от него, – мужчина лет под сорок, с коротко стриженными темными волосами, черной футболке и джинсах.

– Я бы отметил также качество продуктов, – продолжал человек напротив. Ему было около шестидесяти, он имел академическую внешность и носил кардиган.

– Это само собой разумеется, – вмешался третий.

Н.Н., привыкший подмечать каждую мелочь вокруг, увидел, как два шефа подмигнули друг другу. Вскоре ему уже казалось, что все за столом перемигиваются тайком, чтобы он не заметил.

Углядев отпечатанное меню, он взял его и принялся изучать.

Двадцать одно блюдо. Все названия указаны по-французски, но он, разумеется, свободно владел языком и перевел их без труда. Впрочем, несколько слов вызвали затруднение.

В первой перемене блюд все было приготовлено из потрохов. После семенников подали мозги, затем была поджелудочная и зобная железы. И рубец из кишок.

Печенка. Почки. Потом… что-то еще, на этот раз французский его подвел.

Еще более церемониально, чем в предыдущий раз, перед каждым гостем поставили тарелки с серебряными крышками, давая понять, что настало время самого важного момента трапезы. Убрав преграду, он ощутил сладковатый аромат корицы и кориандра, исходивший от приготовленного на углях мяса. Это было богатое на вкус, насыщенное кассуле из фасоли, нута и тончайших кусочков того, что Н.Н. Кеттеринг счел колбасой. Положив в рот первый кусок, он понял, что это свинина, впрочем имевшая необычную, плотную текстуру, напоминающую мясо кальмара. Несомненное торжество вкуса над текстурой продукта.

Блюдо было съедено в полной тишине, и Кеттеринг чувствовал себя все более неловко, с каждым проглоченным куском он забывал об остальных частях своего тела, сконцентрировавшись лишь на ощущениях во рту. Он испытывал волнение, но одновременно и невероятное возбуждение от процесса.

Далее подали несколько мясных блюд, приготовленных из разных частей туши: окорока, огузка, лопатки.

Всякий раз он увлеченно пытался угадать, что перед ним. Ягнятина, говядина, оленина, свинина?

Может, страус?

Когда он решался спросить об этом присутствующих за столом, они лишь загадочно улыбались.

– Каждое блюдо уникально, ингредиенты должны оставаться тайной. Отведайте, и не пытайтесь анализировать.

К нему повернулся француз:

– Вы знакомы со строками вашего знаменитого поэта Поупа? «Не уловить нам смысл жизни существа, пытаясь выявить его, вскрывая тело».

Он сделал лучшее из того, что мог. Стоило ему поднести к губам следующий кусок, как один из многочисленных бокалов наполнялся вновь или повторно. Белые, красные, розовые цвета и всевозможные оттенки постепенно слились в большое пятно.

И вот перед ним появилось главное блюдо – жаркое на тлеющих веточках укропа, и он сразу понял по аромату, что это свинина. Вонзая вилку, он невольно задался вопросом: все ли дело в вине или он испытывает истинную радость от еды? Сейчас он был совершенно уверен, что перед ним лучшее жаркое, которое ему доводилось пробовать в жизни и, скорее всего, из тех, что предстоит еще испробовать.

Он был счастлив и в высшей степени доволен обедом. Повара начинали ему нравиться, и он решил, что в следующий раз даст им высшую оценку. Возможно, тогда они пригласят его снова…

Пусть даже в пятницу, тринадцатого.

Похоже, это не такое уж и плохое число.

– Эта лучшая свинина, которую мне доводилось пробовать! – воскликнул он, пережевывая хрустящую корочку.

– Да, это длинная свинья, – отозвался мужчина напротив.

Внезапно благостная атмосфера в столовой испарилась, будто опустили рубильник. Повисла неловкая тишина. Несколько голов повернулись к говорившему, затем повара стали переглядываться.

Н.Н. внезапно осознал, что все смотрят в его сторону и ждут реакции.

По телу пробежала дрожь. «Длинная свинья». Он понял, что это означает и кого так называют.

У него закружилась голова, и стало подташнивать. Подняв глаза, он посмотрел внимательно на каждого из двенадцати присутствующих. Двенадцать пар глаз смотрели на него холодно.

Определение «длинная свинья» использовали людоеды на островах Тихого океана и в Африке. Так называли белых людей, потому что их мясо по вкусу напоминало свинину.

Он резко встал. Стул за спиной повалился на пол, издав странный звук, похожий на выстрел.

– Мне пора идти, – произнес он.

Никто не сказал ни слова.

Он выбежал из зала, промчался по коридору с портретами и вскоре оказался у входной двери. Дернул ее, взявшись за ручку, но дверь не поддалась.

Она была заперта.

Ключа в замке не было.

Обернувшись, он увидел стоящего за спиной метрдотеля со сложенными на груди руками. Связка ключей висела на цепочке для часов на ремне.

– Вы еще не испробовали десерт, сэр. Будет невежливо уйти без десерта. Такого вы еще никогда не ели.

– Мне нужно идти, – твердил Кеттеринг. – Прошу вас, откройте дверь.

Его начинала душить паника.

– Боюсь, это невозможно, сэр. – Мужчина сделал шаг.

Н.Н. Кеттеринг никогда в жизни не наносил удар головой. Но сейчас он ударил метрдотеля.

Неловкая и неудачная попытка. Недостаточно склонившись, он ударил мужчину в лоб и разбил обе линзы очков. Без них он был почти слеп.

Однако действие произвело эффект и заставило метрдотеля упасть на колени и разразиться проклятиями.

Н.Н. схватил ключи и дернул изо всех сил, срывая связку с ремня. Повернувшись к двери, он попытался вставить сначала один ключ, затем другой, третий. Глянув через плечо, он заметил размытые силуэты гостей, бегущих к нему по коридору.

Переполняемый отчаянием, принялся заталкивать четвертый ключ в замочную скважину, и он подошел.

Дверь открылась, и он подался вперед, сбежал, ничего не видя перед собой, по ступенькам прямо на тротуар, а потом и на дорогу. Прямо перед двухэтажным автобусом, весившим одиннадцать с половиной тонн.

Он ударил Кеттеринга на скорости почти тридцати миль в час и отбросил в сторону. Затормозив, автобус наконец остановился. Тишина наступила невероятная, казалось, весь Лондон затих в одно мгновение.

Врачи, прибывшие на место происшествия уже через несколько минут, так и не узнали, как и Н.Н. Кеттеринг, что автобус шел по маршруту номер 13.

Через два дня Н.Н. на короткое время очнулся. Этих нескольких минут было достаточно, чтобы услышать разговор.

– Разыскали его родственников? – поинтересовался мужской голос.

Ответил ему женский:

– Нет, доктор, у нас не было времени заняться поисками.

– Состояние прежнее?

– К сожалению, доктор.

– Подержим его еще некоторое время на аппаратах жизнеобеспечения. Но не думаю, что ему станет лучше. Слишком существенные повреждения внутренних органов. Тяжесть комы по шкале Глазго три. У бедняги наверняка умер мозг. Мы ничего не можем сделать. Только ждать.

Голос мужчины был ему знаком, однако Н.Н. никак не мог вспомнить, где его слышал. И лишь в последнюю секунду, прежде чем впасть в забытье, понял, что это был голос метрдотеля.

Через два дня дежурный врач отделения интенсивной терапии делал обход и обратил внимание, что кровать под номером тринадцать пуста. Медсестра посмотрела на нее с тоской.

– Вы в порядке? – поинтересовался он.

– Каждый раз, когда мы теряем пациента, я чувствую себя неудачницей, – ответила она и посмотрела на пластырь на лбу доктора. – У вас что-то случилось? Поранились?

– Пустяки. – Он перевел взгляд на пустую кровать. – Никогда не забывайте, что сказано в клятве Гиппократа: «Не навреди». Верно?

Медсестра печально кивнула.

– Было бы неправильно поддерживать его и дальше. Только представьте, что это за жизнь.

– Вы правы, – кивнула женщина. – Надо благодарить Господа за помощь. Он превратился бы в овощ, если бы жил.

– Знаете, сестра, я никогда не любил это слово, «овощ». Куда лучше «кусок мяса», верно?

Всего два щелчка

Всего два щелчка мышью, и на экране появилось лицо Мишеля.

Маргарет прижала пальцы к экрану, ощущая желание прикоснуться к его лицу – словно с картин прерафаэлитов, – к длинным волнистым волосам.

Джо был внизу, смотрел футбольный матч по «Скай». То, что она делает, нехорошо. Но как велико искушение! Ведь еще Сократ говорил: «Не исследующим жизнь не стоит жить». Дети разъехались, гнездо опустело, остались только она и Джо. Он был как скала, защищавший ее всю жизнь. Сильный, надежный, но такой скучный. Скала ей больше не

нужна, но необходим рыцарь на белом коне. И чтобы добраться до него, достаточно двух щелчков.

Всего два щелчка, и лицо Маргарет будет перед ним. Пальцы Майкла легко порхали над клавиатурой ноутбука, словно лаская их с особой нежностью. Больше года они переписывались по электронной почте – точнее, ровно год, два месяца, три дня и девятнадцать часов, о чем напомнила ему сегодня Маргарет.

И вот завтра, в половине восьмого вечера, через двадцать два часа, они наконец встретятся лично. Это будет их первое настоящее свидание.

У обоих в жизни было то, что этому мешало. Например, муж Маргарет Джо. За время долгой переписки (как сообщила ему днем Маргарет, одна тысяча сто восемьдесят семь писем) Мишель имел возможность составить портрет Джо: высокий, крепкий, безмозглый хулиган, который однажды кулаком выбил входную дверь. Он также не раз представлял себе внешность Маргарет, основываясь большей частью на присланной когда-то фотографии – привлекательная рыжеволосая женщина, похожая на Скалли из «Секретных материалов». Даже очень похожая на Скалли.

«Может, нам лучше не встречаться, как думаешь? – написала она сегодня днем. – Вдруг это испортит наши отношения?»

Жена, Карен, ушла от Майкла два месяца назад, обвинив в том, что компьютер он любит больше, чем ее.

«На самом деле, милая, ту, с которой я связан через этот компьютер…» – хотел сказать он, но не хватило храбрости. Это качество всегда было его проблемой. Ему не хватало храбрости. И сейчас его беспокоил стоящий перед глазами образ Джо, выбивающего кулаком дверь.

В ящике появилось новое письмо от Маргарет.

«Двадцать два часа и семь минут! Я так рада, не могу дождаться встречи с тобой, милый. Ты уже решил, где это будет? Целую. *М.*».

«И я тоже, – напечатал он ответ. – Знаешь бар «Красный лев» в Хэндкросс? Там всегда тихо, диваны с высокими спинками. Я часто захожу туда последнее время попробовать настоящего эля. И он на полпути от тебя до меня. Не представляю, смогу ли сегодня заснуть! Целую. С любовью, *Майкл*».

Маргарет щелкнула мышью, открыла письмо, пробежала глазами. Впервые за один год, два месяца и три дня на ее лице мелькнула тень. Настоящего эля? Раньше он никогда не говорил о своем интересе к настоящему элю. Это как-то… примитивно, не так ли?

На полпути между нами? Ему было бы сложно приехать в место, расположенное ближе к ее дому? Но хуже всего…

Бар?

Она быстро напечатала ответ:

«Я не хожу в бары, милый. Я провожу выходные в Париже, в отеле «Георг V» или в «Ритц-Карлтон», в Бристоле». И, подумав, удалила: «Какая глупость, от этих фантазий у меня нервы сдают…»

Снизу послышались крики восторга и оглушительный рев. Гол. Супер. Круто.

«Джо, я так за тебя рада».

Вместо удаленных строк она написала:

«Милый, «Красный лев» – это прекрасно, звучит очень романтично. В 7:30. Кажется, я тоже не засну! Люблю тебя. Целую. М.».

Заезжая в самый дальний угол автостоянки, Майкл думал о том, что Джо мог ведь прочитать переписку жены и теперь будет следить за ней до самого «Красного льва».

Он выбрался из темно-зеленой «астры» (его БМВ забрала Карен) и, продолжая нервничать, пошел к центральному входу в паб. После душа он побрился, выбрал одеколон «Босс», который, по мнению Карен, обладал очень мужским и волнующим ароматом, и не забыл про освежитель для полости рта. У него было такое ощущение, что в животе роится моль.

Остановившись у двери, он бросил взгляд на щегольские часы для подводного плавания. 7:32. Глубоко вдохнув, он вошел внутрь. И сразу увидел ее.

«О нет!»

Сердце так резко ухнуло вниз, что едва не свалилось в совершенно новые мокасины «Доксайдер».

Она сидела у стойки на всеобщем обозрении – ладно, к счастью, здесь почти никого нет, – но хуже всего, что перед ней лежала пачка сигарет и зажигалка. Она никогда не писала ему, что курит. Но самое, самое, самое страшное, что эта стерва не имела ничего общего с той фотографией, которую ему прислала. Ничего общего!

Да, у нее были волосы такого же рыжего цвета – будто окрашенные хной, честно говоря, – но не было длинных локонов; коротко стриженные и торчащие, словно шипы, о которые можно уколоть палец.

«Почему ты не писала мне, что подстриглась? Почему?!» Совсем некрасивое лицо, и она весит на три-четыре стоуна больше, чем на фотографии, целлюлит на бедре под вульгарной юбкой.

А возраст она назвала верно, пожалуй, это было единственным правдивым фактом.

Она перехватила его взгляд и теперь улыбалась ему…

«Нет. Ни за что. Только не это. Сожалею. Мне жаль».

Майкл развернулся и убежал не оглядываясь.

Выезжая со стоянки, он обливался потом от гнева и разочарования. Он отключил телефон на случай, если Маргарет решит позвонить. Он едва успел увернуться, когда навстречу ему пронесся какой-то идиот.

– Урод! – выкрикнул он.

Маргарет с облегчением вздохнула, увидев, что стоянка почти пуста. Отъехав в дальний угол, она включила свет в салоне и поправила прическу, оглядела лицо и вышла из машины.

7:37. Она опоздала намеренно, чтобы Майкл успел добраться. Несмотря на волнение, она уверенно прошла к входу. К ее разочарованию, в зале его не оказалось. Пара молодых ребят, похожих на продавцов. Одинокий пожилой мужчина. У барной стойки полная женщина средних лет, с торчащими в стороны рыжими волосами и в ужасной юбке. Вскоре к ней подсел вышедший из мужской комнаты человек, похожий на покрытую татуировками гориллу, сказал ей что-то на ухо, и она захихикала и взяла из пепельницы тлеющую сигарету.

Майкл забился в свое логово и уставился на экран.

– Стерва. Какая стерва! – Одним щелчком он отправил все письма Маргарет в корзину. Еще щелчок, и туда же отправилась фотография.

Затем он очистил корзину.

Когда Маргарет вернулась чуть раньше десяти, Джо оторвался от матча, похожего, на ее взгляд, на все матчи, которые ей доводилось видеть.

– Как твой вечер с подругами? – спросил он.

– Я решила, что последнее время не уделяла мужу должного внимания. – Маргарет прижалась к своей скале и поцеловала в щеку. – Я люблю тебя, – прошептала она.

Джо потерял интерес к игре, повернулся к ней и поцеловал в ответ.

– И я тебя люблю, – сказал он.

Потом она поднялась в свою спальню и проверила почту. Ничего.

«Майкл, я прождала два часа», – напечатала она и остановилась.

Как здесь холодно. Внизу экран телевизора уютно подсвечивал комнату. И скала ее была теплой.

«Да пошел ты, Майкл».

Два щелчка, и он исчез из ее жизни.

Смерть в урочный час

Последний час перед рассветом кажется самым безжизненным. Таинственное, безмолвное время, когда воздух наполнен едва уловимой неподвижностью; ночь уже окончена, а новый день еще не наступил. В этот час сопротивляемость человека находится на самом низком уровне, именно в это время чаще всего умирающие, измотанные долгой борьбой за жизнь, не сумев удержаться на якоре, уплывают по реке забвения в спокойную ночь.

Сандра держала маму за руку, ладошка была не больше, чем у ребенка, мягкая, хрупкая, морщинистая.

Она старалась представить, что все еще чувствует пульс, но это было лишь биение ее собственного сердца.

Слеза катилась по ее щеке, ее догоняла новая, а она погружалась все дальше в прошлое, вспоминая только хорошие моменты. В детство, когда была маленькая и слабая, а мама большая и сильная. И думала, как несправедливо время, безжалостно и неумолимо, как старые дедушкины часы с маятником. Сильная. Да, она тоже была сильной последние несколько месяцев, когда кормила маму с ложки, старательно соблюдая все более строгую диету. Прошлым вечером на ужин мама съела желе из ананаса и выпила стакан молока. Ровно в семь часов.

Часы молчали; казалось, последний раз она слышала их бой очень давно.

Она посмотрела на наручные часы. Прошел уже целый час. Еще один час растворился в прошедшей ночи, а британское летнее время вело мир вперед. Совсем недавно было три часа, и вот уже четыре. Недавно мама была жива, и вот ее уже нет.

Внезапно и очень неожиданно жизнь замедлила ход. Никакой спешки. Сандра вцепилась в эту мысль, ставшую единственным утешением в горе. Не нужно спешить.

Она может сидеть здесь еще несколько часов, если захочет. Конечно, надо вызвать врача и – ее передернуло – похоронного агента.

Ей следует получить свидетельство о смерти. Непременно придет викарий. Будут звонить родственники. Огласят завещание. Она вспомнила всю процедуру, проходившую шесть лет назад, когда умер любимый папа.

Погрузившись в свои мысли, она жалобно посмотрела на недвижимое тело матери.

Это была одна из любимых шуток Тони. Он говорил, что только так отец сможет скрыться от мамы. Если он просто уйдет, она отыщет его, вернет домой и строго спросит, указывая на часы, понимает ли он, который сейчас час.

Да, мама была непростым человеком, тираном, постоянно следящим за временем, эгоистичной, капризной, не принимающей никакие доводы, а в последние годы и вовсе злобным параноиком.

Билл, брат Сандры, эмигрировал в Австралию. Сбежал, как утверждал Тони. А сестра Марион отправилась в Америку; тоже сбежала, по словам Тони. Обязанность заботиться о маме осталась ей.

Тони всегда критиковал ее за это, предупреждал, что она слишком слаба, чтобы справиться с мамой. Она позволила пожилой женщине эксплуатировать себя, полностью подавить, заставить быть дома, рядом постоянно, и в результате Сандра упустила момент, когда могла родить детей. И это было сделано не из-за любви, утверждал Тони, а из страха. Он был прав. Мама ненавидела Тони, который увел от нее Сандру, ненавидела за то, что он не позволил ей жить с ними, исключением стали лишь два последних года.

Сандра сидела, сжимая безжизненную руку матери, и понимала, что наконец она свободна, впервые в жизни. Ей больше не нужно ставить будильник на шесть пятнадцать, чтобы приготовить чай и принести его маме в постель ровно в шесть тридцать – так всегда делал отец. Ей не придется подавать завтрак ровно в семь пятнадцать, а потом к восьми готовить ванну. Не нужно мысленно заводить внутренний будильник, чтобы звонить маме каждый час, когда уходила из дома, и выслушивать оскорбления, если позвонила чуть позже или задержалась и пришла позже обещанного, не в урочное время подала ужин или теплое молоко, которое полагалось пить ровно в одиннадцать.

Сандра перебирала пальцы матери, со смешанным чувством неохоты и воодушевления впуская в себя свободу, затем положила ее костлявую руку рядом с телом. Выключив свет и закрыв за собой дверь, она прошла в свою спальню. Устало опустилась на кровать и вытянулась рядом с крепко спящим Тони.

Не стоит его будить. Дела могут подождать. Несколько часов сна помогут ей набраться сил перед приготовлениями, которые ждут ее впереди: выбор гроба, музыки, составление текста для некролога в газетах.

Она лежала неподвижно, вымотанная многими неделями ночных дежурств, глаза ее были еще влажными, а сердце сжималось от горя.

Она спала урывками, прислушивалась, не бьют ли часы деда, но услышала лишь предрассветную мелодию. Наконец она встала, накинула халат, закрыла за собой дверь и остановилась на лестничной площадке. Тени цвета битума окружали ее со всех сторон. Сандра смотрела на дверь комнаты матери, и горло начало медленно сжиматься. Она должна была слышать отсюда бой часов, но тишину не нарушал ни один звук. Озадаченная, она спустилась в холл. Стрелки часов замерли, по-прежнему показывая три часа. Они остановились. Сандра глянула на наручные часы – шесть сорок пять.

На душе появилась тяжесть. Три часа. Теперь она вспомнила; вернулась в прошлое. Она вспомнила то, о чем горе заставило ее забыть. Три часа. Сандра еще раз посмотрела на часы. Возможно, это будет важно для врача: мама умерла ровно в три часа ночи.

Внутри разливался пугающий холод. Часы подарила им на свадьбу мама. Слишком строгие, казенные, громоздкие, они заполняли собой все маленькое пространство холла и смотрели на нее каждый раз, когда она входила в дом, словно желая упрекнуть за несвоевременный звонок или вовсе за забывчивость.

Тони их не любил, но в те далекие дни еще пытался завоевать расположение мамы, потому часы заняли почетное место. Он любил шутить, что им необязательно иметь в доме портрет ее матери, часы являются почти точной ее копией.

Сандра повернула в кухню. Стоило переступить порог, как в лицо ударил холодный воздух, вызвавший дрожь во всем теле. Пораженная, она огляделась и увидела, что дверь морозильной камеры распахнута. Тусклый дневной свет сочился сквозь серые жалюзи, единственным слышимым звуком был шум холодильника. Когда она потянулась к выключателю, что-то пронеслось мимо, шелестя тканью. Сандра застыла, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. В комнате стояла мама. Она была в розовом халате и смотрела сурово, постукивая по часам на руке.

– Где мой чай? Что ты за дочь, если забываешь принести умирающей матери чашку чаю?

– М-м-мама! – запинаясь, произнесла Сандра. – Ты… ты умерла… умерла… ты…

В помещении становилось все холоднее, свет медленно тускнел.

Образ матери оставался четким, даже более живым, чем прежде. Замешательство сменилось облегчением.

– Мамочка… ты в порядке? Я… я… – Голос сорвался, и она замолчала. Глаза подтверждали, что мама стоит напротив, но мозг кричал, что это невозможно. Всего несколько часов назад у мамы не билось сердце, тело было холодным, появились признаки окоченения.

– Вы с Тони не можете дождаться, когда я уйду, хотите от меня избавиться, верно?

– Мамочка, э-это не так. Нет… я…

Мама сделала шаг к ней и подняла руку.

– Стерва! Шлюха! Проститутка! – Ладонь мелькнула в воздухе, Сандра вскрикнула и отступила.

– С кем ты разговариваешь?

Она медленно повернулась. В дверном проеме стоял Тони, смотрел на нее сонными глазами и плотнее заворачивался в махровый халат. Сандра повернулась к матери, но фигура исчезла. Сердце зашлось, и она, открыв рот, сделал несколько глотков воздуха.

– Мамочка, – пробормотала она. – Я… я…

Обойдя его, она бросилась вверх по лестнице и распахнула дверь гостевой комнаты.

Мать лежала в той же позе, в какой она оставила ее. Осторожно, едва дыша, Сандра подошла и коснулась щеки. Она была холодной, как оштукатуренная стена. Глаза закрыты, на губах ухмылка, словно и мертвую ее веселила какая-то предсмертная шутка.

Дрожа от страха и смятения, Сандра повернулась и прижалась к Тони, вошедшему следом. Он нежно обнял ее, и она разрыдалась, уткнувшись в теплое махровое плечо.

– Уже холодная, – тихо и довольно равнодушно заметил Тони. – Должно быть, умерла во сне.

На следующее утро Сандра села в постели с широко распахнутыми глазами.

Часы на тумбочке показывали шесть пятнадцать. Пятнадцать минут!

Она поспешила спуститься вниз. Пока закипала вода, она насыпала заварку в чайник, поставила на поднос мамину чашку с блюдцем.

Налив кипяток в чайник, замерла.

Черт возьми, что она делает?

Мама лежит в морге, похороны назначены на вторник.

Разозлившись на себя, Сандра вылила содержимое чайника в раковину, прошла через холл, бросив взгляд на показывающие три часы, и вернулась в кровать. Прижавшись к Тони, она проникла под его пижаму и принялась возбуждать. Через несколько минут она оседлала его, и они страстно и бурно занялись любовью.

– Ты свободна, – сказал Тони, когда они впервые нежились субботним утром в постели. – Теперь ты принадлежишь самой себе, мы принадлежим сами себе. Можем поехать отдыхать. Избавиться от этих проклятых часов.

– Сегодня придет мастер, чтобы их починить, – напомнила Сандра.

– Бог мой, зачем тратить на это деньги? Давай лучше продадим их на каком-нибудь аукционе.

– Сначала надо починить. Я не могу оставить их такими.

– С механизмом все в порядке, миссис Эллис. Я все тщательно почистил; возможно, они остановились из-за пыли.

Сандра заплатила мастеру и поблагодарила его. Провожая его к двери, она решилась спросить:

– Возможно, вы знаете, кто мог бы пожелать их купить?

– Э-э… – задумчиво протянул мужчина. – Что ж, вещь вполне достойная. Спросите Атертона с Льюис-Хай-стрит.

Сандра закрыла дверь и удивленно повернулась, услышав, что ход часов возобновился. На ее глазах минутная стрелка рванула вперед и остановилась на одиннадцати минутах третьего.

Тони отправился играть в гольф и должен был вернуться ближе к вечеру.

Сандра решила, что ей необходимо продать часы и заняться этим немедленно. Чем раньше часы исчезнут из дома, тем лучше. Возможно, она проявляла непочтение, желая избавиться от них до похорон, но это уже не важно.

Тони вернулся домой около пяти и был удивлен, не увидев «тойоты» Сандры у дома. Войдя в холл, он обратил внимание, что часы ее деда по-прежнему показывают три и не издают ни звука. Странно, подумал он. Ведь Сандра говорила, что мастер придет в полдень. Из кухни доносился шум. Это Сандра.

– Привет, любимая, – сказал он, входя. – А я решил, что тебя нет.

На столе он увидел поднос с чаем.

– Мамочка ждет чай, – сказала она. – Пришлось вернуться.

Тони искоса посмотрел на нее:

– Твоя мама умерла. А где машина?

Звонок в дверь раздался прежде, чем она успела ответить. Сандра продолжала заниматься чаем, будто не слышала ни вопроса, ни звонка.

Тони открыл дверь. Перед ним стояли двое полицейских со скорбными лицами, держа фуражки в руках.

– Мистер Энтони Эллис? – спросил один. Голос его слегка дрожал.

– Да, – кивнул Тони.

– С вашей женой несчастье, сэр. Ее сбила машина, когда она переходила Льюис-Хай-стрит. Ее повезли в клинику Роял-Суссекс-Кантри, но по дороге она скончалась.

Тони покачал головой:

– Тут, верно, какая-то ошибка – моя жена дома. Входите и посмотрите на нее сами.

Он провел их в кухню.

– Сандра, ты ни за что не догадаешься… – Он замолчал на полуслове. В кухне никого не было. И подноса на столе не было.

Тони побежал наверх, выкрикивая имя жены, но слышал только тишину. Он медленно спустился по лестнице.

– К-к-когда… это случилось?

– Совсем недавно, сэр, – ответил ему второй полицейский и как-то странно посмотрел на часы деда. – Часа в три, сэр.

Виртуально живой

Генри сжег дорогой новый чип, уничтожив важный файл в почте, а потом безнадежно застрял посреди мира. Потерялся. Облом, как бывает в понедельник утром.

Генри, или henry.biomorph.org.uk, если уж приводить его полное имя, решил справиться с этой проблемой тем же способом, как и со всеми своими проблемами, – он отключился, надеясь, что каким-то чудом все образуется само собой, когда он включится. Или он просто не включится. Черта с два так будет. Нельзя послать в небытие того, кто и так прибывает в забвении.

Пусть попробуют.

«Рассказывайте, – подумал он и фыркнул. – Вот вы у меня где». И не важно, что трудно понять, в каком месте это «где».

Он был не вполне эфемерной сущностью – он был продуктом физики элементарных частиц, фрактальным выражением реального человека, потоком волн самовоспроизводящейся энергии размером в три нанометра, внутри которого содержалась вся информация, когда-либо передаваемая по компьютерным проводам и поступавшая в любой канал передачи данных по всей планете, что делало его самым умным в мире и одновременно наименее опытным. Что-то было ему недоступно – вкус еды, секс, запахи, любовь. Он был кладезем знаний и накопленной мудрости. Если бы он мог носить футболку, на ней было бы написано: «Видел все, и что толку?» Но никто еще не создал футболку три нанометра длиной, а если бы и создал, такая вещь была бы для него бесполезной, так как ее испепелили бы девять триллионов байт данных, проносящихся мимо него за одну аттосекунду. Он бы мечтал тогда стереть из памяти слова: «Полностью одет, но некуда идти», поскольку они не имели бы к нему отношения. Однако он не мог окончательно избавиться от информации. Он пытался, но она поступала вновь от кого-то другого. Он видел все фильмы, которые были сняты. Читал все книги. Смотрел все телевизионные программы, которые транслировались на каждом канале, в каждой стране за последние двадцать пять лет.

Потом появилась рука, тянущаяся к кнопке выключения. Приступ страха, взявшегося непонятно откуда, сменился настоящей паникой; рука приближалась к красной кнопке, под которой было написано крупными буквами: «АВАРИЙНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ». Ниже должно быть указано (этого, конечно, не было) такими же крупными буквами: «ВЫПОЛНИТЕ НЕОБХОДИМЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕОБРАТИМЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ».

– Выполните! – кричал Генри. – Выполните! – Паника захватила его. – Выполните!

Он чувствовал, как взлетает вверх, сбитый с толку отсутствием гравитации; выше, быстрее, сквозь кромешную тьму черного вертикального тоннеля. Последовал удар страха, опустошил его, ввел в бессознательное состояние.

Режим запуска. Включилось на полную мощь сознание охотника-собирателя.

«Какое счастье, – подумал он. – Я не сдох». В наши дни ни в чем нельзя быть уверенным.

Он лежал неподвижно, пульсирующий страх еще жил в нем, но паника отступала. Он постарался расслабиться и логически соединить все существующее вокруг. Один и тот же кошмар преследовал его из ночи в ночь и казался совершенно реальным. Впрочем, что в наши дни можно считать реальностью? Жизнь превратилась в путаницу, последовательный пространственно-временной континуум полной неразберихи. Он тупо уставился на пиксели на подушке рядом.

Сотни пикселей. Тысячи. Миллионы, требующие соединения для передачи четкого изображения его жены. Отправляясь спать, он всегда сжимал его (чтобы сэкономить место на жестком диске – его мозге, как он предпочитал называть), но обратное расширение каждое утро было делом хлопотным, учитывая, что его необходимо было произвести в смехотворно короткий период времени.

Черт, насколько можно еще уменьшить это время? Оно уже превратилось из пикосекунд в наносекунды, затем аттосекунды. Аттосекунда выросла в секунду, потом еще одна секунда и Большой взрыв… ему надо успеть собрать все меньше чем за мгновение.

– Доброе утро, милый, – произнесла Сьюзен, сонно улыбаясь. Нагромождение пикселей превратилось в цельный образ жены с прядью темных волос, упавших на лицо. Черт, она же как живая, именно такой он ее помнит – впрочем, так и должно быть.

Он потянулся и поцеловал ее. Разумеется, губы коснулись пустоты, но он все равно делал так каждое утро. И она ответила ему, кокетливо надула губки и слегка усмехнулась, словно хранила тайну, которую не собиралась ему открывать. Она тихо хихикнула, как делала каждое утро.

– О, милый, конечно хочу. Хочу!

Он смотрел, как она встает с кровати, и ощутил неожиданно острое желание, увидев, как она, выгнув обнаженное тело, поправляет волосы и удаляется в ванную.

Хлопнула дверь. Бог мой, они не занимались любовью с… с… Он порылся в памяти – сегментах памяти… нет, в клетках, да, клетках мозга (человеческие ресурсы, как они это называли), – но так и не смог вспомнить, когда они последний раз занимались любовью. Он даже не помнил, когда последний раз об этом думал. Все еще больше запутывается. Синдром стресса от перегрузки мозга. Это стало самым распространенным заболеванием западного мира. Мозг заполнен, для новой информации в нем нет места, отчего появляется ощущение паники и растерянности. Генри и сам с недавнего времени страдал этим синдромом.

Симптомы были настолько очевидны и ясны ему, что он даже не потрудился обратиться к врачу, чтобы тот подтвердил диагноз: в мире столько этих чертовых широкополосных каналов.

Он напрягся, взбудораженный тревогой. «Я не могу заняться любовью с женой, потому что ее не существует, точнее, она существует в моей памяти. В моей реальности». Затем он сказал себе то, что всегда говорил, чтобы себя успокоить: «Cogito, ergo sum». И несколько раз повторил по-английски, потому что по-английски это звучало лучше: «Мыслю, значит, существую».

Уже два года Сьюзен была мертва, но он никак не мог к этому привыкнуть, все еще позволял себе обманываться мечтами о том, что она рядом, они могут смеяться, целоваться, иногда заниматься любовью; мечты, да, о старых добрых временах. Все прошло. Но не окончательно. Генри прислушался к доносящимся из ванной звукам.

Это было частью голографической модели постдеанимированной программы «Перма Жизнь-7». Из-за двери доносился шум воды, создавая иллюзию, что Сьюзен еще жива.

Через несколько секунд, ровно в 6:30 по общеевропейскому времени, раздался синтезированный голос Минутного Менеджера – его личного ежедневника:

«Доброе утро, мистер и миссис Гаррик. Сегодня четверг, 17 ноября 2045 года».

Теперь Генри понял, что не так. Сьюзен встала раньше будильника. Она никогда не вставала раньше. Никогда.

Минутный Менеджер беззаботно продолжал:

«Заголовки сегодняшней ленты новостей, которые могут вас заинтересовать. Обновленную версию я представлю в течение часа.

«Премьер-министр утром прибывает в Страсбург, чтобы представить доводы против исключения Британии из ЕС».

«Сегодня парламент обсудит в первом чтении закон о сокращении власти палаты общин в пользу правительства на основании консенсуса в Интернете… а делегаты Всемирного союза обеспокоенных ученых продолжат добиваться внесения в международное законодательство пункта об ограничениях возможностей компьютерного разума».

– Ты сегодня рано, дорогая, – сказал Генри, когда Сьюзен вернулась в спальню.

– Предстоит тяжелой день, – с грустью пробормотала она и начала перебирать развешанные в гардеробе вещи, прерываясь ненадолго, чтобы взять вешалку с платьем, приложить и оглядеть себя в зеркало.

Завтрак, подумал он. Вот чего не хватало ему в последнее время. Обычно она приносила ему завтрак на подносе прямо в постель. Чай, тост, каша, вареное яйцо.

Он никогда не изменял своим привычкам, поэтому Сьюзен готовила ему одно и то же каждый день. Он зависел от нее во всем, в этом причина того, что он не захотел расстаться с ней и после смерти.

– Где мой завтрак? – угрюмо спросил он.

И почти сразу отыскал в байтах хранимой памяти информацию о том, что не завтракал уже два года. Но ни одного объяснения, почему так было.

Ужасно, но у него возникали большие сложности с воспоминаниями о смерти Сьюзен. Такое впечатление, что он сохранил данные, но не мог вспомнить где. В какой-то момент они были женаты и счастливы, а в следующий ее уже не было. По крайней мере, не было человека из плоти и крови.

Генри Гаррик создал копию своей жены. Технологии создания роботов еще не доведены до совершенства, особенно в области мышечного движения, поэтому точные копии человека – ТКЧ – двигались, как правило, неуклюже, своеобразная артикуляция делала их похожими на больных людей. Оттого он и выбрал голографическую модель «Перма Жизнь-7».

Сьюзен-2, как он ее называл, подключалась через цифровой спутниковый канал к искусственному интеллекту под названием «Архив-4», а вмонтированные в стены лазеры позволяли ей двигаться по всей квартире, хотя, конечно, не за ее пределами. Преобразованием Сьюзен из человека живого (из плоти и крови) в виртуального занимались служащие похоронного бюро.

Слово «смерть» постепенно исчезало из лексикона. «Деанимированный», или «условно анимированный», или даже «альтернативное разумное состояние» – такие определения приходили на смену и были более точными описаниями, по крайней мере для тех, кто воспользовался предсмертной загрузкой сознания, повсеместно предлагаемой похоронными бюро.

«Вот дела», – подумал Генри. Вариантов было множество, как для живущих, так и воссозданных. Книги статичные, интерактивные; виртуальная реальность, альтернативная реальность. И конечно, как и прежде, старый добрый телевизор. Правда, теперь уже никто не знал, сколько он показывает каналов. Его Минутный Менеджер обеспечивал круглосуточную трансляцию тех, которые соответствовали вкусам Генри. Программы можно было разделить на две категории – те, что Генри будет смотреть, и те, что будут

транслироваться сразу в его мозг через нейроинтерфейс, таким образом, он будет помнить, словно их смотрел.

«Вечером будут показывать хорошие старые детективы, – сообщил Минутный Менеджер. – «Крамер против Крамера», «Законы Лос-Анджелеса», «Перри Мейсон», «Место преступления», «Банда», «Представитель закона», «Судья Рампол». Предпочитаете посмотреть в реальном времени или загрузить?»

Несколько мгновений Генри не отвечал. Он размышлял, почему же его жена сегодня так рано встала? Может, возникла проблема с одним из ее модулей? Следует вызвать инженера, пусть он все проверит, вот только надо вспомнить, с кем он заключал контракт. Звуки ее голоса вывели его из забытья.

– Пока, милый. Хорошего тебе дня.

Она уходит! Но как? Это совершенно невозможно.

– Эй! – закричал он ей вслед. – Черт, куда ты идешь?

Сьюзен вернулась почти в полночь. От нее пахло алкоголем и табаком, и она обнимала незнакомого парня.

– Где ты была? – заорал Генри. – И что это за урод?

К его удивлению, она не ответила. Даже не посмотрела в его сторону.

– Я думала, мне будет его не хватать, – произнесла она, не отрывая глаз от нового приятеля, Сэма. – Хотела, чтобы он остался со мной. Но проблема вот в чем: он никак не поймет, что умер, представляешь? Он считает, что это я мертвая! Бедняга, к концу жизни он окончательно запутался. Порой он так странно на меня смотрит. Я понимаю, это всего лишь голограмма, но кажется, он до сих пор жив, может думать чувствовать. С каждым днем это ощущение все сильнее, сегодня утром он так разозлился, когда я собралась уходить! Полагаю, настало время его отключить.

– Пожалуй, – кивнул Сэм, с беспокойством поглядывая на голограмму.

– В жизни рано или поздно настает момент, когда надо отпустить прошлое.

Сьюзен подняла руку и нажала кнопку.

Встретимся в крематории

«Я тебя хочу», – написал он.

«Я хочу больше», – написала она ответ.

Тревор любил повторять, что прошлое – это другая страна. В данный момент для Дженет другой страной должно было стать ее будущее. И другой мужчина.

И сегодня он будет принадлежать ей. Опять. Острое сексуальное возбуждение сдавило живот при мысли о нем. Страсть. Жажда.

«Сегодня ты будешь моим. Раз за разом, снова и снова».

Прошлое мелькало в зеркале заднего вида, отдаляясь с каждым пройденным километром. Прожилки соснового леса по обеим сторонам дороги с точками дорожных знаков, замедляющих бег машины. Она спешила скорее добраться. Сердце заходилось от восторга и страха. Пульс учащался. Адреналин будоражил кровь уже сорок восемь часов, но она не ощущала усталости, напротив, была бодра, более чем бодра.

Путь в неизвестность. Ей предстоит встретиться с мужчиной, о существовании которого она не подозревала всего несколько недель назад. Она распечатала его фотографию, отправленную им в формате джейпег, и теперь та лежала рядом с ней, на переднем сиденье ее серого «пассата». Высокий, мускулистый парень, полностью обнаженный и с легкой эрекцией. Он будто дразнил ее, призывая сделать возбуждение максимальным. Отличный пресс – почти шесть кубиков. Она уже чувствовала, как он будет прижиматься к ее животу. У

него были темные волосы, густые и пушистые, они покрывали торс и ноги – ей это нравилось. Тревор был светловолосый и худой, а на теле почти ни одного волоска.

Этот же мужчина был загорелым, стройным, подтянутым.

Ганс.

Он был похож на молодого Джека Николсона, и волосы у него так же начинают редеть на макушке. Внешность на фотографии вполне соответствовала его голосу и манере, которые привлекли ее при первом общении в чате.

Нечто дикое, животное.

Фон, выбранный для фотографии, показался ей странным. Замкнутое пространство без окон, похожее на машинное отделение корабля, впрочем, если это так, то идея ей нравилась. Как и все в нем, это ее возбуждало. Блестящие трубы от пола до потолка, бежевая обшивка, циферблаты, датчики, переключатели, рычаги, ручки, мигающие огни. Может, это диспетчерская ядерной станции? Или Центр управления полетами?

Что ж, значит, их полет будет под контролем!

Интересно, кто сделал этот снимок? Любовница? Или он сам, используя автопуск? Впрочем, какая разница, она все равно очень его хочет. Хочет его тело, хочет, чтобы возбуждение его было сильнее, чем на фото. Хочет ощущать его внутри себя. Она хотела его так сильно, что едва не обезумела от страсти.

Комары становятся безумными от жажды крови. Им необходимо найти место и напиться крови, даже если это их убьет. Так и она стремилась обладать Гансом любой ценой, даже жизни. Она мечтала впустить его в свою душу и свое тело.

Ее ничто не беспокоило. Она была свободна. Свободна целых два дня, и это было несоизмеримо больше той свободы, которой она обладала целых два года.

Сквозь шуршание и скрежет радио до нее донеслись обрывки речи на немецком, а потом Боб Дилан запел «Времена, они меняются».

Как верно. Действительно меняются! На стекло упали комки снега, но их смели «дворники». На улице сейчас холодно, и это прекрасно. Приятно заниматься любовью в теплой спальне, когда на улице холодно. Кроме того, у холодной погоды много других преимуществ.

«Я никогда не дам тебе уйти, – говорил Тревор. – Никогда. Ни за что». Она слышала это несколько лет.

Ганс подробно рассказал, что собирается с ней делать. Как именно они будут заниматься любовью в первый раз. И он все сделал именно так, как описал. Ей нравилась немецкая точность. То, как внимательно он изучил ее фотографию и уже хорошо знал тело, когда они встретились. Как он говорил, что ему нравятся ее волосы, а потом зарывался в них лицом.

«Меня зовут Ганс. Мне тридцать семь лет, разведен, хотел бы начать новую жизнь с женщиной моего возраста. Мне нравятся стройные брюнетки. Прости мне плохой английский. Ты мне нравишься. Я еще не знаю тебя, но ты уже мне нравишься».

«А ты нравишься мне еще больше!»

В этом году ей будет сорок. Она в шутку называла его молодым любовником. Он хохотал, и ей это нравилось; у него было хорошее чувство юмора. Немного своеобразное, порочное.

Все в нем было порочным.

Дженет знала, что выглядит хорошо. Красавицей не была, но понимала, как сделать так, чтобы казаться привлекательной и сексуальной. Одеться так, чтобы убить наповал, чтобы все мужчины смотрели только на нее. Занятия аэробикой дважды в неделю помогали ей держать себя в форме, Если вспомнить одно из самых противных высказываний Тревора, раньше она страдала компульсивным перееданием – и перепиванием, – чтобы получить душевный комфорт. Потом она узнала о программе «весонаблюдателей», и вскоре жир, а за ним и целлюлит исчезли. Фигура приобрела стройность, живот не был похож на мешок, как у некоторых ее подруг, родивших детей. Грудь была по-прежнему упругой и приподнятой, в нарушение всех законов гравитации.

Дженет предпочла бы стать выше ростом – всегда мечтала об этом, – но нельзя иметь все, что пожелаешь.

Как сказал Тревор, когда они впервые занимались любовью: «В постели все люди одинакового роста». Тогда это ее развеселило.

Тревор любил повторять, что ничто сделанное в жизни не бывает напрасным.

Он любил сыпать умными фразами, было время, когда Дженет их внимательно слушала, с обожанием, сохраняла в памяти и при случае повторяла.

Дженет так сильно его любила, до боли.

Но она ничего не имела против боли. Это было одно из того, в чем Тревор по-настоящему знал толк. Узлы, наручники, зажимы на соски, кожаные ремни, ошейники, хлысты и бамбуковые хлопушки. Ему нравилось причинять ей боль; он знал, как и в каком месте. Она не возражала, потому что любила его.

Но все это было тогда.

Дженет изменилась в период между «тогда» и «сейчас». Они оба изменились. Его горизонты сузились: ее расширились.

«Любую систему можно разрушить». Это тоже было одним из его высказываний.

И он был прав.

Их разделяла целая жизнь. Так ей казалось. И тысяча двести двенадцать километров, которые она проехала по сосновому лесу, припорошенному декабрьским снегом. Щелчок. Уже одна тысяча двести тринадцать.

Дженет ехала со скоростью сто тридцать щелчков в час. На заднем сиденье лежала вся ее жизнь, упакованная в два больших чемодана. Одна тысяча двести четырнадцать.

Гаген-3.

Скоро поворот. От предвкушения сжало горло. Сколько деревень, маленьких и больших городов она проехала за всю жизнь, задаваясь вопросом: «Каково было бы здесь остановиться? Остаться в совершенно чужом месте, где не знаешь ни одного человека, снять номер в гостинице или небольшую квартиру и начать новую жизнь?»

Ее мечта вскоре осуществится. Гаген. До недавнего времени он был для нее лишь пунктом на карте Гугл. Гаген. Тридцать седьмой по величине город Германии. Ей это нравилось. Население двести тысяч. Расположен на берегу реки Рур. Город, о котором мало кому известно в мире, за исключением его обитателей. Некогда индустриальный, теперь, если верить информации в Интернете, он был популярным центром искусства. Это ей тоже нравилось. Она уже видела себя в месте, ставшем центром искусства.

До настоящего времени Дженет была далека от творчества. Как-то не оставалось времени. Во время рабочей недели всегда была в дороге, поскольку трудилась в отделе продаж компании, выпускавшей промышленные щетки. Щетки для типографий. Щетки для пылесосов. Уплотнение для дверей лифта. Щеточные контакты. Ей будет не хватать веселых разговоров и флирта с покупателями – в основном мужского пола – на заводах, в оптовых фирмах, прокатных заводах и хозяйственных магазинах. Дженет будет скучать по удобному

«форду-мондео», принадлежащему компании, хотя и «пассат» ее вполне устраивал. Все хорошо. Цена невелика. Просто смехотворно мала.

После рабочей недели, в выходные Тревора тоже не интересовало искусство. Он не желал слышать о театрах, галереях, концертах, если это не группа «Деф Леппард» – отличная музыка, если вам нравится то, что она терпеть не могла, – но это не было творчеством, по крайней мере с ее точки зрения. Тревор предпочитал смотреть футбол, проводить время в пабе, а еще лучше в одном садомазохистском клубе, который он отыскал в Лондоне и где они вскоре стали постоянными посетителями. Помимо всего прочего он испытывал особое удовольствие, когда бил и оскорблял ее в присутствии других людей.

Слева, чуть впереди, за железной дорогой, пролегавшей на возвышенности, начинался город. Он раскинулся в долине, окруженной невысокими, округлыми, заснеженными холмами. Все, что она пока видела, было серого или коричневого цвета, включая нависшее над землей небо.

Однако это казалось ей очень красивым.

Гаген. Место, в котором она никого не знает и ее не знает никто.

Кроме одного мужчины. Впрочем, и с ним они едва знакомы. И она приехала в город, где он живет и работает, чтобы заняться с ним сексом второй раз. Она старалась вспомнить, как звучит его голос. Как от него пахнет. Он был достаточно грубым, чтобы отправить ей фотографию в обнаженном виде, и почти возбужденным, но одновременно нежным – он прислал ей стихи Апарны Чаттерджи:

Говорю страсть

Вижу страсть,

Чувствую страсть,

И страстно желаю.

Покажи мне свое тело

Наизнанку…

Нет одежды,

Нет запретов,

По чуть-чуть,

По частям,

Подари мне свои запахи,

Подари свой пот…

Тревор за всю жизнь не прочитал ни одного стихотворения.

Сразу за переездом дорога шла вниз. Под этим углом создавалось впечатление, что она едет прямо на грязные, выкрашенные в голубой цвет таунхаусы. Остановившись на светофоре, она взглянула в зеркало – на мгновение, потом заметила желтый указатель «Центр» со стрелкой вперед и еще один, ведущий налево, – «Театр».

Ей это понравилось. Понравилось, что вторым словом, увиденным в этом городе, было «театр».

Должно быть, это хорошее место – она чувствовала сердцем, душой.

Гаген. Она произнесла название вслух и улыбнулась.

Сзади просигналил автомобиль. Зажегся зеленый свет. Она проехала мимо указателя «Бергишер-Ринг» и вспомнила карту – отель где-то рядом. Ей хотелось скорее увидеть Ганса, но и оглядеть окрестности и сориентироваться. Все время в этом мире принадлежало ей, надо использовать его правильно с самого начала. Казалось, она слишком быстро выехала на трассу, а через несколько минут уже была в центре города.

Ей было необходимо все прочувствовать, тщательно исследовать, вдыхать медленно.

На перекрестке Дженет повернула направо и покатила вверх по крутому извилистому склону холма с террасами домиков по обеим сторонам и обветшалой церковью на вершине. Повинуясь внезапному порыву, она свернула налево и неожиданно очутилась на окраине редкого леса, покрывавшего холмы вокруг до самой черты города, раскинувшегося у подножий.

Свернув на обочину, она остановила машину у цистерны с бутаном за обшарпанным дорожным ограждением и вышла. Центральный замок давно не работал, поэтому она обошла автомобиль, проверив, заперты ли двери и багажник. Подойдя к ограждению, посмотрела вниз на поселение, которому предстояло стать ее новым домом.

Гаген. Здесь, помимо прочих достопримечательностей, как хвастливо извещали туристические сайты, находился первый крематорий в Германии. К нему вела удобная кольцевая дорога.

Дженет смотрела прямо перед собой на город, лежащий словно в огромной чаше прямо перед ней.

Взгляд скользил по серому городскому пейзажу, цистерне и мрачному небу, готовому в любую минуту разразиться дождем. Из широкой трубы, окруженной низкими промышленными постройками, валил дым и поднимался выше самых больших холмов. Пятно микрорайона многоквартирных домов. Шпиль костела. Колесо обозрений, слишком ярко освещенное для трех часов дня, – это напомнило ей, что скоро начнет темнеть. Неожиданно в поле зрения попала узкая река с каймой закопченных зданий. Некоторые дома с красными крышами. Ей стало любопытно, кто в них жил, встретится ли она с кем-то из этих людей?

Рассказывая ей о Гагене, Ганс сказал, что это «ни рыба ни мясо».

Ей было все равно, каким он был или каким не был. Город выглядел огромным, вмещавшим много больше двухсот тысяч жителей. Он казался ей мегаполисом, в котором можно было потеряться и спрятаться от всех.

С каждой секундой он нравился ей все больше.

Дженет заметила странное здание цилиндрической формы, полностью из стекла. Оно подсвечивалось синим и напоминало старую водонапорную башню. Что это могло быть? Ганс непременно ей расскажет. Во время перерывов между занятиями любовью они вместе исследуют каждый дюйм этого города. Только бы найти время любоваться и узнавать что-то помимо тел друг друга!

Она повернулась спиной к открывающейся панораме и пошла вверх по холму, сунув руки глубоко в карманы черной замшевой куртки. Мокрые снежинки щекотали лицо, намокший шарф хорошо защищал горло, наполняющееся запахами деревьев и жухлой травы. Она шла по узкой лесной тропинке, вскоре превратившейся в проселочную дорогу, которая вывела ее спустя несколько минут на пригорок, лишь в некоторых местах покрытый травой. Вдалеке в ряд выстроились деревья, а перед ними возвышался каменный прямоугольник монумента.

Дженет подошла ближе и остановилась у местами разобранной ограды – вероятно, здесь велись ремонтные работы. Это был памятник Бисмарку. Она сразу узнала его, поскольку не раз видела на сайтах, рассказывающих об истории и достопримечательностях Гагена.

Несколько минут она его разглядывала, потом достала небольшой цифровой фотоаппарат и сделала несколько снимков. Первые фотографии в Гагене.

Откинув голову, Дженет слизнула с губ мокрые снежинки и зажмурилась от острого ощущения счастья и свободы.

«Я здесь. Я приехала. Я смогла!»

Сердце рвалось скорее увидеть Ганса, но все же она решила не спешить. Ей нравилось смаковать эти моменты ожидания.

Хотелось насладиться свободой. Возможностью не спешить домой, чтобы приготовить Тревору ужин (всегда различные вариации на тему мяса и картофеля, поскольку он ничего другого не ел). Провести сколько угодно времени перед памятником Отто Эдуарду Леопольду фон Бисмарку – человеку, причастному к формированию той страны, которая станет ее вторым домом на все время личной свободы, которое ей отпущено. Долгим ли оно будет, ей неведомо.

«Лучше прожить один день как лев, чем тысячу лет как ягненок», – любил повторять Тревор, расхаживая в шипованной кожанке и фуражке.

Разумеется, он бы не одобрил ее приезд, и в частности то, что она стоит перед памятником Бисмарку, словно перед алтарем. Тревор с предубеждением относился к Германии, и дело было не в войне. Он говорил, что у немцев нет чувства юмора. Что ж, Ганс доказал, что это не так.

И еще он заявлял, что немцы слишком рациональны, – можно подумать, это недостаток!

Надо заметить, что Тревор ко всему относился с предубеждением. Особенно он не любил крематории, говорил, что при виде их у него по телу бегут мурашки.

Ей же такие места казались увлекательными. И в этом вопросе их мнения не совпадали. Дженет всегда считала такое его отношение к крематориям странным, ведь он работал в похоронном бюро. Впрочем, если вспомнить пятнадцать лет их брака, то на что они смотрели одинаково? Резиновое белье? Наручники? Маски? Причинение боли друг другу? Доведение друг друга до сумасшедшего оргазма, случавшегося в редкие моменты отдыха от взаимных пыток? Побег от реальности, с которой оба не желали сталкиваться? Или тот факт, что они не могли – слава богу – иметь детей?

Было время, когда Дженет по-настоящему его любила. Глубоко, искренне, страстно, была готова ради него на все. Смерть всегда ее привлекала. Тянуло к людям, находящимся рядом со смертью. Тревор работал бальзамировщиком. У него был сертификат, висевший в рамочке в гостиной, извещавший, что он входит в Независимую ассоциацию бальзамировщиков.

Ей нравилось, что его руки прикасаются к ней. Руки, которыми он откачивал кровь из трупов, чтобы наполнить потом розовой жидкостью, которыми он наносил макияж на лицо мертвеца, укладывал волосы. Чем ближе она была к смерти, тем более живой себя ощущала.

Она часто раздевалась, ложилась ровно и просила Тревора делать с ней то же, что с трупом. Она любила ощущать на себе его руки, когда он исследовал ее тело. Медленно возвращая к жизни.

Лучший оргазм – совершенно точно лучший в жизни – она испытала в зале для бальзамирования похоронного бюро, когда рядом на тележках лежали два трупа.

Тогда Дженет отчетливо ощутила себя живой. Такое же чувство было у нее и сейчас. Она знала, что эти же чувства испытает с Гансом. Знала, была абсолютно уверена. Она будет счастлива с Гансом.

– Любовь не длится вечно, – ответил ей Тревор, когда она сказала ему однажды ночью, что несчастлива. – Счастье – это иллюзия, – добавил он. – Только идиот может быть счастлив двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Мудрый человек стремится стать цельным, а не счастливым. Carpe diem.

«Посмотри в лицо реальности, – произнес он, когда услышал от нее, что она уходит. – Ты можешь убежать, но не сможешь скрыться».

И она бежала.

Если вы ударите кого-то по голове большой палкой, и ударите достаточно больно, настанет день, когда и вас кто-то ударит. Сильнее и больнее.

Она не могла назвать число и время, когда все стало рушиться. Это не случается в один момент. Его нельзя определить, как местоположение на экране навигатора.

Это процесс медленный, похожий на эрозию.

Однако стоит принять решение, и пути назад нет.

Остается только продолжать бежать. Как говорил Тревор: «Убивает не падение, а внезапная остановка».

Сейчас Гаген стал для нее той внезапной остановкой. Это пугало почти так же сильно, как будоражило. По правде говоря, она многому научилась у Тревора.

– Я никогда не дам тебе уйти, – ответил он на ее предложение расстаться. Возможно, они могли стать счастливы порознь. Затем он сильно ударил ее по лицу, за то, что она такое предложила; Дженет несколько дней не могла ходить на работу, вышла, лишь когда прошли синяки и сняли швы. Как обычно, она его не выдала, сказала врачам, что упала с велосипеда.

Через много лет Дженет пришла к выводу, что столь сильные перепады его настроения происходят из-за диабета. Уровень сахара падает, и он становится агрессивным и резким. Стоит ему подняться, он превращается в послушного ягненка.

Дженет вернулась по тропинке к машине и вскоре опять ехала по шоссе, разглядывала симпатичные домики и размышляла, в каком из них жил Ганс до развода. Через несколько минут она опять была на Бергишер-Ринг и свернула направо. Проехала мимо рыночной площади с колесом обозрения, заметила установленные вдоль бордюров декорации – такие готовят для рождественских кукольных представлений. Одна представляла собой огромных бородатых гоблинов с молотками. Напротив стояли две маленькие девочки, держа за руки мать, и с удивлением их рассматривали.

Притормозив на светофоре, Дженет посмотрела на девочек, а потом, с грустью, на их мать. Сорок – это не поздно. Может, и у них с Гансом будут дети.

Две маленькие девочки? И в один прекрасный день она – хаузфрау из Гагена – так же будет стоять здесь, держать детей за руки, а они будут любоваться на бородатых гоблинов.

До Рождества всего три недели. Дженет проснется утром в день Рождества в новой стране, в объятиях нового мужчины.

Проехав еще немного, она заметила слева светящуюся витрину магазина с развешанными – точно фруктами на дереве – колбасами и сосисками. Над дверью сверкала огнями вывеска: «Wursthaus Konig». Она остановилась, чтобы свериться с картой, затем проехала немного вперед, свернула налево в переулок, миновала ресторан и оказалась прямо у входа в гостиницу, которую нашла в Интернете.

Ганс предлагал ей жить у него. Однако после одного свидания – пусть и закончившегося таким сильным оргазмом, которого она не испытывала несколько лет, – будет лучше ничем себя не связывать. Сохранить независимость. Так, на всякий случай.

Дженет достала с заднего сиденья один чемодан и покатила его в фойе. Там было тихо и темно, стойка портье справа и лестница прямо перед дверью. Поднявшись со стула, над стойкой навис «живой труп», и она назвала свое имя. Все казалось здесь старым и потертым. В таких местах и останавливались агенты по продажам, и за годы разъездной работы ей не раз приходилось ночевать в подобных условиях. Мужчина протянул ей карточку для заполнения и спросил, не нужна ли помощь с багажом.

– Нет, – равнодушно ответила она, заполнила анкету и приложила к ней паспорт.

Портье передал ей конверт:

– Для вас послание.

Она знала лишь одно слово по-немецки, которое и произнесла:

– Дайке. – И вышла, чтобы принести второй чемодан. Нетерпеливо пальцы разорвали конверт ногтями – ногтями, покрытыми лаком, чтобы понравиться ему.

Гансу.

В записке говорилось: «Встретимся в крематории. Целую».

Дженет улыбнулась. Какой же порочный мужчина!

«Труп» помог ей подняться на два лестничных марша в номер, такой же унылый, как и все в этом отеле. Хорошо лишь то, что из окна она могла видеть улицу и приглядывать за машиной. Это ее порадовало. Открыв чемодан, она переоделась, брызнула духами во все места – кроме одного, – от которого Ганс, как она помнила, не отрывал губ большую часть их прошлого свидания.

Через двадцать минут, когда уже наступили сумерки, дважды сбившись с верного пути, Дженет наконец въехала на почти безлюдную стоянку у крематория. Точнее сказать, на ней была лишь одна машина – старый «мерседес» коричневого цвета, перекошенный на одну сторону, будто у него была повреждена подвеска.

Дженет вышла, закрыла все двери и огляделась.

Пожалуй, это самая красивая стоянка из всех, что она видела в жизни. Окружена идеально подстриженными кустами, ухоженными деревьями и цветниками – настоящий ботанический сад. Здесь пропадало ощущение, что на улице декабрь; даже пахло весной. Цель была ей ясна – это сделано для людей, провожающих близких в последний путь.

Она пошла по дорожке достаточно широкой, чтобы можно было проехать на автомобиле, вдоль рядов деревьев и черных уличных фонарей.

Предвкушение подгоняло ее, и она шла все быстрее, дыхание становилось сбивчивым. Боже, как она нервничает. В животе кружились тысячи бабочек. Каблуки с хрустом врезались в песчаник; на зубах хрустел холод – возможно, от волнения.

Дженет прошла через открытые чугунные ворота, миновала неприглядное одноэтажное строение, увитое плющом, с мемориальными досками на стенах.

А потом она увидела впереди еще одно здание.

И встала как вкопанная.

Сердце забилось сильнее от восторга.

Вот черт! Ничего себе!

Это крематорий?

Перед ней было одно из самых красивых творений архитекторов, которое ей доводилось видеть в жизни. Прямоугольное здание в стиле ар-деко чистейшего белого цвета с портиком, крышу которого поддерживали квадратные колонны из черного мрамора, высокие, как иллюминаторы на корабле, окна инкрустированы черным камнем. Крыша была выложена красной черепицей.

Дженет была поражена увиденным.

К портику вела лестница с балюстрадой, с которой были хорошо видны ряды надгробий, уходящие вниз широкими террасами, напоминающими ей полянки в лесу.

«Вот где я хотела бы лежать, когда умру. Пожалуйста, Господи. Прошу Тебя.

Прошу тебя, Ганс!»

Она поднялась по ступеням и открыла дверь, которая, к ее удивлению, была не заперта и поддалась, не издав ни звука. Войдя внутрь, замерла. Теперь ей было понятно, почему крематорий признан одной из важнейших достопримечательностей Гагена.

Здесь казалось, что ты переступил черту и находишься внутри одной из картин Мондриана. С одной стороны от нее была стена в вертикальные черные и белые полосы с

квадратами в центре, различными по высоте, ширине и глубине. С другой – куполообразный потолок с изображенными на золотом фоне фигурами – псевдосвятыми, выше опять та же кубическая картина.

Под куполом был расположен алтарь, белый крест возвышался над резервуаром, похожим на большую пивную бочку.

Дженет смотрела на нее во все глаза и подпрыгнула от неожиданно громкого звука. Внушающий ужас рев и скрежет запущенного гигантского механизма. Бочка начала подниматься вместе с белым крестом, заставляя похолодеть от страха. Теперь перед ней разворачивался занавес из серого шелка, открывая выехавший гроб. Дженет смотрела на него словно загипнотизированная. Скрежет заполнил все помещение.

Все стихло так же внезапно, как и началось.

На несколько мгновений сделалось неестественно тихо.

Крышка гроба стала открываться.

Дженет вскрикнула.

Затем она увидела улыбающееся лицо Ганса.

Он отбросил крышку, и она с гулким стуком упала на пол. Он стал выбираться, широко улыбаясь. На нем была расстегнутая на груди спецовка, рабочие штаны и грубые ботинки.

Дженет стояла и смотрела на него, потеряв дар речи, ощущая, как ужас сменяется восторгом. Он был еще красивее, чем ей запомнилось. Высокий, мощный и дьявольски прекрасный.

Он встал рядом и был значительно выше ее.

– Мой чудесный ангел, – сказал он. – Ты здесь! Ты приехала! Ты действительно приехала!

– Ты думал, я не решусь?

– Мой храбрый ангел, – говорил он. – Мой храбрый английский ангел.

Он обхватил ее сильными руками и крепко прижал к себе – так крепко, что она ощущала все выступы и впадины его тела. А потом он ее поцеловал. Дыхание было сладким, с примесью табака, чеснока и пива, это был тот вкус мужчины, который она помнила и любила.

Дженет ответила, поцеловала его жадно, страстно, глубоко, языки их то находили, то теряли друг друга.

Наконец она оторвалась от него, тяжело дыша, и они стояли лицом к лицу, глядя в глаза друг другу.

– Итак? – произнес он. – Нас ждет работала?

Дженет опустила руку, провела по его брюкам и сжала пальцы.

– Да, – улыбнулась она, чувствуя, как Ганс резко выдохнул.

– Но сначала надо поработать. – Он усмехнулся.

– Сначала надо заняться любовью.

– Ах ты, маленькая шалунья.

– Ты меня накажешь?

– Ну, посмотрим, да? А ты была плохой девочкой? Ты очень плохо себя вела?

Она гордо кивнула и отступила на шаг.

– Очень-очень, – ответила она, по-детски сунув в рот палец.

– Расскажешь?

– Я покажу.

Он широко улыбнулся:

– Подгони машину, а я все подготовлю.

Через пять минут Дженет остановила машину у выхода в торце крематория и посмотрела на зеленые двери лифта. Заглушив мотор, она выбралась наружу, и в этот момент двери разъехались и появился Ганс с гробом на тележке. У него было странное выражение лица, он впился в Дженет глазами так, что ей внезапно стало не по себе.

Она перевела взгляд на гроб, потом опять на Ганса. Затем опять на гроб.

Неужели она жестоко ошиблась? Она здесь одна, все мосты сожжены, а следы заметены. Неужели попалась в ловушку?

Никому дома в Истбурне не было известно, куда она уехала. Никому в целом мире. Кроме Ганса. Тьма сгущается над крематорием, а она стоит напротив него и смотрит на открытый гроб.

Ей показалось, что все ее внутренности в одну секунду превратились в кусок льда. Неожиданно захотелось очутиться дома, где было спокойно и безопасно. Скучно, но безопасно. С Тревором.

Все это было сейчас невыполнимо.

Ганс улыбнулся. Знакомой улыбкой большого милого Ганса. Лед внутри стал таять, будто подчиняясь вспышке тепла.

– В багажнике? – спросил он.

Дженет кивнула и открыла дверцу. Несколько минут они молча смотрели на черную пластиковую обшивку изогнутой формы.

– Проблем не было? – спросил он, обняв Дженет за талию и уткнувшись ей в ухо.

– Он был просто золотым мальчиком, – произнесла она, дрожа от прикосновений Ганса. – Стал тихим, как ягненок, после того как я заменила инсулин водой с растворенным сахаром. Но он был тяжелым. Мне с трудом удалось запихнуть его в багажник.

«Было бы желание, а возможность найдется», – любил говаривать Тревор. Особенно радовало то, что он давно написал завещание, оставив все имущество, естественно, ей.

– Хорошо, что он не толстый, – заметил Ганс, разворачивая тело. – У меня есть два трупа, ожидающих кремации, и один как раз худой. Свидетельство о смерти я от врача получил, все готово. Он уместится в гробу вместе с тощим. Никто ничего не узнает.

Когда они спустились в подвал, выкатив перед собой гроб с телом, Дженет сразу узнала и бежевые панели, и металлические трубы, приборы, циферблаты… Над одним было написано: «Ruppmann», и над другими тоже, а также над схемой электрической проводки. Под ней стояли два гроба с открытыми крышками.

Спустя несколько минут у худого обитателя одного из них появился сосед. Ганс закрыл крышку и закрутил болты.

Затем он повернулся к Дженет и улыбнулся дьявольской улыбкой.

Еще через несколько минут, после того как он нажал несколько кнопок, механические двери закрылись, рев машины достиг крещендо, и они видели через смотровое окно, как языки пламени охватили оба гроба.

Дженет почувствовала, как рука Ганса ложится ей на талию. Медленно, снимая одежду, они опустились на пол.

Дым взметнулся из трубы в ночное небо. Они любили друг друга, температура в печи постепенно достигла возможного максимума, и то же происходило с их телами.

Утром Ганс выгреб из печи несгоревшие кости, измельчил в порошок и смешал с прахом. Они вышли из крематория, крепко держась за руки. Мир, подсвеченный предрассветными лучами, казался красивее и ярче. Птички весело напевали свои песни.

Ганс обнял Дженет и прошептал на ухо:

– Знаешь, мой английский ангел, я никогда не дам тебе уйти.

Он говорил так же, как Тревор. Она поцеловала его и прошептала в ответ:

– Не стоит испытывать судьбу.

– Что это значит? – спросил он.

Она улыбнулась в ответ.

Афродизиак Венеция

Перед их первой поездкой в Венецию Джонни сказал жене, что у него там дела. Джой объяснила мужу желание поехать необходимостью повидать итальянских родственников.

В большом обшарпанном номере отеля, выходящего окнами на Гранд-канал, они сорвали друг с друга одежду, даже не распаковав вещи, и занялись любовью под мерные удары воды и шум проносящихся водных такси. Джой была ненасытной; они оба были такими. Они занимались любовью утром, днем и вечером, прерываясь лишь на еду, чтобы подпитать свою энергию. Во время этой поездки они с трудом выкроили немного времени, чтобы посмотреть достопримечательности. Они видели только друг друга, жадно впивались взглядом в обнаженные тела. Знали, что у них мало времени.

Джонни прошептал ей, что Вуди Аллена, фильмы которого они оба любили, однажды спросили, считает ли он секс грязным? Вуди Аллен ответил: «Только если все делать правильно».

Поэтому они все делали правильно. Раз за разом, еще и еще. А в моменты отдыха много смеялись. Джонни говорил Джой, что она самая сексуальная из всех людей на Земле. Она утверждала, что нет, это он самый сексуальный.

Однажды, когда он был глубоко внутри ее, она прошептала ему на ухо:

– Давай дадим друг другу слово возвращаться сюда каждый год и заниматься любовью в этой комнате.

– Даже после смерти? – спросил он.

– Почему бы нет? Ведь после смерти тело становится твердым. Как весло гондольера!

– Ты испорченная женщина, Джой Джексон.

– Ты бы не любил меня, будь я другой, мой похотливый дьявол.

– Мы станем призраками и вернемся, правда? И поселимся в этом номере.

– Именно так!

Через два года каждый получил развод, и они поженились.

Медовый месяц провели в Венеции, в той же гостинице – бывшем палаццо, в том же номере. И опять, как и в первый раз, они поклялись возвращаться в этот отель каждый год в годовщину свадьбы. В первые годы они сбрасывали одежду, прежде чем распаковывать чемоданы. Часто после обеда в ресторане чувствовали такое сильное сексуальное возбуждение, что не всегда успевали добежать до гостиницы.

Однажды они любили друг друга в пришвартованной к берегу гондоле. Потом под мостом Риальто. И еще под несколькими мостами. Венеция стала для них афродизиаком. Они наслаждались коктейлем «Беллини» в их любимом кафе на площади Сан-Марко, торопливо пили большими глотками восхитительные вина из Фриули и объедались морепродуктами в любимом ресторане «Корте Сконта», который никогда не могли найти с первого раза. Так было каждый год.

Иногда утром, отдавшись страсти, они садились в водное такси и пили кофе и траппу, встречая рассвет на Лидо. А потом, вернувшись в тусклый номер, фотографировались обнаженными и снимали, как занимаются любовью. Однажды они, смеясь, сделали из гипса копии своих гениталий, как выразился Джонни. Они были полностью во власти страсти, ничто не могло их остановить или изменить.

В одну из первых годовщин они посетили Изола-ди-Сан-Микеле – остров-кладбище близ Венеции.

Глядя на могилы, Джонни спросил:

– Ты уверена, что будешь хотеть меня, когда я умру?

– Может, даже больше, чем при жизни! – ответила она. – Если такое возможно.

– Мы бы гремели костями, понимаешь? Если бы оба были скелетами.

– Будем делать это тихо, чтобы не перебудить все кладбище.

– Ты очень плохая девочка, – произнес он и поцеловал ее в губы.

– Ты бы не любил меня, будь я хорошей, верно?

– Нет. Думаю, нет.

– Ну-ка, проверим!

Это было тогда. С тех пор прошло тридцать пять лет.

Они хотели создать крепкую большую семью, но у них не вышло. Некоторое время они не сдавались, и это было весело, но потом смирились с неудачей. С тех пор много воды утекло под мостом.

Точнее, под каждым из четырехсот девяти мостов Венеции, и они проходили почти по всем из них. Джонни каждый раз помечал их галочкой на карте, которую неизменно привозил с собой, покрытую пятнами от кофе и все более мятую и потрепанную.

Джой поняла, что Джонни стал педантом.

– Мне нравится, когда вещи аккуратно лежат в коробках, – говорил он.

И повторял слишком часто.

– Я шучу, – вскинул он брови, когда Джой заявила, что больше не может об этом слышать.

Люди многое говорят как бы шутя, но на самом деле не шутят. В его голове формировался план на будущее. План на будущее без нее.

В их лучшие времена они оба любили венецианское стекло и часто посещали любимую фабрику на острове Мурано – Новита Мурано. В их доме в Брайтоне было немало украшений из стекла – вазы, подсвечники, пресс-папье, статуэтки, кубки. Множество вещей из стекла. Говорят, люди, которые живут в стеклянном доме, не должны бросать камни. И они не бросали. В прямом смысле. Только в переносном, но все чаще и чаще.

Первый камень был брошен в тот день, когда она заглянула в его компьютер.

Джонни был офицером полиции – служил в отделе расследования убийств. Она работала в специальном аналитическом подразделении того же департамента. В сорок девять лет он ушел на пенсию и заскучал. Потом нашел работу в отделе заказов компании, торгующей по каталогу, они продавали картинки-карикатуры с изображением животных. Лучше всего продавались те, на которых был изображен бык и сделаны подписи: «Бычара», «Бычок» и прочее.

Джонни целыми днями сидел за компьютером, занимаясь работой, которую терпеть не мог, ненавидел все, от безвкусных картинок до людей, которые их покупали. А потом возвращался домой к женщине, которая сама с каждым днем все больше походила на быка.

Он искал развлечения в компьютере и начал с посещения порносайтов. Вскоре он создал несколько профилей, используя различные вымышленные имена.

Закончилось все тем, что Джой залезла в его компьютер, когда он ушел играть в гольф – по крайней мере, таково было его объяснение. Он никогда не был членом ни одного гольф-клуба. Его интересовали лунки и удары совсем другого рода. Выслушав неопровержимые доказательства, он признался.

Он был голый и возбужденный виртуальными партнершами. На нее он уже давно так не реагировал.

Так было и на тридцать пятую годовщину их свадьбы, когда они вернулись в еще более ветхое палаццо на Гранд-канале. Каждый был занят своими мыслями, отличными от тех, что обуревали их в пьянящие дни медового месяца и последующие несколько лет.

Он планировал убить жену здесь, в Венеции. Еще в прошлом году он задумал покончить с ней во время выходных в Берлине предстоящей весной. А в предыдущий год хотел сделать это в Барселоне. И каждый раз неожиданно для себя отказывался от намеченного. Бывший сыщик, он отлично знал, как организовать убийство, но также ему было известно, что лишь немногим преступникам удается все сделать идеально. Они совершают ошибки в самый неподходящий момент. Ведь достаточно оставить мельчайший след – волокна одежды, волос, окурок, отпечаток, след, попасть в объектив камеры наблюдения. И еще много чего.

Некоторые слова зафиксировались в его сознании после многих лет печального опыта. *Мотив. Тело. Орудие убийства.* Это были первые помощники в деле изобличения убийцы. Отсутствие хотя бы чего-то одного все осложняет, трех – делает практически невозможным.

Прежде всего необходимо было найти способ избавиться от тела. Потом от орудия убийства (с которым он еще не определился). Что же касается мотива, кому известно, что он у него есть? Кроме глупых подруг Джой, с которыми она постоянно сплетничала.

Венеция была отличным местом для убийства. Джой не умела плавать, и Венецианская лагуна была подходящим местом для того, чтобы утопить человека, недостаток лишь в том, что она слишком мелкая. Также в Венеции много старых зданий с опасными ступенями, на которых легко потерять равновесие. Окна же такие огромные, что из них несложно выпасть и разбиться насмерть.

Прошло уже много лет с той поры, когда они, едва переступив порог номера, срывали с себя одежду. Вместо этого Джонни сел и сразу, по обыкновению, включил компьютер. На легкую головную боль он старался не обращать внимания. Джой съела плитку шоколада, которую нашла в минибаре, затем опустошила банку орешков, а потом очередь дошла и до кофе с печеньями, предоставленными отелем в качестве презента. После этого она прилегла отдохнуть, сославшись на усталость после перелета. Проснувшись, она подошла к Джонни и заглянула через плечо, чтобы проверить, не общается ли он с кем-то в чате на одном из своих любимых порносайтов.

К счастью, он уже закончил переписываться с новой любовью, Мэнди, миниатюрной приятной женщиной и разведенной. Они познакомились в тренажерном зале, куда Джонни продолжал захаживать, чтобы сохранить все шесть кубиков пресса. Он планировал вернуться из Венеции свободным.

«Беллини» в их любимом кафе стал совсем другим, его больше не готовили из свежего персикового сока и настоящего шампанского. В Венеции все больше пахло стоками. Ресторан их порадовал, как и прежде, но Джонни почти не ощущал вкус еды, он был погружен в свои мысли. Головная боль усиливалась. Джой выпила бутылку белого вина почти одна, а до этого «Беллини», в который добавила двойную порцию водки – опасная смесь. Они должны провести в городе еще шесть ночей. Раньше дни пролетали, как один миг, теперь же он с

ужасом думал, чем занять хотя бы завтрашний день. Если повезет, ему не придется об этом заботиться.

Он подозвал официанта и попросил принести счет, кивнув на полусонную, окончательно опьяневшую жену. Было важно, чтобы официант это запомнил.

«Да, мадам здорово перебрала, муж изо всех сил пытался ей помочь…»

Шатаясь, они прошли по узкой улочке и вышли на мост, дугой перекинутый через канал. Вдалеке гондольер пел свою серенаду.

– Ты целую вечность не катал меня на гондоле, – глотая буквы, произнесла Джой. – Я и весло твое уже много лет не чувствовала. Может, покажешь сегодня?

«Пусть лучше мне желчный пузырь удалят без наркоза», – подумал он.

– Хотя вряд ли это возможно, – зло усмехнулась Джой. – У тебя и весла-то уже нет. Осталась только дохлая мышь.

Всплески воды становились ближе, а пение громче.

Под ними проскользнула гондола. В ней, обнявшись, сидели молодые мужчина и женщина, влюбленные друг в друга, как они когда-то. Как теперь он и Мэнди Брент.

Джонни смотрел на чернильную гладь с двумя отражающимися размытыми тенями.

Затем осталась одна.

Джой почти сразу поняла, что возникла проблема, она закричала, начала звать на помощь, просить вызвать врача и скорую помощь. Несколько часов спустя добродушный нейрохирург на ломаном английском объяснил ей, что никто бы не мог ничего сделать в такой ситуации. У ее мужа была мозговая аневризма. Он скончался мгновенно.

Настоящие проблемы начались у Джой по возвращении в Англию, когда тело Джонни уже перевезли. Нотариус сообщил ей, что половину своего недвижимого имущества – дома, в котором они жили, – он оставил женщине, чье имя было ей совершенно незнакомо. Затем она услышала ее голос по телефону – она желала обсудить детали похорон.

– Его кремируют, – сказала Джой.

– А мне он говорил, что хочет быть похороненным в могиле, – настаивала Мэнди Брент. – И мне это больше нравится. Будет место, где я смогу посидеть рядом с ним.

«Еще одна причина кремировать тело», – подумала Джой. Но была и другая проблема, которая занимала ее мысли. Проблема более серьезная.

На следующий год, в тридцать шестую годовщину их свадьбы, Джой приехала в Венецию и остановилась в том же номере отеля. Достав из чемодана урну с прахом, она поставила ее на подоконник и долго не сводила взгляд с нее и Гранд-канала на заднем плане.

– Помнишь, в чем мы поклялись друг другу, Джонни? Помнишь? Что мы обещали? Вот, я помогаю нам сдержать слово.

На следующее утро она взяла водное такси и отправилась на Мурано. Она встретилась с хорошо знакомым вежливым сотрудником фабрики Валерио Барберо – он помогал им каждый год со дня их первого визита на остров. Сейчас он был уже пожилым сутулым человеком, готовящимся в скором времени уйти на пенсию. Он выразил Джой сочувствие, сказал, что очень расстроен, ведь сеньор Джонни был хорошим человеком. Затем, спокойно, будто это было делом обычным, взял из ее рук пакет и заверил, что все будет сделано через три дня.

Так и было. Джой с трудом сдерживала радость, когда возвращалась на водном такси в Венецию. На площади Сан-Марко она почти залпом проглотила два «Беллини» подряд – для настроения, как она решила.

Вернувшись в отель, повесила на дверь табличку «Не беспокоить» и заперлась на ключ изнутри. Развязав симпатичную голубую ленточку, открыла коробку и достала два предмета.

Первым была гипсовая копия гениталий Джонни, она была сделана много лет назад, когда они были больше пьяны, чем обычно. Второй предмет представлял собой то же самое, но уже из стекла и был заполен прахом из урны.

Медленно, стараясь, чтобы не рассеялся туман после коктейлей, она разделась и легла на спину в постель.

– Помнишь, Джони? – прошептала она. – Помнишь, что мы обещали друг другу, когда приехали в первый раз? Что будем всегда приезжать сюда и заниматься любовью? Ты еще волновался, как сможешь сохранить эрекцию, если будешь уже мертв. Теперь тебе не стоит об этом беспокоиться.

Она принялась ласкать гладкое стекло. Твердое, как камень.

Как весло гондольера.

Таким она его помнила.

Время богатых

«Богатый мужчина, 39 лет, некурящий, высокий, с хорошим чувством юмора, познакомится с женщиной для веселого времяпрепровождения, дружбы, но, возможно, и большего…»

Совсем не значит, что я неверен своей жене, если сижу в три часа ночи в своем кабинете и печатаю объявление на сайте знакомств, в то время как она спит за стеной.

Потому что я делаю это не от своего имени. Не от имени олигарха Клива Талбота, чьи кредитные карты заблокированы все до одной, обладателя БМВ, который скоро будет конфискован, и главы компании, ожидающей закрытия в ближайшие недели. Говорят, если ты не добился к сорока, не добьешься никогда. Что ж, мне осталось ждать этой даты шесть месяцев, и я намерен сделать так, чтобы у меня на лбу никогда не появилась надпись: «Лузер».

Нет, сэр.

Проблема лишь в том, что на данный момент я владею одной ценной вещью – золотыми часами «Ролекс», которые купил много лет назад, сорвав значительный куш в покер. Они действительно крутые, но не являются достойным выражением многих лет упорного труда, верно?

Итак, позвольте представить – Себастьян Деврис, привлекательный, обходительный, бизнесмен и светский человек, который в данный момент переписывается с богатой дамой по имени Мария Андрополис. За последний час она излила мне – простите, Себастьяну – душу. Рассказывала о браке с одним из русских нефтяных олигархов. Устав от его постоянных измен и скандалов, она решила завести роман – а может, и найти истинную любовь, если повезет, – наслаждаться жизнью и ждать развод, который непременно получит. Конечно, это только мое предположение, возможный вариант развития событий, если я разыграю партию верно…

На мое счастье, она в восторге от всего, что знает о Себастьяне Деврисе! Через три дня у нас свидание, она забронировала столик в своем любимом и самом крутом ресторане Лондона – «Уолсли». Я совсем недавно нашел ее на ParkLaneIntroductions.com, это обычный сайт знакомств с той лишь разницей, что он для очень богатых людей. Состоятельные

мужчины и женщины ищут здесь приключений. Разве не лучшее место подцепить богатую дамочку? О сайте я узнал от одного из своих клиентов, и еще он сказал, что, поскольку женщин зарегистрировано несравнимо больше, достойные мужчины получают бесплатное членство сроком на шесть месяцев. И поверьте, Себастьян Деврис заслужил это право!

Знаете, на кого похож Себастьян? Люди часто говорили мне, что у меня есть что-то от Дэниела Крэйга. Возможно, они правы, но мне кажется, что я интереснее. Во мне чувствуется класс. Я больше похож на героя книг Яна Флеминга и обладаю тем, чего никогда не будет в Крэйге. Мое образование было частным, ну, по крайней мере, два года, пока отца не посадили, и маме пришлось забрать меня, поскольку у нее не было денег. Но это совсем другая история.

На улице идет дождь. Ветер ближе к дате осеннего равноденствия приносит дождь, и капли его барабанят в окно, царапая душу, больнее писем, которые я ежедневно получаю от коллекторов. Правда в том, что я веду не ту жизнь, для которой был рожден. Моя компания почти разорена. Сейчас я работаю финансовым консультантом на подонка, который никогда не платит мне комиссионные за те страховые полисы, которые я продаю людям, те налоговые схемы, на которые их подсаживаю, и смехотворные выплаты, которые им обещаю.

А моя глупая женушка Элисон еще больше усугубляет положение, покупая ежедневно ненужные кремы, идиотские наряды и оплачивая обеды, которые мы не можем себе позволить. Не помню, кто сказал, что большинство людей тратит жизнь, занимаясь делом, которое ненавидят, чтобы заработать деньги, которые им не нужны, на которые они покупают вещи, которые им не нравятся, и все ради того, чтобы произвести впечатление на людей, к которым не испытывают симпатии. Так вот, я зарабатываю, а Элисон делает все остальное.

В последующие два дня мне с трудом удавалось сосредоточиться на работе. Я воспользовался последней незаблокированной кредитной картой, которая еще позволяла держаться на плаву, и купил в магазине на Сэвил-Роу крутой костюм, сорочку, галстук от Ричарда Джеймса, а также черные замшевые лоферы от «Кровет и Джонс» в Берлингтон-аркаде. Элисон говорит, что я странно себя веду, и постоянно спрашивает, что случилось. Я ее обманываю, что несложно сделать после двадцати лет брака с женщиной, единственным достоинством которой сейчас для меня стала ее скромная зарплата секретарши. Я говорю, что все в порядке, и доказываю это, заводясь от предвкушения того, что ждет меня завтра. Мы занимаемся любовью, и во мне вспыхивает такая страсть, о существовании которой я и не подозревал. Надеюсь, красавица Мария Андрополис тоже будет ценить все месяцы, а может, годы, которые нам предстоит провести вместе.

Наконец я в огромном и шикарном зале, декорированном в черно-белых тонах, где собрались лучшие люди Лондона. Метрдотель в черном, с прекрасными манерами, ведет меня мимо столиков с богатой, успешной публикой к женщине, чьи внешние данные значительно превосходят то, что я видел на фотографии в Интернете.

Светлые волосы растрепаны так, как могут только после укладки за триста фунтов в лучшем салоне. На ней платье с высоким воротом леопардовой расцветки, облегающее стройную фигуру. Она будто хочет заявить всем своим видом: «Я красива, богата и знаю это». Зубы у нее цвета снега, и это очаровывает. В ней есть настоящий шик. И сиськи у нее классные – прошу простить за грубость.

Язык ее тела говорит, что и я произвел на нее впечатление. Я сажусь, и мы смотрим в глаза друг другу, улыбки не сходят с наших лиц.

Она приветственно поднимает бокал шампанского, а через несколько мгновений рука невидимого официанта наполняет мой фужер из бутылки «Кристалл» 1990 года.

– Ты намного лучше, чем на фотографии, Себастьян, – говорит она.

– Ты тоже. – Я стараюсь не таращить глаза, разглядывая кольца на ее пальцах, браслеты, ожерелье, серьги и телефон «Верту», лежащий рядом на скатерти.

Я настолько очарован ею, что мы успеваем начать вторую бутылку шампанского до того, как нам приносят закуски (она заказала устрицы и белугу). Мне даже приходится несколько раз напомнить себе, что я пришел не наслаждаться жизнью, а по делу.

Темы для разговора находятся сами. Сначала банальные – какое прекрасное место Лондон для любителей искусства. У нее чуть хрипловатый голос с центральноевропейским акцентом, который мне кажется очень милым. К тому же в ее глазах я постоянно читаю: «Возьми меня».

На столе появляется огромное блюдо с устрицами, и к тому моменту, как оно пустеет, заканчивается и вторая бутылка шампанского. Третья уже заказана. Мария смотрит на часы. Не знаю, из чего они сделаны, но их украшают бриллианты размером с мелкую гальку.

Внезапно я замечаю то, чего не увидел сразу. То, как она покручивает пальцами самое дорогое из всех украшений – кольцо с камнями по всему кругу, возможно подаренное в честь помолвки. Поворот, поворот, еще поворот.

Меня это гипнотизирует.

Никогда в жизни я не видел таких крупных бриллиантов.

Постепенно разговор становится все откровеннее, и она рассказывает о своем подонке муже. Она продолжает время от времени поглядывать на часы, и я нервно спрашиваю, не наскучил ли ей. Она извиняется и объясняет, что в три часа прибудет водитель, чтобы забрать ее, – ей предстоит произнести речь в отеле «Савой» на собрании благотворительного комитета «Женщины против бедности», председателем которого она является.

– Мне нравится, когда мужчины носят «ролекс», – говорит она и кокетливо улыбается. – А голый мужчина с «ролексом» на запястье меня очень возбуждает.

И вот тогда я радуюсь тому, что нас разделяет стол и она не увидит, как меня заводит такое высказывание.

– Это можно организовать, – говорю я.

– Мне бы очень хотелось, – отвечает она и принимается покручивать кольцо. – Прости, палец болит – у меня артроз. Повредила суставы, когда отбивалась от мужа. Иногда приходится снимать кольцо, чтобы боль прошла.

Пытаюсь представить себе ее мужа. Вспоминаю фотографии русских магнатов, которые видел в газетах, и понимаю, что ненавижу этого человека всем сердцем. Появляется желание увезти ее с собой, защитить, заняться любовью и…

Что-то я забылся. Я здесь совсем не для этого. Всему виной шампанское и пьянящее очарование моей спутницы.

Звонит ее телефон. Она отвечает кратко:

– Да. Ты у входа? Хорошо.

Не успеваю опомниться, как она уже встает.

– Мне бы хотелось увидеть тебя снова, – говорит она.

– Мне тоже.

Мария протягивает мне элегантную визитную карточку и записывает в телефон мой номер. Наклонившись, быстро целует меня в щеку. Ее прикосновения и аромат духов заставляют мое сердце биться сильнее.

Она разворачивается, чтобы уйти, подходит к двери и сталкивается с бритоголовой гориллой в сером костюме и белой водолазке, появившейся словно ниоткуда, ничего не видящей перед собой, сосредоточенно разговаривающей по телефону. Она отскакивает от него как мячик, налетает на официанта, держащего в руках поднос с красиво украшенным блюдом. В следующую секунду моя новая знакомая и официант падают на стол, и все стоящее на нем разлетается в стороны, затем пара, похожая на сцепившихся в схватке борцов, скатывается на пол. Не веря глазам, я вскакиваю с места, чтобы броситься на помощь. Их окружают строгие и элегантные официанты.

Мария улыбается мне, с ней все в порядке. Как и мартини Джеймса Бонда, ее встряхнуло, но не перемешало. Пробившись через толпу людей, она целует меня на прощание.

Туман от выпитого шампанского немного рассеивается, и тут я понимаю, что мы не оплатили обед. Все в порядке; полагаю, его запишут на ее счет. Допив оставшуюся половину бутылки шампанского, я заказываю двойной эспрессо и – черт с ним! – приличный арманьяк к нему.

Звонит мой телефон. Это Мария. Сердце падает, когда я понимаю по ее голосу, что возникли проблемы. Похоже, она в ужасном состоянии.

– Себастьян, прошу тебя, помоги. Я потеряла кольцо!

– Кольцо?

– Обручальное кольцо, подарок Алексея. Оно стоит около трехсот тысяч фунтов. Если он не увидит его на мне, я пропала!

– Где ты его потеряла? – упавшим голосом спрашиваю я.

– Должно быть, оно слетело с пальца, когда я упала с этим чертовым официантом! Посмотри на полу. Прошу тебя, у меня совсем нет времени этим заниматься: через несколько минут начинается мое выступление. Ты сможешь меня выручить?

– Разумеется. – Я уже оглядываю пол вокруг себя.

– Мне надо его вернуть.

Ее волнение меня трогает.

– Дорогой, если ты его не найдешь, извести весь персонал в «Уолсли», что я выплачу десять тысяч фунтов тому, кто его найдет.

– В этом нет необходимости.

– Милый, десять тысяч для меня не деньги. Алексей зарабатывает их за двадцать минут. Договорились? Умоляю, найди его.

Кажется, она плачет.

– Я найду его. Тебе не придется платить, обещаю.

Я откровенно лгал. План уже сложился в моей голове. Отличный план, потому что, вместо того чтобы затуманивать мозг арманьяком, я принялся думать.

Встав на колени, я стал ползать по полу, пытаясь отыскать кольцо. Бормоча извинения, я шарил под столами, натыкаясь на ноги обедающих, отодвигая в сторону сумки, вдыхая запах дорогой кожи. Кольца нигде не было. Через несколько минут, извинившись десятки раз, я сел на место и принялся размышлять. Она ведь могла потерять его на улице, верно?

Если так, то мои шансы невелики. Внезапно в глаза ударили лучи света. К моему удивлению, я увидел гориллу, с которой столкнулась Мария, сидящим за соседним столиком. В руках он вертел что-то блестящее и внимательно разглядывал.

Это же кольцо Марии! Я был уверен в этом, как никогда.

Пока я принимал решение, горилла и еще одна такая же обезьяна в вульгарном костюме встали и направились к выходу. Я вскочил с места.

– Послушайте! – Я бросился за ними, но был вынужден остановиться в узком проходе между столами, увидев перед собой официанта с подносом напитков. К тому моменту, как я протиснулся мимо него, гориллы уже миновали толпу людей в фойе, ожидавших кто пальто, кто свободный столик, и вышли на улицу.

Когда я был у дверей, путь мне преградил человек в черном.

– Ваш счет, сэр? – спросил он.

– Он… все в порядке… пусть запишут на счет Марии Андрополис.

– Простите, сэр, – продолжил мужчина с учтивой улыбкой. – У посетителей нет здесь счетов.

– Но… она сказала… – Я смотрел на него в недоумении. Возможно, она забыла обо всем из-за той неразберихи, произошедшей во время ее ухода. Я растерянно огляделся и увидел, как двери закрываются за спинами горилл, а с ними уплывают и мои десять тысяч фунтов.

Вытащив спасительную кредитку, я вложил ее в руки официанта и сказал, что вернусь через несколько минут. Я выбежал из ресторана, промчался мимо швейцара в ливрее и остановился на улице, поворачивая голову то влево, то вправо, чтобы понять, в какую сторону по Пикадилли они направились.

Они шли вдоль тротуара и были совсем рядом.

Сделав рывок, я догнал их.

– Добрый день, – тяжело дыша, произнес я, обращаясь к тому, что был в белой водолазке. Передо мной шесть футов четыре дюйма мышц, лицо, похожее на темную сторону луны, и такое выражение, которое сразу вызвало тревогу. – Вы только что нашли кольцо, оно принадлежит моей хорошей знакомой.

Оба остановились и посмотрели на меня.

– Твоя страховка включает услуги стоматолога? – мрачно спросил он.

– Стоматолога? – Я был крайне удивлен.

– Да. – У него был акцент Ист-Сайда. – Потому что, если сейчас не уберешься, он тебе понадобится.

Не знаю, что придавало мне сил, но я не двинулся с места.

– Мне поручено предложить вам две тысячи фунтов, если вы вернете кольцо, – выпалил я в отчаянии.

Взгляд гориллы заставил меня испугаться, что после его удара мои зубы провалятся так глубоко внутрь, что мне понадобятся услуги не только стоматолога, но и проктолога.

Неожиданно выражение стало меняться, и я понял, что он обдумывает мои слова.

Потом он достал из кармана кольцо и покосился на приятеля. Тот молча кивнул.

– В кольцах я ничего не понимаю, но думаю, оно потянет на три штуки.

– Две с половиной, – незамедлительно отреагировал я.

– Ладно, – ответил он, к моей огромной радости. – Две тысячи пятьсот фунтов.

Следующие полчаса были похожи на сюрреалистическую пьесу. Неожиданно я оказался, зажатый с обеих сторон гориллами, на заднем сиденье такси – за которое, разумеется, платил я, – направляющемся в Хай-Холборн, где у них обнаружился знакомый ростовщик. Там я получил наличными паршивые две тысячи пятьсот фунтов за свой «ролекс», передал деньги гориллам и поспешно прыгнул в такси, доставивший меня в «Уолсли». Оплатил счет в четыреста двадцать пять фунтов, включая чаевые, и моя карта каким-то чудом это выдержала. Последующий час я провел в кафе «Старбакс», ожидая, когда моя возлюбленная Мария закончит речь. Наконец я решил, что можно набрать ее номер, указанный на оставленной ею визитке.

Ответил мне механический голос, сообщивший: «Набранный вами номер не существует». Затем посоветовал проверить его точность или обратиться к оператору связи.

Я так и сделал и узнал, что действительно номера, указанного на визитке Марии Андрополис, не существует. Удивленный таким поворотом событий, я позвонил в отель «Савой» и попросил соединить меня с Марией Андрополис, которая выступала сегодня днем на собрании комитета «Женщины против бедности». Через несколько минут услужливый молодой человек заверил меня, что в гостинице сегодня не проходило никакого собрания благотворительного общества. Имя моей новой знакомой ничего им не говорило.

Не представляя, что делать, я взял такси и отправился к ростовщику. Он показался мне человеком приятным, хотя и не вполне внушающим доверие. Он скрупулезно изучил мое кольцо, надев на глаз лупу, как ювелиры из кинофильмов.

Подняв голову, он улыбнулся мне.

– Откуда оно у вас? – поинтересовался он.

– Оно принадлежит моей знакомой, – ответил я.

Мужчина посмотрел на меня с подозрением, ведь я принес ему сначала «ролекс», потом это.

– Кольцо не имеет никакой ценности, – ошарашил он меня. – Бижутерия. Похожие игрушки вешают на рождественскую елку. Я не дам вам за него и фунта.

Потратив еще двадцать фунтов на такси, я проконсультировался с ювелиром в магазине на Олд-Бонд-стрит, который подтвердил все, что я недавно услышал.

Мне есть что добавить к своей печальной истории. Это случилось пять лет спустя, я уже развелся, но все еще зарабатывал на жизнь созданием налоговых схем. Я вышел из метро на станции «Найтсбридж» и проходил мимо «Харви Николс» – магазина, о посещении которого в моем финансовом положении смешно даже думать. В этот момент к дверям подкатил «мерседес» С-класса, из него вышли Мария Андрополис и горилла в водолазке. Они сразу увидели меня и повернулись, преграждая путь.

– Дорогой! – воскликнула она, раскрывая объятия, словно приветствуя старого друга. – Мой дорогой Себастьян! Как ты?

Я не успел открыть рот, чтобы ответить, когда обезьяна вытянула руку и взглянула на часы. На *мой* золотой «ролекс».

– Мы опаздываем, – произнес он, посмотрев на спутницу, а затем покосился на меня так, будто я бродяга с одной из улиц Лондона, которые люди в «мерседесах» С-класса объезжают стороной.

И в этом он был абсолютно прав.

Рождество – праздник для детей

Кейт увидела его у кассы в «Теско», и он был со своей матерью. В магазине было тихо и пустынно, ведь наступил канун Рождества – последние часы, когда можно сделать покупки.

Разъехались и закрылись двери, на стекло упал кусок сорванной сквозняком мишуры.

Над пустынной стоянкой эхом разносились звуки песни «Безмолвная ночь».

Очередь продвинулась, и мальчик толкнул вперед тележку. Женщина перед ним начала выкладывать на ленту товары, и Кейт поняла, что мальчик был один. А ведь голова его едва доставала до ручки тележки, и он всем телом перегнулся через край, чтобы дотянуться до пакетов на самом дне.

На вид ему было лет шесть. Растрепанные светлые волосы, веснушки, курносый нос, одет в стеганую куртку, джинсы и кроссовки. То, что он был один, казалось неправильным.

Она смотрела, как он достает из тележки две упаковки колы по двенадцать бутылок в каждой, конфеты, шоколадные батончики, еще какие-то газированные напитки странных цветов, мороженое, бургеры и замороженный картофель фри. Что же у него за мать? Слишком занята и готовит только всякую дрянь, совершенно ненужную ребенку?

Она бы никогда не позволила своему ребенку такое есть. Никогда. Так и будет, когда она станет матерью. Точнее, и это волновало ее все больше, *если* станет. Кейт охватила грусть.

Рождество – праздник детей, а не одиноких взрослых. С Нейлом они расстались в феврале. Уже десять месяцев у нее никого не было, и изменений не предвиделось.

Мальчик заплатил наличными, вытащив купюры из пачки банкнотов, и принялся складывать покупки в пакеты. Когда она расписывалась на чеке и убирала карту, его уже не было.

Мокрые снежинки щекотали лицо, когда она открывала машину, но, судя по прогнозу, нет никакой надежды на то, что Рождество будет снежным. Мотор заводился с трудом, но наконец ожил, и она несколько минут слушала, как он громко тарахтит, прежде чем тронулась с места. Выехав на дорогу, увидела худенькую фигуру ребенка, согнувшегося под тяжестью пакетов.

Кейт остановилась.

– Можно тебя подвезти?

– Не надо, тут всего… – В следующий момент пакет лопнул, несколько бутылок вывалились на землю; одна из них, с кетчупом, разбилась.

Кейт вышла из машины, чтобы помочь.

– Залезай. Как ты все это понесешь? Я подброшу тебя до дома.

– Я… лучше не надо. – Он выглядел испуганным, и Кейт стало невыносимо его жалко. Она решительно загрузила пакеты в багажник, мальчик тем временем забрался на переднее сиденье.

Она проехала около мили; когда показался ряд недавно построенных домов и строительная площадка за ними, он сказал:

– Туда!

Кейт свернула на аллею с деревьями по обеим сторонам, проехала плавный поворот и табличку: «ВЕДУТСЯ РАБОТЫ. БЕЗ КАСКИ НЕ ВХОДИТЬ»

– Я Кейт, – сказала она. – А тебя как зовут?

– А мне на Рождество подарят компьютер, – произнес мальчик, не ответив на ее вопрос.

Еще через милю впереди показался особняк эпохи короля Эдуарда. Он выглядел заброшенным, и территория была не ухожена.

– Вы зайдете? – Мальчик повернулся к ней.

Кейт очень хотела зайти. Чтобы высказать родителям все, что о них думает.

– Я помогу тебе с покупками, – ответила она.

В глазах ребенка, как ей показалось, опять мелькнул страх.

– Хотите остаться с нами?

– Остаться? – Ей стало передаваться его беспокойство, от этого желание увидеть родителей возрастало. – Да, я пойду с тобой, – улыбнулась она. – Так как тебя зовут?

– Дэниел Хогарт. А вас?

– Кейт Робинсон.

Он побежал к двери и стал громко стучать. Ему открыла девочка лет семи, с черными волосами, повязанными бархатной лентой.

– Мы не глухие, – произнесла она.

Мальчик прошептал ей что-то на ухо, и она перевела взгляд на Кейт, держащую в руках два пакета. Остальные взяли дети.

В фойе стояла огромная елка, макушка ее была почти на уровне лестничной площадки наверху; елка была очень красиво украшена, с настоящими свечами, яркое пламя которых чуть подрагивало, будто шевелилось. У основания лежали затейливо упакованные подарки. В доме витал аромат камина, топленного настоящими дровами, и это вызвало ностальгические воспоминания о детстве.

Кейт прошла за детьми в кухню. Там за столом из сосны сидела девочка лет пяти и мальчик того же возраста в полосатом свитере и джинсах. Девочка читала, а мальчик с остервенением жал на кнопки электронной игрушки.

– Мой брат Люк и старшая сестра Эми, – сказал Дэниел и гордо вскинул голову. – Вы ведь останетесь с нами на Рождество, правда?

Кейт рассмеялась, только сейчас осознав, что мальчик говорил серьезно.

– Спасибо тебе, но не думаю, что вашим маме и папе это понравится.

Сидящие за столом дети одновременно повернулись к ней.

– Пожалуйста, не уходите, – попросила маленькая Эми.

– Пожалуйста, пожалуйста, – вторил ей Люк, и на глаза его навернулись слезы.

– Если вы уйдете, у нас не будет Рождества, – добавил Дэниел. – Останьтесь, пусть оно будет.

Дети выглядели опрятными, ухоженными, без синяков и ссадин. И все же лица их были очень грустными.

Не отводя глаз от Эми, Кейт спросила:

– А где ваши родители?

Эми молча потупила взгляд.

Кейт стало не по себе. Воображение рисовало жуткие картины. Родители лежат мертвые где-то в доме, а дети боятся ей признаться?

Внезапно по спине побежала дрожь, и она стала медленно отступать к выходу. К ней подбежал Дэниел и взял за руку. Кейт открыла входную дверь и с удивлением обнаружила, что идет сильный снег; пушистый белый ковер уже накрыл подъездную дорогу.

– Кейт, если вы с нами останетесь, может, тогда у нас будет Рождество.

– Что это значит, Дэниел?

– Если вы уйдете, мы не сможем открыть подарки.

Она посмотрела в его испуганные глаза и погладила по щеке.

– Я… сейчас вернусь, договорились?

– Все получится, только если вы останетесь, – с тоской произнес он.

– Что получится?

Утирая слезы, Дэниел закрыл за ней дверь. Кейт села за руль и повернула ключ. Ни звука. Она попробовала еще и еще раз, но, похоже, аккумулятор умер.

Раздраженная, она выбралась из машины и заметила, что в доме потухли огни. Сердце кольнули острые иглы страха. Неужели дети специально испортили ее машину?

Кейт с трудом сглотнула, горло сжалось от ужаса. Оглядываясь каждую минуту, она пошла пешком в сторону трассы. Обувь была не по погоде легкой, подошвы скользили по снегу.

Ей казалось, что деревья на аллее сжимаются в плотное кольцо, и она побежала. Сердце билось так сильно, что готово было выпрыгнуть из груди. «Это просто детские шалости», – говорила она себе, хотя уже знала, что дело не в шалостях.

Впереди показалась полоса огней. Главная дорога. Кейт побежала быстрее, даже не взглянув на рекламный щит. Полиция. «Надо звонить в полицию», – подумала она и сразу вспомнила, что оставила телефон в машине. Кейт бежала по обочине и оглядывалась. Впереди показалась телефонная будка, но вблизи выяснилось, что провод оборван.

Кейт бросилась в сторону центра города, пересекла одну улицу, затем другую. К ней приближался автомобиль с длинной светящейся панелью на крыше. Полицейская машина. Кейт выбежала на дорогу и отчаянно замахала руками. Машина подъехала ближе, стекло со стороны водителя опустилось.

– Пожалуйста, – закричала она. – Там… что-то не так… дети напуганы… Я…

Сидящая на пассажирском сиденье женщина-полицейский смотрела на Кейт с подозрением.

– Успокойтесь и расскажите все подробно.

Переведя дыхание, Кейт объяснила.

– Я не уверена, – закончила она. – Это только предчувствие.

– Ясно. Садитесь назад. Поедем проверим, – кивнул водитель.

Женщина что-то сказала в рацию, и машина тронулась.

– С трассы надо съехать направо, – подсказала Кейт.

– Но там нет жилых домов. Это стройка.

– Нет, дальше есть большой особняк. Вы должны его знать… эпохи короля Эдуарда, – настаивала Кейт.

– Вы о Хогард-Плейс?

– Да! Дэниел Хогард. Все верно. – Кейт была рада, что не забыла имя мальчика.

Когда они выехали на аллею, она нахмурилась. Только недавно лежащий снег исчез. Потом показался дом, по-прежнему темный. Свет фар выхватил очертания ее автомобиля. Через несколько секунд Кейт вскрикнула.

Дом был почти полностью уничтожен пожаром. Крыша отсутствовала, наполовину разрушенные стены обуглены. Трубы и провода были похожи на вывороченные внутренности.

Кейт сглотнула ком. Сердце заколотилось в груди.

– Я… я была здесь. Я… заходила внутрь. Я…

– Это случилось пять лет назад, – объяснил водитель.

К ней повернулась женщина-офицер:

– Родители развелись. Отец уехал на север. У матери, видимо, помутился рассудок. Она купила детям подарки, оставила деньги наличными, велела оставаться дома и ни с кем не разговаривать, а сама уехала в Швейцарию с любовником. В канун Рождества, когда дети спали, случился пожар, все погибли. Мать арестовали, но потом она покончила с собой.

Кейт не могла оторвать взгляд от дома, в который заходила совсем недавно, стояла в теплой кухне, ощущала запахи. В голове роились беспорядочные мысли.

Интересно, если бы она осталась, снег продолжал бы идти, а дети смогли бы открыть подарки?

Для себя она твердо решила, что на следующий год в это же время обязательно поедет в тот супермаркет и, если Дэниел опять там будет, обязательно примет его приглашение остаться.

Счастливая комбинация чисел

Сколько Гейл знала Рики Уолтерса, он всегда мечтал выиграть в лотерею – Национальную лотерею с призом в пятьдесят миллионов фунтов, если не больше.

Намного больше.

Вызывающе много!

Огромные деньги!

И он знал, что получит их; это лишь вопрос времени. Он разработал собственную систему, к тому же всегда был удачлив. «Человек сам творец своего счастья. Мне, например, повезло, что я встретил тебя, – говорил он Гейл. – Жениться на тебе все равно что выиграть во все лотереи в мире одновременно!»

Это было тогда. Теперь же прошло уже десять лет. Пять лет назад предсказательница на благотворительном вечере в саду загородного особняка сообщила Рики, что она точно видит: он выиграет много денег в лотерею. Гейл отнеслась к этому с иронией, но мадам Зузу, устроившаяся под небольшим навесом, лишь укрепила веру, давно живущую в Рики.

Он никогда не сомневался. Был абсолютно уверен в своей системе.

Идея буквально поглотила его.

Да, он выиграет приз. Это факт. Абсолютно точно. Он так свыкся с этой мыслью, что частенько, сидя за любимым столиком в уголке бара «Собака и фазан», куда заходил выпить почти каждый вечер, просматривал список того, что купит, получив деньги.

Он выписывал огромное количество глянцевых журналов, которые изучал от корки до корки, и заносил в список названия новых вещей или просто вырывал страницы с изображением того, что купит, когда настанет «Большой день», как он его называл.

Яхта – вероятнее всего, «сансикер» не серийной модели; машины – он не был уверен, но, скорее всего, «астон-мартин-ванквиш» для себя и кабриолет «Мерседес SL AMG» для мадам; конечно, частный самолет – он склонялся к «лирджет»; часы «Хаблот».

У них будет новый дом. Гейл считала странным, что новый дом не входит в число наиболее приоритетных покупок. Учитывая, что сейчас им, можно сказать, негде жить. Что ж, это уже другая история.

Рики работал системным администратором и отвечал за всю компьютерную сеть брайтонского отделения Национальной компании веб-дизайна и развития. Алгебра и математика были его любимыми предметами. Так было всегда. Как-то раз, восемь лет назад, когда он занимался шестизначными числами, его осенило. В этом хаотичном перечне цифр он увидел то, что не мог никто другой – и уж точно никто из работающих в «Камелот групп», управляющей лотереей.

Год назад фирма прекратила существование, и Рики так и не нашел новое место. Он писал кое-какие программы для друзей и знакомых, что позволяло им держаться на плаву – и только, а еще зарплата Гейл, трудившейся бухгалтером в небольшом агентстве недвижимости. Гейл страшно переживала за их будущее, но Рики был спокоен и уверен. Он ведь собирался выиграть главный приз. О, конечно. У него ведь есть система! Он сам творец своего счастья.

Всякий раз, когда он говорил об этом Гейл, она мрачнела. В день их первого свидания заявил ей, что они будут богаче Крёза. Позже, после озарения, он стал объяснять ей подробности, говоря об элементах вариационного исчисления, Пифагоре, теореме Нётера и уравнении Каллана – Симанзика, и она слушала его с мрачным лицом. За годы их брака она почти совсем разучилась радоваться. Стоило Рики заговорить о математике, и он начинал физически ощущать, как менялось выражение лица Гейл. Будто разом лопнули все веревки, удерживающие планки жалюзи, и они с шумом рухнули вниз.

Впрочем, Рики почти не обращал на это внимания и продолжал рассказывать; скорее он адресовался к себе, успокаивал, повторял все, что знал. Настанет день, когда он получит приз. Большой день Национальной лотереи. И по целому ряду причин его устроило бы, чтобы это произошло в ближайшее время.

В идеале, в ближайшие несколько недель, пожалуйста! Приближался его сороковой день рождения, и этой дате он был совсем не рад. Где-то он читал, что, если не добился до сорока, значит, не добьешься никогда.

Как верно заметила Гейл, на протяжении восьми лет он тратил двадцать фунтов в неделю на лотерею, а выиграл всего один раз и лишь пятьдесят фунтов – небольшая награда за все усилия. Она подсчитала, что у них было бы уже больше восьми тысяч фунтов, если бы он просто откладывал эти деньги, а возможно, и больше, если постараться.

– И что бы тебе дали эти деньги? – недоумевал Рики.

– Я бы купила новую посудомоечную машину, которую сейчас мы не можем себе позволить, – отвечала Гейл. – Мы могли бы съездить в отпуск – впервые за два года. Мы этого не делали, потому что ты каждый раз говорил, что мы не можем себе этого позволить. Я могла бы наконец поменять машину, она уже разваливается на части.

А самое главное, они могли бы оплатить ЭКО, что больше всего беспокоило Гейл, так как ее попытки забеременеть до сих пор оставались безуспешны.

– Надо просто подождать! – восклицал Рики.

– Я только этим и занимаюсь – когда это закончится?

– Скоро, очень скоро. Я уверен – точно. Это произойдет, и очень скоро. Я уже близок к верной комбинации. Это может случиться в ближайшую неделю!

– Что ж, – вздохнула Гейл. – Продолжай мечтать.

– Конечно!

У Рики была не одна мечта, но ему нужны деньги, чтобы осуществить самую главную из них.

Они решили, что не могут себе позволить устроить вечеринку по поводу сорокалетия Рики, поэтому пригласили десять самых близких друзей на ужин в их любимом ресторане «Тополино» в Хоув, предварительно убедившись, что всем ясно: каждый платит за себя. Рики, будучи по натуре человеком щедрым, сначала не одобрил идею, но баланс его счета был таков, что пришлось согласиться, пусть и неохотно.

«Приз почти у нас в руках», – убеждал он Гейл. Он кожей ощущал, что это так!

Уже около часа он пил просекко в «Тополино» с друзьями, слушал их милые шутки на тему возраста и вопросы о том, радует ли его приближение дня, когда можно будет бесплатно ездить на транспорте. С каждым глотком он ощущал, как душа наполняется радостью и любовью к окружающим. Хорошо, что их длинный стол был расположен в углу, в стороне от остальных посетителей, и они не мешали им шумными разговорами и громкими тостами.

Перед тем как должны были подать на закуску равиоли флорентино, он внезапно посмотрел на часы. Было начало десятого вечера. Черт! Он махнул официанту – высокому и худому парню, похожему на живой труп, голос которого оказался веселее, чем можно было ожидать от человека с такой внешностью.

– *Si, signor?*

Рики старался говорить так, чтобы не привлекать внимание гостей.

– Могли бы вы оказать мне услугу? – почти шепотом произнес он. – Я оставил телефон дома, не найдете для меня номер, выигравший на этой недели в лотерею?

Тот нахмурился.

– Иду спросить.

– Благодарю вас. – Рики сунул ему в руку банкнот в двадцать фунтов.

– Боже мой! – прошипела ему в ухо Гейл. – Неужели ты не можешь забыть об этом хоть на один вечер и повеселиться?

– А что, если это тот самый день?

Она покачала головой и сделала большой глоток красного вина.

– Эй, Рики, – обратился к нему его самый старый друг Боб Темплтон – полный мужчина, владелец фирмы, занимающейся тепловыми коммуникациями. – Знаешь анекдот про одного сорокалетнего компьютерщика, который пришел в бар с лягушкой на голове? Бармен спросил парня: «Что это у вас?» – «Не знаю, – ответила лягушка. – Сначала это была бородавка у меня на заднице».

Гости разразились диким хохотом. Рики натянуто улыбнулся. В этот момент к ним подошел владелец ресторана – жилистый веселый мужчина лет под шестьдесят.

– Итак, кто из вас хотел знать номера лотереи? – спросил он на ломаном английском.

Рики поднял руку.

Мужчина стал перечислять:

– 1, 23, 34, 40, 41, 48.

– Не могли бы вы повторить? – нахмурился Рики.

– *Si, signor.* 1, 23, 34, 40, 41, 48.

– Вы уверены? Это точно?

– Точно. Можете проверить, если хотите. Или мне еще раз проверить?

– Если можно.

Гейл повернулась к нему, но Рики старался не смотреть ей в глаза. Руки его дрожали. Он потянулся к бутылке вина, с трудом наполнил свой бокал и выпил.

– Мне кажется, это мошенничество все эти лотереи, – заявила Хилари Уикенс, жена его лучшего друга. – Играть в них – дело неблагодарное.

Рики ничего ей не сказал. Повисла тишина. Только Гейл пристально смотрела на него, заметив, что с лица резко сошли все краски. Но она промолчала.

Через плечо Рика перегнулся владелец ресторана и протянул ему листок бумаги, вырванный из блокнота. На нем были написаны шесть чисел.

– *Si, signor* Уолтерс, я проверил. Даже позвонил, чтобы вы не сомневались!

Рики тихо поблагодарил его, еще раз пробежал глазами цифры, сложил листок и убрал во внутренний карман пиджака. Чувствуя на себе взгляд Гейл, он старался не смотреть в ее сторону. Наполнив бокал до краев, он залпом выпил вино. Его трясло так, что это стало заметно окружающим. Сейчас Рики думал только о том, как скорее уйти из ресторана, но делать нечего, придется сидеть до конца вечера.

На горячее он заказал телячью отбивную на косточке – его любимое блюдо, но сейчас с трудом заставлял себя есть. И почему, черт возьми, Гейл не сводит с него глаз? Недовольна тем, что он не веселится со всеми? Странно, его настроение уже давно ей безразлично.

Принесли большой праздничный торт с сорока свечками и бенгальским огнем в центре. Он старательно задул свечи. Потом пели песенку «С днем рождения», к ним присоединились остальные гости ресторана, все смеялись и продолжали сыпать глупыми шутками.

Рики попросили произнести речь. Он поспешно выдал все слова, которые заготовил заранее – написанная речь лежала в кармане пиджака. Хотя его больше интересовало то, что лежало в другом кармане. Закончил он афоризмом Джорджа Карлина: «Цель жизни не в том, чтобы лечь в могилу хорошо сохранившимся, а в том, чтобы, будучи совершенно дряхлым, радостно восклицать: «Черт, какая это была жизнь!»

Все улыбались и аплодировали. Кроме Гейл, сидевшей с каменным лицом. Когда Рики опустился на место, она наклонилась к нему, косясь на Боба, вставшего, чтобы произнесли ответную речь.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Лучше, чем когда-либо!

И это было правдой.

В конце вечера он настоял – со всей уверенностью – и оплатил ужин кредитной картой. На объяснения Гейл, что он пьян, а также на ее надутое выражение он попросту не обращал внимания.

Такси привезло их к дому уже за полночь.

Настроение Рики, поднявшееся после трех рюмок самбуки, которыми он закончил вечер, было прекрасным. К тому же он дремал большую часть пути.

Переступив порог, Рики сразу направился в ванную комнату, запер за собой дверь и только тогда достал клочок бумаги с выигранными номерами, переданный ему владельцем «Тополино».

Это были его цифры!

Черт! Черт!

Рики впился в них глазами, боясь, что все же ошибся. Он помнил их наизусть. Они были из одной группы чисел, выданных компьютером. Он все рассчитал верно.

Гейл ждала его у двери ванной и окинула подозрительным взглядом:

– Итак, что происходит?

– В каком смысле «что происходит»?

– Ты был таким тихим весь вечер. Тебе не понравился праздник?

– Я был бы абсолютно счастлив, если бы не твои унизительные замечания по поводу моего решения оплатить счет.

– Милый, ты же был пьян. Все уже согласились вернуть нам деньги – не было нужды так поступать.

– Не было? Тогда я кое-что тебе скажу. Я выиграл в лотерею! Выпали все мои цифры, а ты ведь никогда не верила в меня. Я так долго ждал этого дня, так долго. Знаешь, я не хочу больше оставаться рядом с тобой. Я уже давно влюблен в другую и наконец могу с тобой развестись. Тебе не стоит беспокоиться, я не выброшу тебя на улицу. Я все продумал, ты будешь хорошо обеспечена.

– Ты очень заботлив, – зло бросила Гейл.

Рики пьяно усмехнулся в ответ:

– Да, я такой. Жаль, ты раньше не замечала.

– Какая же я глупая.

– Я уйду утром. Начну собираться прямо сейчас. Еще один день рядом с тобой я не выдержу.

– Да, ты умеешь порадовать. Это точно. – Она прошла мимо него к умывальнику и принялась смывать макияж.

– Ты никогда не верила в мою систему. Говорила, что я никогда не выиграю. Как ты ошибалась, правда?

– Ничего подобного, – сказала Гейл, удаляя тушь с ресниц. – Я подумала, что вечер пройдет веселее, если ты решишь, что выиграл. Это я попросила официанта назвать эти числа. Да, и если тебе интересно, у меня есть те, которые на самом деле выиграли. Кстати, ты не угадал ни одного.

«Лайк»

Она поставила ему «лайк» в Фейсбуке. Он ответил тем же.

Она ему понравилась. Хорошая фотография. Они были примерно одного возраста – около тридцати, решил он. Возраст, когда люди уже достаточно зрелые, чтобы понимать, чего хотят. От нее веяло спокойствием, красивая улыбка – наверное, она веселый человек, – спортивная фигура, кстати сексуальная. И в то же время глаза ее были жадными. Будто она хочет получить нечто, о чем давно мечтала. Имя ему тоже понравилось. Тереза Саундерс.

Он решил попасть к ней в друзья. Внезапно ему страстно этого захотелось. «О да. Ты классная девчонка, у нас могло бы получиться. Я ведь могу быть тем парнем, которого ты ищешь. Правда могу!»

Он кликнул мышью, чтобы открыть папку, но увидел лишь надпись: «Нет фотографий для просмотра».

Черт, а она строго блюдет конфиденциальность. Он отправил запрос на дружбу и стал ждать. Прошло двадцать минут, уже перевалило за полночь, а ответа не было. Завтра ему рано вставать, предстояла встреча с клиентом, запускающим новый бренд продуктов питания – суперкаши, витаминизированные, не содержащие холестерина, идеально подходящие для завтрака. Он вышел из Фейсбука и лег спать.

Во сне он видел Терезу. Ее длинные волосы цвета озимой пшеницы рассыпались у него перед глазами, голубые глаза улыбались ему. Она поцеловала его, нежно прикоснувшись ко лбу, щекам, а потом губам. Он проснулся, уверенный, что на какое-то неуловимое мгновение Тереза была в комнате. Возбуждение стало еще сильнее.

Конечно, это всего лишь сон, но какой! Он стал ощущать невидимую, но очень сильную связь с этой девушкой. Даже пришлось включить свет, чтобы убедиться, что ее нет рядом. Разумеется, он был в постели один. Один в большой спальне в стиле лофт, с дощатым полом и разбросанными по нему ковриками, окном без штор и гардин, позволяющим любоваться мутными водами Темзы – всего полмили вверх по течению от Тауэрского моста.

Замелькали огни, и послышался гул мотора – катер речной полиции. Он вылез из постели и поплелся к столу. Сев лицом к окну, открыл крышку ноутбука и вошел в Фейсбук.

Одно уведомление: «Ваше предложение принято. Тереза Саундерс добавила вас в друзья». И сообщение:

«Спасибо за предложение дружить».

Ооооxxxooo!

Однако отвечать сразу он не стал. Не пожелал выглядеть слишком заинтересованным. Да и она будет удивлена получить от него сообщение в 3:20 утра.

Он лег в постель, зажмурился и принялся мечтать, чтобы она опять пришла к нему во сне. Но перед глазами была лишь упаковка «Максимус Брек» – «каша для гладиаторов»!

Своим слоганом он был очень доволен.

Проснулся он в 6:15, всего за несколько минут до момента, когда должен был сработать будильник. Солнце уже встало, и было почти совсем светло. Он любил это время года – начало апреля, – когда в воздухе пахнет весной. И ночи становились все короче. Может, эта весна станет для него порой любви? Возможно, с Терезой Саундерс.

Он сидел в черном шелковом халате перед телевизором, смотрел программу «Дейбрейк» и жевал «Максимус Брек», приготовленную в микроволновке. У каши был вкус жидкого гипса, но он, конечно, не будет рассказывать об этом клиенту. Он ворвется в кабинет, полный энергии, как настоящий гладиатор, и скажет, какая она потрясающая, эта новая еда. Особенно для не очень прибыльного рекламного агентства, которое платило ему за эту работу.

Он ел и смотрел, как разъяренные палестинцы тянут вверх руки с плакатами. Он должен готовиться к предстоящей встрече, но не мог не думать о том, какое сообщение отправит в ответ Терезе Саундерс. Надо придумать что-то оригинальное, что заставит ее улыбнуться, тогда она решит, что он действительно интересный парень и с ним можно познакомиться.

Черт, он один из самых высокооплачиваемых копирайтеров Лондона. Он пишет классные слоганы для классных товаров. Неужели он не может написать ничего стоящего для лучшего, что у него есть, – самого себя.

Ему тридцать два, не женат, у него крутой ноутбук, «Астон DBS» угольного цвета. Он следит за тем, чтобы фигура и банковский счет всегда были в норме. Но последние восемь месяцев со дня, как закончились его прежние отношения, он спит один.

Терезе Саундерс он отправил следующее послание:

«Спасибо, что приняла мое предложение… *Д.*».

Затем он оделся и поехал на встречу, останавливаясь на светофоре, каждый раз брал в руки айфон. Сообщения сыпались каждую минуту, но, к его разочарованию, ни одного от Терезы Саундерс.

«Хватит, – пытался он взбодриться. – Соберись. Сосредоточься!»

Они сидели за большим черным столом из стекла в белом просторном зале для заседаний агентства «Брессон, Картер и Олафф», на которое он сейчас работал. На блюдах круассаны и бриоши, между ними кофе, бутылки с дорогой минеральной водой. Четыре человека со стороны заказчика, трое его коллег из агентства, в том числе их босс Мартин Уиллис, смотрели на экран. Там были представлены макеты рекламы для телевидения, Интернета, журналов и магазинов. Он тоже должен был смотреть, но вместо этого не сводил глаз с экрана айфона, зажатого в руке под столом.

– Тебе не кажется, Джоб?

Услышав свое имя, он вернулся на землю. Подняв голову, увидел семь пар глаз, смотрящих на него, некоторые с неожиданным дружелюбием. Он покраснел до корней волос.

– Хм… да, пожалуй, – произнес он, хотя не представлял, о чем идет речь. От их взглядов было не по себе, лицо горело, будто на него вылили кислоту.

– Ты вообще здесь, Джоб? – спросил Уиллис.

– Однозначно, – ответил он, чувствуя, что потеет.

– Тогда прошу, тебе слово, – пригласил Уиллис.

– Да, конечно. Хм… хм… да.

Женщина, чье имя он не помнил, учтиво подсказала:

– Мы говорили о рекламе в Твиттере.

– Конечно. – Он помолчал, ожидая озарения, но ничего не произошло. Придется двигаться наугад. – Полагаю, должны появиться сообщения от людей, пробовавших «Максимус Брек» и желающих поделиться, каким удивительным образом эта еда насыщает

энергией. Если кто-то пишет, что он на диете, «Максимус Брек» будет их отслеживать и отвечать. Таким образом, он становится не просто брендом, а разумным существом в киберпространстве.

Он натолкнулся на стену пустых, равнодушных взглядов.

– А диабетики? – спросила та же девушка. – Я думала, мы рассчитываем также на два с половиной миллиона диабетиков в стране, наш продукт подходит им благодаря низкому гликемическому индексу.

– Разумеется! – воскликнул Джоб, вспоминая об одном из самых важных пунктов. – Диабетики, да, бесспорно. То же самое можно сделать на сайтах диабетиков, а также в Твиттере и Фейсбуке. «Максимус Брек» станет другом для больных диабетом первого и второго типа. Эта каша станет лучшей на все времена! Сначала в этой стране, а потом и во всем мире!

И затем он совершил ошибку, взглянув на телефон.

«Привет, Джоб, приятно «познакомиться»! Только сейчас увидела твое сообщение, а ты крутой парень. Расскажи еще о себе».

После совещания Мартин Уиллис попросил его зайти к нему.

Уиллису было немного за сорок, рыжеволосый, предпочитал хорошие деловые костюмы и дорогие сорочки, галстуки игнорировал.

– На кого ты работаешь, Джоб? – спросил он с сильным йоркширским акцентом. – На Вулидж?

– Вулидж? – нахмурился Джоб.

– Да. На них? Потому что я уверен, черт возьми, что точно не на нас.

– Только на вас, уверяю.

– Черта с два. Отчего ты такой рассеянный? Ты прилетел с планеты Зог? Или принимаешь наркотики? Может, заболел?

– Нет, все в порядке… я здоров.

– Ты понимаешь, что сегодня мы потеряли из-за тебя одного из самых крупных клиентов? Каждый раз, когда тебе задавали вопрос, ты витал в облаках.

– Простите.

– Я такое не прощаю.

Вернувшись домой, Джоб напечатал:

«Привет, Тереза, я тоже рад познакомиться! Твое сообщение стоило мне выговора от босса! Он решил, что переписка с тобой для меня важнее совещания. Что за филистер! Ладно, немного обо мне: я холост, работаю в рекламе. Живу на Уоппинг-Уоф, недалеко от Тауэрского моста. Был бы рад встретиться в реале. Д.»

Закончив, Джоб включил телевизор, смешал большую порцию водки с мартини, попробовал и решил проверить ноутбук, прежде чем устроиться перед телевизором. Ему было безразлично, какую программу смотреть, просто хотел выпить и выбросить из головы ту чушь, которую сегодня услышал от Мартина Уиллиса. И больше всего задевало то, что Уиллис был прав. Мысленно он находился далеко от зала, где проходила встреча. Тереза Саундерс занимает все его мысли, а они еще даже не встречались!

Пока!

Ага, вот и ответ от нее.

«Я бы тоже хотела».

Он сразу написал:

«Когда тебе удобно?»

Ответ опять пришел сразу.

«Может, сегодня?»

«Отлично. Когда и где?»

На этот раз ему пришлось подождать несколько минут.

«В 22:35. Хэмпстед-Хит. 51°56’47.251” с. ш. 0°17’41.938” з. д.».

Джоб нахмурился, но потом усмехнулся. Географические координаты. Оригинально. Тереза Саундерс умная девушка! Ему понравился такой ход.

Он напечатал:

«Буду ждать!»

Ответ был таким:

«Очень хочу, чтобы мы встретились!»

«Я тоже. Целую!»

«Обещаешь? Я тоже целую».

Он усмехнулся и ответил:

«Обещаю. Целую».

Джоб взял телефон и открыл приложение, которое скачал недавно, когда делал рекламу кофе. В ней мужчина и женщина отправляли друг другу свои координаты, которые менялись по мере того, как они приближались к месту их встречи в кофейне. Та реклама была его большим коммерческим успехом. Видимо, Тереза ее видела. Сейчас его собственные координаты были следующими: 51° 50’ 33.594” с. ш. 0° 06’ 15.631”з. д.

На часах было ровно девять вечера. Чтобы добраться до места встречи, ему потребуется приблизительно час. Джоб поджарил себе сэндвич с сыром, надеясь, что тот сможет понизить уровень алкоголя до разрешенного минимума, а затем сел за компьютер, чтобы найти в Хэмпстед-Хит место, координаты которого получил.

Незадолго до половины десятого Джоб почистил зубы, пару раз брызнул на себя одеколоном, надел черную кожаную куртку и положил в карман небольшой фонарик. Спустившись в лифте на подземную стоянку, он сел в «астон мартин» и завел в навигатор адрес. В животе кружились бабочки. Огромные бабочки!

Ехать по вечернему Лондону, когда движение уже не такое интенсивное, было очень приятно. Под звуки песен Майкла Киванука мили пролетали быстрее, и навигатор показывал, что он все ближе к Хэмпстед-Хит. И к Терезе Саундерс. Девушке его мечты!

Приехал он на двадцать минут раньше, чем планировал, диск Киванука закончился, и он поставил Луи Армстронга «У нас впереди все время этого мира».

В самую точку, верно?

Оставив машину у обочины, Джоб вышел и включил фонарик. Здесь было темно и неожиданно безлюдно, возможно, в любой другой день это бы насторожило, но сегодня его толкало в темноту желание увидеть Терезу. Возможно, она уже там – это окончательно развеяло опасения.

Опустив глаза на экран, он стал следить, как меняются координаты, пока не увидел: 51° 56’ 47.251” с. ш. 0° 17’ 41.938” з. д.

Прямо перед ним была скамейка.

О да! Это ему нравилось!

Джоб сел. Бабочки в животе устроили бешеный танец. Он достал из кармана пачку сигарет. А вдруг она против курения? В воздухе запахло сгоревшими дровами.

Он убрал пачку обратно в карман и прислушался.

Где-то вдалеке мужской голос несколько раз выкрикнул:

– Оскар! Оскар! Где ты, мальчик? Оскар!

Залаяла собака.

– Хороший мальчик, хороший, – произнес тот же голос.

Пес опять залаял.

Наступила тишина.

Джоб ждал. На улице было прохладно. Он взглянул на часы.

Прошли пять минут. И еще пять. Он взял телефон и открыл Фейсбук. Ничего. Он отправил сообщение:

«Я на месте».

Через пару секунд пришел ответ:

«Я тоже!»

Он огляделся, затем включил фонарик и посветил во все стороны. Луч разрезал темноту, но не высветил ни одного силуэта. Он отправил еще сообщение:

«Я тебя не вижу. Может, координаты неверные? 51°56′ 47.251″ с. ш. 0°17′41.938″ з. д.?»

Ответ пришел раньше, чем он успел отправить написанное.

«Все точно!»

Внезапно он ощутил, как закрутился рядом вихрь ледяного воздуха; он стих так же неожиданно, как начался. Джоб почувствовал, как в спину упирается что-то твердое и плоское, словно прибитое к скамейке. Он повернулся и направил луч. Теперь ему хорошо была видна небольшая латунная табличка с выгравированной надписью: «В память о Терезе Саундерс (1983–2011), любившей это тихое место и убитой здесь ударом молнии».

Еще один ледяной вихрь, и он ощутил легкое, едва уловимое прикосновение к щеке. Похожее на поцелуй.

Через несколько мгновений над головой прокатился гром. Охваченный ужасом, он поднял голову и увидел надвигавшуюся черную тень.

– Не повезло парню, – произнес сержант полиции.

– По крайней мере, не мучился, – сказал констебль, который прибыл на место первым.

Пожарные установили освещение и с помощью подъемного механизма убрали тяжелую ветвь дерева, которая упала на Джоба, раздробив ему кости черепа и придавив к земле.

Осмотревший его фельдшер не нащупал пульс и вынужден был констатировать, что это очередной случай, который они с коллегами со свойственным профессии своеобразным юмором называли: «Скорая уже не поможет». Следователь был уже в пути.

Мужчина, гулявший неподалеку с собакой, стоял в стороне и с ужасом смотрел на труп, а потом прокричал офицеру, прохаживающемуся за ограждением:

– Давно пора было ее срубить, ясно же было, что дело плохо кончится.

Полицейский, появившийся совсем недавно, натянул резиновые перчатки и ткнул пальцем в какой-то предмет.

– Айфон, – сказал он. – Может, что-то прояснится.

Взяв его в руки, он внимательно посмотрел на экран.

– Кажется, он здесь с кем-то встречался. Свидание. Он ждал ее в 22:35 – полчаса назад. Не похоже, чтобы здесь была женщина.

– Неудачный день у парня. Наверное, хотел защитить девушку, и его шарахнуло.

– Может, она его отшила и ушла? – предположил сержант.

Курение убивает

Очень короткая история, основанная на реальных событиях

– У вас есть последнее желание?

– Угу. Можно выкурить сигарету?

– Простите, но в этой камере исполнения наказаний не курят.

– Но ведь это меня не убьет, верно?

– В этом можешь не сомневаться, красавчик.

След преступника

Первое дело Роя Грейса

Не пес, а тряпка. Крафти Каннингхэм всегда его так называл. Очаровательное животное, но все же тряпка.

Его жена Кэролайн с ним соглашалась. Пес был большим, мощным, особенно это ощущалось, когда он прыгал на тебя, весь грязный и мокрый после гонок по саду, и старался облизать лицо. Создавалось впечатление, будто на тебя с горы упала овца и придавила к земле. Звали собаку Флаф, слишком милая кличка для животного такого размера, и они оба знали это. Ему было уже одиннадцать лет (семьдесят семь по человеческим меркам), но он отказывался понимать, что уже не похож на крошечного пушистого щенка, а давно превратился в огромного, слишком толстого и всегда отвратительно пахнущего золотистого ретривера.

Они оба его любили, хотя всегда осознавали, что напрасно последовали совету при выборе щенка. Изначально они планировали завести сторожевого пса, который с удовольствием бегал бы по большому саду в Брайтоне и не требовал дополнительного выгуливания. Флафу были необходимы долгие прогулки дважды в день, что, надо признать, случалось редко, отчего у него и появился лишний вес. Сторож из него был совсем никакой. Кэролайн говорила друзьям, что единственное, на что он способен, – так это утопить грабителя в слюне.

Настоящее имя Крафти было Дэннис, но прозвище прилипло к нему еще в школьные годы. Тогда он был единственным, кому удавалось всегда выйти сухим из воды. Ему везло, когда он прогуливал школу, везло в игре на футбольном поле; ему всегда удавалось выкрутиться из всех неприятных ситуаций и уйти от проблем. Он всегда был единственным, кого не наказывали.

Его отец однажды с немалым уважением в голосе сказал: «Дэннис из тех людей, кто будет проходить через турникет следом за вами, а выйдет первым и не заплатив».

Никто из них двоих не слышал, как ранним апрельским утром во вторник Флаф вышел из кухни, где обычно спал, поднялся по лестнице и плюхнулся на пол в спальне, рядом с их кроватью. Позже Крафти скажет полиции, что слышал какое-то постанывание около пяти

часов, тогда он не знал, что пес в их спальне, и решил, что это Кэролайн, которой приснился дурной сон. Проснувшись в семь часов, Крафти отчетливо почувствовал запах мокрой собачей шерсти, а потом увидел Флафа. К его удивлению, собаку трясло.

– Флаф! – прошипел он тихо, чтобы не разбудить жену, которая вставала не раньше 8:30. – Что ты здесь делаешь, мальчик?

Пес бросил на хозяина недовольный взгляд, поднялся и, все еще дрожа, поплелся к двери. Там он остановился и тявкнул, немного громче, чем обычно.

– Ш-ш-ш-ш-ш, эй! – нахмурился Крафти, но подумал, что Флаф ведет себя как-то странно, будто пытается что-то сказать. Может, он заболел? – Хочешь на улицу? Что случилось, мальчик? Почему ты дрожишь? – шептал Крафти, выбираясь из постели. Он сунул ноги в тапочки и снял с крючка на обратной стороне двери шелковый халат. Внезапно он понял, что и сам покрылся мурашками, оттого что в комнате прохладно. Весне уже давно пора войти в свои права, а в воздухе все еще витает зимний холод. Но Флаф не мог замерзнуть – для этого у него слишком много шерсти.

Пес опять тявкнул, засеменил к лестнице, остановился, повернулся к хозяину и тявкнул снова.

– Ты точно хочешь что-то мне сказать, верно, мальчик?

Так и было.

Констебль главного полицейского управления Рой Грейс сел за небольшой стол в кабинете на втором этаже полицейского участка, расположенного на Джон-стрит в Брайтоне. В кабинете, которому предстояло на обозримое будущее стать его домом.

Поставив купленный по дороге стаканчик кофе, он снял куртку. Стол его был почти пуст, если не считать телефонного аппарата, радио рядом с ним и листка с записями со вчерашнего совещания. Рой открыл портфель, достал несколько личных вещей, в том числе рамку с фотографией невесты Сэнди. Она стояла у ограждения на набережной и улыбалась, ветер трепал ее длинные светлые волосы. Рядом с этой он поместил фотографию родителей. Отец, Джек, выглядел довольным собой и гордым в форме с погонами сержанта.

Рой уже закончил двухгодичную стажировку, за время которой изучил каждый дюйм города, и ему это нравилось. Он мечтал стать сыщиком, еще будучи подростком, и сейчас даже не верил, что ему удалось.

Начинался второй день на новом месте, и он был в восторге от того, как звучит его звание. Констебль главного полицейского управления Грейс. Главного полицейского управления! Сэнди тоже это нравилось, она говорила, что гордится им. Рой сделал глоток кофе и подавил зевоту. Ему сказали, что приходить раньше восьми утра нет необходимости, но он хотел произвести хорошее впечатление – возможно, и получить что-то от Бога, – поэтому прибыл в участок одетый в строгий пиджак и хлопчатобумажные брюки, ровно в семь утра. Он был полон надежды, что это день станет более насыщенным, потому как вчера, откровенно говоря, ему было немного скучно. Разве этот участок не второй по загруженности во всей Великобритании? Пока здесь было тихо, как в морге.

Ему было необходимо дело, в которое можно вцепиться зубами, но в первый день вообще ничего не происходило, если не считать совещания, ознакомления с некоторыми рутинными обязанностями и получения графика работы на три месяца. В целом это был очень тихий понедельник, и все обвиняли в этом непрекращающийся дождь. В шутку его называли Полицейский Рейн, но это было правдой. В плохую погоду преступлений совершалось меньше. Сегодня небо было почти безоблачным, что обещало солнечную погоду. И новые преступления!

Рой подумал, что вчера чувствовал себя как в первый день в школе, стремился познакомиться, как можно скорее, со всеми новыми коллегами. Он хотел помочь с раскрытием преступлений, совершенных в воскресенье, – несколько взломов и угонов, парочка уличных ограблений, нападение одной из городских банд на группу азиатов и налет наркоманов на частный дом, – однако этим занимались другие. Рою оставалось только болтать с теми, кто был свободен, находить, чему у них поучиться, и ждать, когда его непосредственный начальник, сержант Билл Стокер, даст ему задание; он надеялся, что сегодня все пойдет по-другому. И ему не пришлось долго ждать. Вскоре появился сержант – крупный мужчина, бывший боксер – в черном костюме, который явно был на размер ему велик, и черных ботинках, начищенных до блеска, как у военных.

– Итак, старичок, есть для тебя работа. Проникновение в жилище на Дайк-Роуд-авеню. Похоже, что-то серьезное. Я поеду с тобой, но дело будет твоим. Экспертов я уже вызвал.

Грейс надеялся, что волнение не отразилось на лице слишком явно. Он вел машину вдоль линии метро, мимо станции, стараясь не превышать скорость, пересек Севен-Дайлс и выехал на Дайк-Роуд, а потом и на Дайк-Роуд-авеню, по обе стороны которой располагались самые шикарные дома в городе.

– Не много копов живет на этой улице, – криво ухмыльнулся сержант. – И точно не самые честные.

Несколько лет назад в городе разразился большой скандал, связанный с коррупцией в полиции, речь тогда шла как раз о владении недвижимостью. Об этом деле Рою говорил отец. Произошедшее оставило неприятный след в душах как блюстителей закона, так и рядовых граждан. Горечь в тоне сержанта подсказала Рою, что тему лучше не продолжать. Едва он открыл рот, чтобы вежливо уклониться от обсуждения, как сержант его опередил:

– Вон он, слева на углу!

Грейс покатил в указанном направлении по широкой подъездной дороге, миновал массивные ворота, обе створки которых были распахнуты – было видно, что их давно не ремонтировали и редко держали закрытыми.

– Если бы я жил здесь, мои ворота всегда были бы закрыты. Открытые они выглядят как приглашение войти, – заключил он.

– Очень многие вообще не задумываются о своей безопасности, – проворчал сержант. – Ладно, прежде чем мы выйдем из машины, скажи, как тебе это место на первый взгляд?

Рой Грейс посмотрел на дом. От улицы он был отгорожен деревянным забором, которым также давно никто не занимался.

– Здесь живут люди очень немолодые, – начал Грейс. – Они владеют домом уже несколько десятилетий и ни разу не задумывались о сигнализации – не вижу никаких признаков.

Сержант вскинул брови:

– Почему ты решил, что они пожилые? Эти… – Он взглянул в блокнот. – Мистер и миссис Каннингхэм?

– С возрастом люди начинают бережнее относиться к деньгам, сэр. Они не любят тратить их на то, что им не очень нужно. Поэтому давно ничего здесь не ремонтировали. Однако полагаю, они увлекаются садоводством, и у них есть на это время, из чего я сделал вывод, что они на пенсии. Посмотрите, какая ухоженная живая изгородь. В идеальном состоянии – за ней следит настоящий перфекционист.

– Давай проверим, прав ли ты, – произнес Билл Стокер, выбираясь из машины.

Грейс повернулся к шефу:

– Вы знаете о них то, что неизвестно мне?

Стокер равнодушно пожал плечами и скупо улыбнулся. Мужчины прошли по неухоженной дорожке из гравия. У входа стояла «хонда» старой модели. Отсюда вид на сад был лучше, и Грейс отметил, что все кустарники идеально подстрижены, дом же, напротив, вблизи оказался еще более обшарпанным. В некоторых местах штукатурка отваливалась кусками, тут и там на стенах темнели зловещие пятна от сырости.

Поднявшись на крыльцо, они позвонили. Сразу же послышался негромкий собачий лай, а через пару мгновений дверь распахнулась, и перед ними предстал худощавый мужчина, по оценке Роя лет семидесяти. Грейс бросил на Стокера быстрый взгляд, тот одобрительно кивнул и криво улыбнулся.

– Мистер Каннингхэм?

– Да.

Грейс достал корочки с удостоверением на одной стороне и значком полиции Суссекса на другой. Он предъявлял его впервые и даже немного нервничал.

– Констебль Грейс и сержант Стокер, департамент уголовного розыска, сэр. Как нам известно, имело место незаконное проникновение?

Стоящий перед ними мужчина был одет в клетчатую рубашку с галстуком, хлопчатобумажные брюки и бархатные лоферы с вышитой монограммой. Сейчас он выглядел немного потерянным. Волосы были длиннее положенного, что еще больше делало его похожим на рассеянного профессора. Он не произвел на Роя впечатление человека, занимавшегося монотонным трудом в кабинете, – скорее всего, близок к миру искусств, возможно, занимался антиквариатом. Однозначно удачливый делец в прошлом.

– Да-да, именно так. Черт возьми. Благодарю, что приехали. Прошу простить за беспокойство.

– Никакого беспокойства, сэр, – произнес Билл Стокер. – Это наша работа.

– Мы так потрясены, не могу вам передать. Прошу, входите. Мы с женой старались быть аккуратнее и ничего не трогать, но этот бестолковый пес везде лезет, затоптал, как говорят ваши коллеги, место преступления.

– Наш эксперт возьмет у него отпечатки лап, сэр, и мы сможем исключить его из списка подозреваемых, – успокоил Стокер, проходя в неожиданно огромный холл. На стенах висели весьма достойные портреты маслом, и обставлено помещение было со вкусом подобранной антикварной мебелью. Он присел, чтобы погладить подошедшую собаку. – Привет, дружище. – И осторожно почесал ему грудь. – Как тебя зовут? – Взгляд скользнул на ошейник. – Флаф? Так ты Флаф?

Тут послышался женский голос.

– Кто пришел, милый?

– Полиция. Из полицейского управления. Два детектива.

– О, слава богу.

Кэролайн Каннингхэм была элегантной женщиной под семьдесят, с тщательно уложенными волосами и все еще красивым лицом, несмотря на многочисленные морщины. Рой Грейс подумал, что в молодости она была хороша собой. На ней была белая блуза, черные брюки и блестящие кроссовки.

Муж представил их жене, перепутав звания, и Рой его поправил.

– Кофе или чай, джентльмены? – спросила Кэролайн.

Грейс не отказался бы от кофе, но беспокоился, что такое поведение сочтут непрофессиональным.

– Благодарю, – ответил он. – Спасибо большое, но не стоит. – Покосившись на шефа, он заметил на лице возмущение, но продолжал: – Патруль прибыл в 7:10 утра, вызов поступил из вашего дома, все верно, мистер и миссис Каннингхэм?

– Верно. Мы даже не знаем, были ли… преступники все еще в доме. Мы были так напуганы – и от этой собаки совершенно никакого толку!

– У мужа есть ружье, но оно хранится в сейфе в гараже, – пояснила Кэролайн.

– Это и к лучшему, мадам, – заметил Билл Стокер. – Если замешано оружие, дело сразу приобретает другой характер.

– Я бы пальнул по ним из обоих стволов, и черт с ними, – сказал Крафти Каннингхэм.

Появившееся на лице выражение убедило Роя, что тот говорил серьезно.

– Я бы попросил вас подробно рассказать о произошедшем. Нам необходимо составить картину преступления и понять, что же пропало.

– Не уверен, что мы сможем перечислить все украденное, но основные вещи – да, – ответил пожилой джентльмен.

– Грузинское серебро большей частью, – пояснила Кэролайн. – Похоже, они разбираются в таких вещах. К остальному даже не прикоснулись.

– Вы полагаете, что грабителей было больше чем один человек? – спросил Грейс.

– Черт возьми, конечно! – вмешался Крафти. – Эти подонки даже умудрились позавтракать в кухне, прежде чем уйти! Съели две тарелки каши, тосты и мармелад. Можете себе представить?

– Давайте присядем и подробно все обсудим, – предложил Стокер. – Потом мы сами осмотрим дом. Есть ли здесь помещение, в которое… э… злоумышленники не входили, по вашему мнению?

– Оранжерея, – быстро ответила Кэролайн.

– Пойдемте туда.

– Вы уверены, что не хотите чай или кофе? – повторила она вопрос.

На этот раз Рой промолчал, позволяя сержанту высказаться первым.

– Я бы не отказался от чашечки чаю. Благодарю.

– А мне кофе, пожалуйста, – кивнул Грейс. – Однако я беспокоюсь, не лишит ли нас ваше пребывание в кухне следов и улик?

Супруги виновато переглянулись.

– Понимаете… мы уже там были, готовили завтрак – хотя аппетита у нас и не было… Нам казалось, день будет нелегким, – ответил ему Крафти.

Стокер посмотрел на часы:

– Криминалисты уже должны скоро быть здесь. Они возьмут у вас отпечатки пальцев, чтобы знать, с какими не стоит работать. Вы не возражаете?

– Разумеется, – закивала Кэролайн.

– И непременно у собаки, – ухмыльнулся ее муж.

– Украдено много? – спросил Грейс.

– Порядочно, если говорить об общей стоимости, – сдержанно ответил Крафти.

– Но самое главное, что эти вещи были нам дороги как память, – добавила его супруга. – Многие я получила в наследство от родителей. Подарки на свадьбу. Чашки, подаренные на крестины, кольца для салфеток. Простите, я никак не могу прийти в себя. Все произошло за последний час-полтора… – Она перевела взгляд на стену и нахмурилась. – Вот подонки!

Грейс посмотрел туда же и увидел прямоугольное пятно.

– Здесь были такие красивые антикварные часы из Франции.

– Принадлежали моему прапрадеду, – печально произнес Крафти Каннингхэм. – Черт возьми, что мы еще обнаружим?

– К сожалению, люди часто в течение нескольких недель продолжают обнаруживать пропажи, – констатировал Стокер. – Давайте присядем и начнем с самого начала.

Тони Ладжотти стоял у окна кабинета и смотрел, как белый микроавтобус «рено» появляется из-за угла и подъезжает к помещению конюшни, переделанному в гараж. Его гараж. Он владел восемью гаражами и складом за ними. Никто из посторонних не мог видеть, кто въезжает и кто выезжает отсюда. Он поставил чашку с кофе, прикурил сигарету, зажал ее в уголке губ, вышел и кивнул двум здоровенным парням.

– Вы опоздали, придурки! Что случилось? – обратился он к водителю Даю Левеллину – мужчине лет двадцати с небольшим, с щербатым усталым лицом и дурацкой прической, будто мать только что вывалила ему на голову кастрюлю спагетти. – Остановились, чтобы зайти, покрасить ноготки или что-то еще?

– Мы завтракали, – ответил Левеллин нараспев.

– Мы же рано встали, вот и захотели есть, – пояснил второй на пассажирском сиденье. Его звали Риз Хьюз. Оба были одеты в форму почтальонов.

Ладжотти распахнул дверь гаража номер 4 и махнул головой, чтобы они заезжали. Затем, включив свет, он запер дверь за машиной.

Помещение было просторным, рассчитанным на восемь машин, но внутренние перегородки отсутствовали. Рядом стояли еще два микроавтобуса. Также здесь имелось приспособление для изготовления номерных знаков для машин, несколько старых торговых автоматов и поставленные в ряд верстаки и столы, отчего помещение было похоже на деревенский клуб.

– Итак, что вы, парни, мне привезли? – Сигарета превратилась в короткий окурок с трубочкой пепла длиной в дюйм.

– Не нравится мне твой тон, – сказал тот, кто был крупнее, с легким упреком и стал выбираться из машины.

– Да? А я не люблю, когда меня заставляют ждать. Что привезли? – Обойдя микроавтобус, он открыл дверцы и увидел два мешка с пломбами Главного почтового управления.

– Взяли тот дом на Дайк-Роуд-авеню.

– Вот как? Проблемы были?

– Нет. Сигнализации там нет, как ты и говорил. Собака не лаяла, как ты и предупреждал.

– Я всегда подготовительную работу делаю хорошо, – ухмыльнулся Ладжотти. – Есть что-то стоящее?

Дай вытащил один мешок; звякнув содержимым, он опустился на землю. Тони вытащил из кармана резиновые перчатки и поспешно надел. Заглянув внутрь, он достал лежащую сверху серебряную вазу для фруктов и вертел в руках, пока не разглядел пробу.

– Недурно, – заключил он. – Совсем недурно.

– Взяли грузинское серебро – нашли по фотографиям от страховой компании, которые ты дал. На стене еще висели красивые часы, в списке их не было, но мы решили прихватить.

– Что еще взяли не из списка?

Парни переглянулись и замотали головой.

– Я не хочу потом узнать, что вы скрыли от меня часть, это понятно? Говорите, что прикарманили? Когда люди пытаются сбыть что-то сами, случаются проблемы. Так обычно дураков и ловят. Ясно вам, о чем я говорю?

Дай Левеллин ткнул пальцем в два мешка:

– Все, что взяли, здесь.

Ладжотти достал все предметы по очереди и аккуратно поставил на верстаки. Затем он сверился со списком страховой компании и переписал все номера в блокнот.

Закончив, он сказал:

– Хорошо. По моим подсчетам, здесь добра на сорок пять тысяч фунтов – это рыночная стоимость, я получу меньше. Мы ведь договорились о десяти процентах, верно?

Парни закивали.

– Ладно, пошли в кабинет, там рассчитаемся, и я дам вам еще адрес. Думаю, будет хороший улов.

Глаза парней жадно вспыхнули.

Каннингхэмы провели полицейских по комнатам, из которых пропали вещи, и перечислил все предметы. Поскольку супруги постоянно спорили и перебивали друг друга, прошло немало времени, прежде чем Рой Грейс и Билл Стокер составили полную опись.

Больше всего пострадала столовая. Кэролайн Каннингхэм указала на пустой сервант и украдкой вытерла слезы. Именно здесь было выставлено лучшее грузинское серебро, а ваза для фруктов, остававшаяся в семье в течение пяти поколений, украшала огромный овальный стол.

Вернувшись в оранжерею с очередной чашкой кофе, Рой Грейс просмотрел свои записи и попросил супругов еще раз подробно вспомнить все, что случилось сегодня утром. Крафти Каннингхэм сказал, что проснулся, когда услышал, что кто-то постанывает, и решил, что это его жена, которой приснился кошмар. Часы на тумбочке у кровати показывали половину пятого; потом он опять заснул. В 7:10 спустился вниз и обнаружил, что грабители проникли в дом, разбив окно в туалете, расположенное на дальней стене. Вернее, не разбив, а вырезав, и достаточно аккуратно, что означает: в дом им удалось проникнуть почти бесшумно. Ушли они через дверь в кухне, которую Крафти нашел незапертой. Рой Грейс оглядел красивый сад с бассейном и теннисным кортом за ним и произвел быстрые подсчеты.

Грабители проникли в дом до рассвета. Что ж, вполне логично сделать это, пока темно. Но почему в пять утра? Ведь есть риск, что возвращаться им придется при свете дня. Почему не сделать это раньше, глубокой ночью? Или это один случай из серии краж? Нет, тогда бы полиции уже было известно об остальных – сейчас 9:30 утра.

– Полагаю, вы не знаете, в какое время преступники покинули дом? – спросил он, переводя взгляд с мужа на жену.

Оба покачали головой.

– В какое время вам приносят газеты?

– Приблизительно без пятнадцати семь, – ответила Кэролайн.

– Не могли бы вы назвать агентство, занимающееся доставкой, тогда мы расспросили бы посыльного, возможно, он видел что-то странное. А в котором часу вам приносят корреспонденцию?

– Где-то в 7:30, – ответил Крафти Каннингхэм.

– Ясно, справимся на почте.

Затем сыщики тщательно проверили опись украденных ценностей и несколько раз спросили супругов, могли ли они что-то упустить из виду и есть ли им что добавить. Украдено было немало, действовали, похоже, профессионалы, которые хорошо знали, зачем идут.

Когда Каннингхэмы провожали их до двери, благодаря за работу, Крафти неожиданно сказал:

– О бог мой, мои марки! – Хлопнув рукой по лбу, он с ужасом огляделся.

– Марки, сэр? – Рой Грейс насторожился.

Кэролайн беспомощно посмотрела на мужа:

– Ты не проверил, милый?

– Нет… черт… я не проверил!

– Где они лежат на этой неделе?

Крафти смущенно нахмурился и поскреб подбородок.

– Муж коллекционирует марки, – пояснила миссис Каннингхэм. – Из-за них он стал параноиком. Двадцать пять лет назад коллекцию украли. Мы подозревали экономку, муж все хранил в определенном месте в кабинете, а воры не искали, сразу направились туда. Теперь Крафти меняет место хранения каждые несколько недель.

– Вы не пользуетесь сейфом, сэр? – спросил Грейс.

– Никогда им не доверял, – ответил тот. – У моих родителей был сейф, и его взломали. Я предпочитаю тайники.

– Я постоянно твержу ему, что это чертовски глупо, – вздохнула жена. – Но он не слушает.

– Какова стоимость вашей коллекции, мистер Каннингхэм?

– Около ста тысяч фунтов, – задумчиво произнес он, почесывая голову и растерянно оглядываясь. – Она… она была под ковром под столом в столовой. А потом я переложил ее… ах да, конечно! Я вспомнил!

Он поспешил в гараж, а остальные вереницей потянулись следом. Там обнаружился старенький «ровер», набор инструментов и две газонокосилки, одна из которых стояла на стопке джутовых ковриков. Крафти стащил газонокосилку и, с детским восторгом в глазах, поднял коврики.

– Ее нет, – разочарованно протянул он, запинаясь. – Ее нет!

Сыщики нахмурились.

– Вы хранили коллекцию стоимостью сто тысяч фунтов под старыми ковриками в гараже? – с нескрываемым удивлением просил Стокер.

– Она была хорошо упакована. И в гараже нет сырости.

– Просто ли определить, что это именно ваша коллекция, сэр? – поинтересовался Рой Грейс.

– Очень просто, если ее будут продавать целиком. Она посвящена одной теме – Британские колонии Викторианской эпохи. Некоторые марки очень редкие. Однако это будет непросто, если их станут продавать по одной или частями.

– Они застрахованы, сэр?

– Да.

– И компания не настаивала, чтобы их хранили в домашнем или банковском сейфе?

Мужчина покачал головой:

– Только в случае, когда в доме никого нет.

– У вас есть фотографии марок, мистер Каннингхэм? – продолжал задавать вопросы Рой Грейс.

– Да, разумеется. Я могу сделать вам копию того, что есть в страховой компании.

– Благодарю, сэр. Это нам очень поможет. Мы свяжемся с вами, если у нас еще появятся вопросы.

Позже, в машине, направляясь в участок, Рой Грейс сказал:

– Что-то здесь не так.

– С Каннингхэмами?

Грейс кивнул.

– Он хитрый, – сказал Стокер. – Изворотливый. – У меня мелькнуло какое-то подозрение, но я отвлекся.

Стокер похлопал себя кончиком пальца по носу:

– Сыщицкий нюх. Он будет развиваться по мере накопления опыта, старичок. Доверяй интуиции, она выведет тебя на верный путь. Нам давно о нем известно, но на него ничего нет и не было.

– Что известно?

– Он торговец.

– Марками?

Сержант покачал головой:

– Редчайшими предметами антиквариата. Но каждый раз, как мы собирались его прижать, он ускользал. Не зря его называют плутом. Я разговаривал кое с кем, и говорят, он замечен во многом, кроме убийства. Многие копы мечтали бы увидеть его за решеткой. – Стокер пожал плечами. – Похоже, этого уже не случится, верно? А сейчас он и вовсе жертва.

– Думаете, это не розыгрыш?

Сержант хмыкнул:

– Видел, как расстроена его благоверная? В доме все вверх дном. Вполне заслуженно, если хранить сто штук в гараже под старым ковриком, верно?

Грейс кивнул, опять прокручивая в голове последнюю сцену.

– Время мне кажется очень странным, сэр, – почему пять часов утра? Почему не раньше, ночью?

– Ночью полицейские проверяют все подозрительные машины. Если Каннингхэм говорит правду и грабители ворвались к ним в пять утра, то ушли в шесть часов, когда люди просыпаются и уже выходят из дома. На дорогах больше машин. Каждая не вызывает подозрений. Нет, это тупиковый путь. Давай подождем, что скажут эксперты. – Он взглянул на часы. – Они приедут туда через полчаса. А нам тем временем надо доложить пресс-атташе. Давай сам – это хорошая практика.

Вскоре после того, как минуло 12:30 дня, Тони Ладжотти вышел из кабинета, плотно закрыв за собой дверь, привычно сжимая губами новую сигарету, и двинулся на солнечный свет. Настроение его было таким же ярким, он предвкушал приятную встречу с друзьями за пинтой-другой пива и хорошим обедом.

Сегодня утром он уже договорился о покупке грузинского серебра, добытого прошлой ночью и по очень привлекательной для себя цене! С часами все оказалось сложнее, и он проклинал этих уродов, прихвативших их из дома, – цена копеечная, по сравнению с остальными аникварными предметами. Впрочем, он знал, кто их непременно купит, когда вернется с отдыха в Испании через неделю.

Тони расположился в просторном салоне «ягуара», завел двигатель и поехал к Олд-Шорхэм-Роуд. Вскоре он остановился на светофоре и стал ждать, когда он переключится,

разглядывая от нечего делать витрины расположенных слева магазинов; внезапно его взгляд выхватил заголовок на первой полосе газеты «Аргус» в киоске. Настроение мгновенно испортилось. И не случайно. Вряд ли речь идет о другом доме.

– Что? – невольно воскликнул он вслух. – Что? Что за…

«ИЗ ОСОБНЯКА ПОХИЩЕНА КОЛЛЕКЦИЯ МАРОК СТОИМОСТЬЮ 100 000 ФУНТОВ».

Он даже не обратил внимания, что на светофоре уже зажегся зеленый. Не отводя глаз от киоска, он еще несколько секунд сидел и смотрел. Затем резко открыл дверцу, выскочил из машины, жестом показал возмущенному водителю в машине за ним, что о нем думает, и бросился к киоску. Купив газету, он сразу развернул ее и впился глазами в статью, не слыша криков возмущенных людей на дороге, которым он перекрыл движение.

«Грабители ворвались в особняк на Дайк-Роуд-авеню рано утром и вынесли немало антикварных ценностей, в числе которых столовое грузинское серебро, на общую сумму около 50 000 фунтов, а также коллекцию марок, которая оценивается в 100 000 фунтов.

Владелец дома, бизнесмен из Брайтона, находящийся сейчас на пенсии, Дэннис Каннингхэм сообщил корреспонденту «Аргуса» сегодня утром следующее: «Они точно знали, зачем идут, их интересовало самое ценное – грузинское серебро и мои марки. Каковы мерзавцы! – добавил он с возмущением. – Они еще приготовили себе завтрак, пока мы с супругой спали наверху!»

Констебль главного полицейского управления Рой Грейс, занимающийся расследованием, заявил: «Мы проводим все необходимые следственные мероприятия и приложим все силы, чтобы задержать виновных и вернуть ценности, многие из которых дороги хозяевам как память».

Всех, кто заметил что-то подозрительное на Дайк-Роуд-авеню между 4 и 7 часами утра, просим связаться с констеблем Ройем Грейсом из отдела полиции Брайтона по телефону…»

Ладжотти выбежал из киоска, прыгнул в машину, быстро прикурил сигарету, чтобы немного успокоиться и унять охватившую его злость, и быстро унесся прочь, мгновенно забыв о планах на ланч.

– Подонки, – бубнил он. – Ничтожные тупые ублюдки. Решили урвать себе сто штук? Надуть меня? Что ж, вы еще об этом пожалеете.

Рой Грейс сидел за столом в полицейском участке на Джон-стрит, уставившись на нетронутый бутерброд и дымящуюся кружку с кофе перед собой. Он очень старался, сосредоточенно думал, желая во что бы то ни стало поразить сержанта Стокера своими навыками и качеством работы по этому делу. Однако больше всего он хотел произвести впечатление на свою любимую – Сэнди. На краю стола лежал сегодняшний номер «Аргуса»; он впервые видел свое имя в газете и был невероятно горд этим.

Рой с нетерпением ждал вечера, когда покажет ей газету.

Затем он написал в своем блокноте:

«Найти в архиве похожие случаи.

Подробно опросить соседей.

Зайти в агентство, доставляющее газеты.

Найти всех владельцев машин, которые были в то время на Дайк-Роуд-авеню, и узнать, что они видели.

В ближайшие недели проверить все антикварные салоны и магазины в Брайтоне.

Опросить коллекционеров марок и узнать, какие экземпляры им предлагали в последнее время».

Его размышления прервал телефонный звонок.

– Констебль Грейс, – ответил он.

– Я звоню по поводу ограбления на Дайк-Роуд-авеню сегодня утром, – произнес в трубке мужской голос с явным местным акцентом.

Воодушевленный, Рой взял ручку.

– Могу я узнать ваше имя и номер телефона, сэр?

– Не можете. Но у меня ценная информация. Сегодня ночью произойдет еще одно ограбление. Тонгдим-авеню, особняк называется «Гэлоп», номер 111.

Грейс хорошо знал родной город. Названное место было еще престижнее Дайк-Роуд-авеню.

– Как вы об этом узнали, сэр?

– Вам лучше мне поверить, ясно? Он подъедут к дому около пяти утра и уйдут в шесть часов. Будут в форме почтальонов. Они из Уэльса, из Кардиффа.

Рой ожидал подвоха и инстинктивно тянул время, находя все новые вопросы. Возможно, он думал, что звонивший потребует вознаграждения.

– Вы можете назвать имена, сэр?

– Дай Левеллин и Риз Хьюз.

Он быстро записал.

– Могу я поинтересоваться, с какой целью вы передаете мне эту информацию?

– Скажите им, что не надо было жадничать и хватать еще и марки.

Короткие гудки. Мужчина повесил трубку.

Грейс задумался, сердце подпрыгнуло от радости.

Если… если информация верная, у него есть реальный шанс блеснуть!

Будет лучше поймать преступников с поличным. Хотя, конечно, все это может быть ложью. Он позвонил оператору и попросил отследить звонок, а потом нашел и набрал номер полиции Кардиффа, чтобы поговорить с кем-нибудь из местного уголовного розыска. Дежурный оперативник ушел на ланч, но Грейсу пообещали, что он свяжется с ним, как только вернется.

Через несколько минут перезвонила девушка-оператор и сообщила, что звонили, как и ожидал Рой, из телефонной будки. Она так же дала ему адрес – оживленная улица недалеко от футбольного стадиона «Альбион» Брайтона и Хоува. Поблагодарив, Грейс поспешил набрать номер криминалиста, только закончившего работать в доме Каннингхэмов, и велел ехать прямо к будке и снять отпечатки, хотя и не очень верил, что звонивший мужчина настолько глуп, чтобы оставить хоть один.

Встав из-за стола, Грейс направился в небольшой кабинет Билла Стокера. Все стены в нем были увешаны снимками из прошлой жизни сержанта, когда он был профессиональным боксером.

– Скорее всего, это липа, – заключил Стокер, выслушав сообщение Роя.

– Он говорил очень серьезно.

– Давай подождем, что расскажут наши коллеги из Кардиффа об этих таффи.

Через час Грейсу перезвонил констебль Гарет Брангуин из полиции Южного Уэльса. Прежде чем перейти к делу, он поинтересовался, что Грейс любит больше, футбол или регби.

– Регби, – уверенно ответил тот. – Однозначно!

– Настоящий мужик! Значит, мы поладим! Теперь о двух наших залетных парнях.

Констебль быстро и четко выдал ему информацию.

– Дай Левеллин и Риз Хьюз нам хорошо известны. Они из одного района, и с ними на протяжении нескольких лет было немало хлопот. Специализируются, скажем так, на кражах со взломом. Оба судимы, освободились шесть месяцев назад.

Грейс поблагодарил коллегу и поспешил отсоединиться, чтобы скорее пересказать все, что узнал, Биллу Стокеру.

Вдоль Тонгдим-авеню стояли несколько машин, так что «воксолл» выглядел здесь вполне уместно. Решив не рисковать, Рой Грейс и его коллега констебль Джон Карлтон прибыли на место незадолго до полуночи, чтобы занять позицию.

Машину они оставили на противоположной стороне улицы в некотором отдалении от особняка «Гэлоп» под номером 111. На расстоянии в четверть мили от них, в неприметном фургоне находились еще полицейские. Вторая, также ничем не выделяющаяся машина с офицерами заняла место на улице с задней стороны дома. Таким образом, в особняк никто не мог войти или выйти из него незамеченным.

Наблюдение велось постоянно, ни в одном транспортном средстве люди не менялись, им также было запрещено его покидать. Даже по нужде. Для этого использовали пластиковые бутылки, которые были у каждого.

Самое важное для проведения операции решение было принято руководством – никто из обитателей особняка ничего не знал и не был предупрежден о готовящемся ограблении. Новость могла их шокировать, ужаснуть, сложно предугадать, как бы они повели себя в этом случае. Например, могли не лечь спать и оставить свет в доме включенным, что поставило бы под угрозу всю операцию. План был таков: взять преступников при попытке проникнуть в здание.

Грейс чертовски нервничал – от благополучного исхода зависело слишком многое. Получится ли у них арестовать злодеев, или восемь полицейских и сам Стокер впустую проведут восемь часов здесь, у особняка, вместо того чтобы спокойно спать в своих постелях? Ему придется краснеть перед всеми, если преступники не появятся и все, как прелестно выразился Стокер, накроется медным тазом.

Грейс очень переживал, что может в темноте чего-то не заметить. «Гэлоп» – самый большой особняк на улице – раньше всех погрузился во тьму. Он, как и дом Каннингхэмов, давно не ремонтировался, и сигнализации здесь тоже не было.

Как и ворот при въезде.

Его напарником сегодня был более опытный и очень разговорчивый коллега, мечтавший пройти все ступени сыскного дела и добраться до цели – отдела по расследованию убийств.

«Громкие убийства – лучшее дело для сыщика. Другой класс. Гуччи в нашем деле», – сказал он Рою после нескольких сигарет, которые они курили, прикрывая пальцами, чтобы огоньки не были видны с улицы, и пили при этом кофе, который уже почти остыл. По его словам, только раскрытое убийство позволит обратить на себя внимание начальства и получить продвижение по службе.

Однако время шло, и Грейса все больше волновала совсем не его карьера, а то, что преступники так и не появились. Его обманули? Он оказался так наивен, что поверил сумасшедшему? Но ведь люди, имена которых тот назвал, действительно были грабителями. Если это липовая информация, у того, кто ему звонил, будет масса неприятностей.

В начале шестого Карлтон широко зевнул.

– Когда, по-твоему, можно будет считать, что ночь закончилась?

Небо начинало светлеть, на нем появились серые и красноватые тени. Грейс тоже очень устал, от большого количества выпитого кофе его даже стало потрясывать. Он молча смотрел перед собой и жевал шоколадку «Кит-Кат», половину которой отдал Карлтону. Едва они проглотили по последнему кусочку, как впереди показались огни фар. Оба вытянулись и напряглись.

Мимо на небольшой скорости проехал белый микроавтобус, впереди сидели двое мужчин. Все стоящие у домов машины были современными и новее их «воксолла», который был из всех самым дешевым и неприметным. Неожиданно микроавтобус остановился. В такое время было странно увидеть его на этой улице.

Грейс взял рацию.

– Говорит Чарли Виктор, Танго 1 приближается к Танго 2.

Автобус покатил дальше. Сердце Роя упало. Однако машина развернулась и стала подъезжать к обочине меньше чем в ста ярдах от них. Два парня выбрались наружу. В свете фонарей можно было легко разглядеть, что они одеты в форму почтальонов, а в руках у них нечто похожее на мешки для писем. Украдкой оглядев пустую улицу, они перешли дорогу и поспешили по тротуару к дому.

– Начинаем, – произнес Грейс в рацию. – Танго 1 здесь. Чарли Виктор выходит. Вторая группа, вперед!

Грейс сделал знак напарнику подождать немного, достал из бардачка фонарик и, не включая его, тихо, как только мог, выбрался из машины и поспешил к дому. Подъездная дорога была покрыта гудроном, и шаги преступников, обутых в ботиночки с резиновыми подошвами, слышались отчетливо.

Когда впереди показался особняк, Грейс с Карлтоном остановились. Футах в двадцати маячили силуэты двух грабителей. Затем раздался звон стекла, сзади взревел двигатель. Грейс щелкнул фонариком, направляя луч прямо в лица преступников, и выкрикнул:

– Полиция, не двигаться!

И они бросились вперед.

– Черт! – завизжал один из грабителей, швырнул инструмент на землю и побежал.

Грейс взял правее и прибавил скорость, чтобы отрезать ему путь. Краем глаза он видел, что второй парень карабкается на забор с намерением перелезть к соседям, но Карлтон хватает его и тянет вниз. Грейс переключил внимание на удирающего парня. Посветив фонариком по сторонам, он увидел его растянувшимся на мокрой траве. Победа. Просияв от мысли о первом в карьере успехе, он внезапно рухнул вниз. Уровень земли теперь был выше его головы, и только через несколько секунд он понял почему. Вор-неудачник катился перед ним кубарем вниз по мягкому натяжному тенту, закрывающему бассейн. Вытянув руку, Грейс схватил его за лодыжку. Тот отчаянно пытался выбраться, отталкиваясь ногами. И ему это удалось. Рой съехал вниз, сжимая в руке кроссовку. В нос ударил запах хлорированной воды. Вскочив и оказавшись при этом в воде, Рой вытащил рацию.

Вытянув шею, он увидел, что валлиец уже достиг суши и бежит к забору. Выбравшись следом, забыв о фонаре, Грейс бросился в погоню. Внезапно грабитель остановился, будто натолкнувшись на препятствие, и, развернувшись, побежал в другую сторону. И попал в самый центр трех перекрестных лучей фонарей полицейских. Парень замер, а через несколько секунд уже лежал уткнувшись лицом в землю, а два офицера прижимали его сверху и застегивали наручники.

– Решил прогуляться ранним утречком? – спросил один полицейский.

– Так спешил, что даже не обулся толком, – добавил второй. – Может, и для нас есть письма?

Проигнорировав совет Стокера заехать домой и переодеться, Грейс вернулся со всеми в полицейский участок и первым делом направился в подвал, где располагались камеры для задержанных. Даю Левеллину и Ризу Хьюзу уже зачитали права, и они были помещены в разные камеры. Оба по-прежнему были в форме почтальонов и ожидали прибытия дежурного адвоката.

Грейс выглядел не лучше. Галстук съехал в сторону, одежда была мокрой. Он подошел к решетке и посмотрел на Левеллина:

– Тебе ничего не нужно?

Тот глянул на него исподлобья:

– Как вы узнали?

– Ты о чем?

– Ты знаешь о чем. Вы ведь нас ждали, так? Нас кто-то сдал.

Грейс вскинул бровь:

– Птичка напела. Просила передать, что не надо было жадничать и хватать марки. Тебе это о чем-то говорит?

– Марки? Какие еще марки? Нет у нас марок. Ты о тех, которые на конверты клеят?

– Да.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, но никаких марок мы не брали. Зачем они нам. Да и не понимаю я в них ничего.

– А о грузинском серебре вам с приятелем известно? – спросил Грейс.

Левеллин несколько мгновений молчал.

– Ну, может быть, – наконец произнес он. – А о марках нет.

– Кое-кто думает, что вы пожадничали и прихватили еще и марки.

– Ничего не понимаю. – Левеллин пожал плечами. – Кто это?

– Человек, который знает о вчерашнем и о сегодняшнем ограблении.

– Только одному известно, какой дом мы должны были брать.

Рой Грейс обратился в слух.

Последующие два часа заняли допросы обоих преступников. В конце они признались в ограблении, но категорически отрицали причастность к похищению коллекции. Уверяли, что понятия о ней не имели.

Около десяти утра, все еще в мокрой одежде, получив ордер на обыск, подписанный местным судьей, а также прихватив опись с фотографиями ценностей, Грейс в сопровождении заступивших на службу полицейских приехал в гаражи Вест-Саутвик, адрес которых был любезно предоставлен обозленными валлийцами.

Взломав дверь, они вошли и включили свет.

Перед ними было просторное помещение, рассчитанное на восемь автомобилей, но почти пустое, если не считать рядов столов и верстаков у стены. На одном из них Грейс заметил уродливые на его вкус антикварные часы.

Через пять минут появился Тони Ладжотти на своем «ягуаре». Из уголка рта, как всегда, свисала сигарета. Завидев полицейских, он вдавил тормоз в пол и резко включил заднюю передачу. Нажать на газ он не успел – выезд ему преградили выросшие словно из-под земли полицейские. Окурок выпал, но он не сразу спохватился. Лишь тогда, когда огонь прожег дыру в ширинке.

Отправляясь на задание вчера вечером, Рой Грейс и не подозревал, что день выдастся таким долгим. Было два часа ночи, он не спал уже вторые сутки. Держаться ему помогал адреналин в крови – и очень много кофеина. Пока все шло по плану, впрочем, следует признать, даже лучше. Трое уже за решеткой, и, если он мыслит верно, скоро будет четвертый. Грейс предполагал, что убедить сержанта Стокера будет непросто.

Рой заехал домой, чтобы принять душ и переодеться, проглотил порцию каши и зерновой тост, а еще тщательно продумал следующий шаг – обещавший стать опасным.

Если он просчитался, выставит себя в ужасном свете, не говоря уже о том, что откроет планы полиции раньше времени. И все же Рой был уверен, что не ошибся. Когда усталость немного отступила, он окончательно уверился, что прав. Однако быстрота действий в данном случае может иметь решающее значение.

То ли потому, что Билл Стокер был впечатлен результатами работы Грейса, то ли из желания уравновесить счет, он дал разрешение даже быстрее, чем ожидал Рой, но все же захотел прикрыть себе спину и получить одобрение инспектора. Тот же, в свою очередь, пожелал оповестить старшего суперинтендента, находившегося на важной встрече.

Наконец в начале шестого утра, уже на втором, а может, третьем или четвертом дыхании, Рой Грейс смог разложить все в голове по полочкам. Вместе с сержантом Стокером, который выглядел не менее усталым, чем чувствовал себя Рой, они направлялись к дому Каннигхэмов. В следовавшем за ними фургоне ехала полицейская группа. Обе машины остановились одна за другой на противоположной от особняка стороне, и люди вышли.

Рой Грейс и Стокер поднялись к входной двери.

Грейс держал в руке вторую подписанную судьей бумагу. Позвонив, они стали ждать. Через несколько минут им открыл знакомый пожилой джентльмен. Оглядев их, он нахмурился, увидев сопровождающих.

– Добрый день, офицер. Чему обязан? У вас для меня новости?

– У нас для вас одна хорошая новость и одна плохая, мистер Каннингхэм, – ответил Рой Грейс. – Хорошая заключается в том, что мы нашли ваши часы.

– И только? Больше ничего?

– Пока нет, сэр, но преступники арестованы, полагаю, обнаружение остальных предметов дело скорого времени.

– Что ж, это приятно. А плохая новость?

– У меня ордер на обыск в вашем доме, сэр.

Грейс протянул ему бумагу.

– В чем же причина?

– Думаю, вы и сами понимаете, сэр, – устало улыбнулся Грейс.

Как сразу заметил Рой Грейс, хорошо тренированная для обысков команда полицейских кое-что упустила. Марки найти оказалось довольно просто – они лежали под ящиком шампанского в шкафу под лестницей, который Каннингхэмы использовали для хранения вина.

Но обнаружились еще три вещи, которые могли окончательно решить судьбу Крафти. Первым был бланк заявления о выплате страхового возмещения, лежавший у него на столе. Он был отправлен по факсу только сегодня утром, но Крафти уже начал его заполнять, указывая все подробности пропавшей коллекции марок. Вторым была еще одна бумага –

предложение агенту в США продать ему марки. А третьим ответ агента, предлагавшего сумму больше ста тысяч фунтов, названных им плутом Крафти.

Вечером того же дня, несмотря на усталость, Рой Грейс отказался от идеи посидеть в баре с коллегами, а решил пригласить Сэнди на ужин, чтобы отметить с успехом проведенные в новой должности дни. Четверо арестованных!

– Нам повезло, – сказал он. – Если бы старший суперинтендент не был занят, мы бы пришли раньше и, возможно, не увидели бы заявление. И Крафти мог бы еще не отправить тот чертов факс и не получить ответ. – Он достал сложенную страничку из «Аргуса» и протянул Сэнди.

Она пробежала ее глазами и улыбнулась.

– Я очень тобой горжусь. – Она подняла бокал с вином, коснулась со звоном края его бокала и снова широко улыбнулась, на этот раз глядя на Роя задумчиво. – А теперь не хочешь спросить, как прошел мой день?

Очень сексуальная месть

Он увидел ее, когда еще шел по проходу переполненного самолета и катил за собой чемодан, который то и дело бился о ноги пассажиров. Она была прекрасна: красивая, стройная, с удлиненной, элегантной стрижкой и шикарно одетая. И она заняла его место.

Она тоже его заметила, окинула взглядом, явно надеясь, что этот растрепанный, не совсем трезвый мужик в мятом светлом костюме не сядет где-то рядом, и опять погрузилась в чтение детектива. Алкогольные пары долетели до нее раньше, чем его слова.

– Простите, но вы сидите на моем месте!

Она достала талон, стараясь не смотреть в лицо мужчины.

– 14А, – произнесла она и уткнулась в книгу.

Он принялся искать свой посадочный.

– О, прошу простить! – послышалось через несколько секунд. – У меня 14Б, рядом с вами!

Он открыл крышку верхней полки и сразу увидел большой пакет.

– Это ваш?

Женщина кивнула, не отрываясь от книги.

– Постараюсь не помять. – Мужчина вытащил его, положил свой чемодан, а сверху пристроил ее пакет, почти невесомый. Сбоку он заметил надпись *«Агент Провокатор»*.

– Сексуальное белье, правда? – усмехнулся он, втискивая свое тело между подлокотниками соседнего кресла. От нее исходил аромат отличных духов, от него пахло виски и въевшимся табачным дымом.

– Вы могли бы сесть в кресло у прохода, так нам обоим было бы удобнее, – сказала она.

– Не-а, здесь уютнее! – Он подмигнул ей. – Хорошая книга?

Она чуть не выпалила: «Да, она об одном пьяном придурке из самолета», но сдержалась и мило ему улыбнулась:

– Сообщу вам, как только дочитаю.

– Я Дон. Был в Манчестере на выставке – удачно загнал комплектующие и запчасти для самолета. Не волнуйтесь, на этом нет ничего из моих – мы не разобьемся, ха-ха-ха!

– Прекрасно. – Она поднесла книгу ближе к лицу.

Мужчина поднял руку и ткнул пальцем вверх:

– Наденете это сексуальное белье для своего друга?

За короткий перелет он заказал три коктейля «Кровавая Мэри» – вернее, четыре, поскольку один пролил на себя. Когда самолет стал снижаться, он громко прошептал:

– Вы так и не назвали свое имя.

– Роксана, – ответила она, стараясь быть вежливой, и уставилась в уже прочитанную страницу, ожидая следующего вопроса.

– Прекрасно! – воскликнул он. – Мне нравится ваше имя. Знаете, что я скажу вам, Роксана, – он понизил голос, – может, нам с вами встретиться где-то в Лондоне – вы меня понимаете? Пара коктейлей, приятный ужин?

Она взглянула на его руку с обручальным кольцом:

– И ваша жена к нам присоединится.

– Не-а, между нами все кончено. Все очень сложно. Она меня не понимает.

Когда выключился двигатель, мужчина неуверенно поднялся и достал с полки ее небольшой чемодан и пакет. Затем протянул ей визитку.

– Был бы рад встретить вас снова, – произнес он. – Хорошо было бы увидеть на вас то, что сейчас в пакете, вы меня понимаете? Мы могли бы неплохо провести время.

– Не волнуйтесь, я и так хорошо проведу время.

Он попятился, останавливая пассажиров, чтобы она могла выйти, но она настояла, чтобы он прошел первым.

– Надеюсь, мы скоро встретимся, – запинаясь, сказал он. «Никогда, если я замечу тебя первой», – подумала она.

Дети спали, и Сьюзи накрыла ужин со свечами к его приезду, как делала всегда. Он подхватил ее на руки и нежно поцеловал.

– Расскажи, как твоя поездка? Как прошла выставка? – спросила она, отрываясь от салата с авокадо и креветками. – Расскажи о гостинице – тебе понравилось? И почему ты не остался еще на пару дней? – Она посмотрела, как он отрезает кусочек бифштекса.

Опустошив бутылку, он, пошатываясь, поднялся наверх и разделся, как обычно разбросав одежду. Сьюзи подняла пиджак и посмотрела на пятно от томатного сока.

– Завтра первым делом надо отвезти это в химчистку.

– У-у-у, – пробурчал он сонным голосом.

Проверяя карманы, она достала из правого листок и развернула. Это был чек на трусики «Фифи» и бюстгальтер «Фифи» из черного шелка от фирмы «Агент Провокатор».

На обратной стороне было написано:

«Дон, спасибо тебе! Путешествие, как всегда, было чудесным. Благодаря тебе я стала членом клуба любителей секса на высоте. Даже не представляла, что в туалете самолета так здорово этим заниматься! Целую сто раз, *Рокси*».

Стук в дверь

– Кто приходил?

– Какие-то люди с катафалком.

– Но ведь у нас никто не умер.

– Они сказали, что могут подождать.

Каникулы мечты

На этот рассказ меня вдохновила история, основанная на реальных событиях, которая легла в основу моего романа «В плену снов».

Собираясь в путешествие, Энни больше всего любила думать о том, что наденет вечером. Она всегда питала слабость к дорогой дизайнерской обуви, к тому же, по ее мнению, если вы купили новые туфли, непременно надо подобрать и сумку. К большому огорчению мужа, Энни постоянно тратила все деньги на карте из-за страсти к новым нарядам; она начинала спорить с ним, утверждая, что потратила свои деньги, и ему приходилось соглашаться. Откровенно говоря, Найджел сам всегда гордился тем, как замечательно выглядит жена. Однажды он признался ей, смущенно улыбаясь, что испытывает тайное удовольствие, когда видит, с какой завистью смотрят на нее мужчины.

Предстоящая поездка была особенной еще и потому, что они впервые отправлялись отдыхать без детей. Спасибо старшим родителям – так Найджел называл тестя и тещу! Они были еще совсем не старыми и с радостью ждали возможности какое-то время побыть с четырехлетней Хлоей и Заком, который преодолевал ужасный двухлетний возраст. Временами Зак превращался из маленького ангела в демона из фильмов ужасов, устраивающего истерики и разбрасывающего еду по всей комнате. Конечно, она будет скучать по детям, но возможность провести неделю вдали от Зака казалась невероятно привлекательной. К счастью, малыш любил ясли, где проводил часть дня, и она была благодарна ему за передышку. Это позволяло продолжать работать парикмахером трижды в неделю, не беспокоясь о ребенке, и оплачивать роскошные наряды.

Они отправлялись на отдых в Альпы, в Монтрё, красивый городок на берегу озера, откуда открывался сказочный вид на Женевское озеро – Лак-Лема, как любил называть его Найджел на французский манер. Отель располагался в удивительном здании, построенном в Прекрасную эпоху, и когда-то был дворцом, теперь же здесь собирались отдыхающие и пили коктейль на террасе. А потом ужинали в величественной столовой, где столы накрыты льняными скатертями, на которых сверкают хрустальные бокалы, и где бесшумно двигаются официанты в черных смокингах и белых перчатках. Отдых обещал быть волшебным.

Именно там, после восхитительного ужина Найджел сделал ей предложение. Ему потребовалось два года, чтобы решиться, хотя, как он потом признался, знал, что женится на ней, как только впервые увидел.

Найджел был аналитиком в фирме, ведущей операции с фондовыми ценностями, и работал в Сити. Он был совершенно не способен действовать спонтанно. Как аналитик, привык все и всегда тщательно проверять, но она никогда не упрекала его. Порой это сводило ее с ума. Он мог несколько часов провести у компьютера, изучая меню и карту вин ресторанов, прежде чем выбрать, куда они отправятся на ужин. Неудивительно, что он уже распланировал каждую минуту их отпуска. Возможно, и каждую секунду. Их недавняя покупка новой машины превратилась в кошмарную одиссею, бессчетное количество часов, посвященных изучению в Интернете предложений салонов и сайтов, просмотр вариантов, гарантирующих безопасность их драгоценных детей, и все это Найджел скрупулезно заносил в специальную таблицу. Они остановились на вместительном внедорожнике «вольво», который набрал больше всего галочек по всем параметрам, но потом долго спорили из-за цвета. Найджел неожиданно предложил белый, и Энни растерялась. Она заявила, что белый, согласно данным из женских журналов, выбирают люди, не сумевшие определиться с цветом! Она хотела черную или серебристую, может быть, темно-синюю машину.

– Но, милая, – настаивал муж, демонстрируя ей распечатку, – прочитай вот это. – По статистике, белый и желтый цвета самые безопасные. Машины такого цвета лучше с точки зрения пассивной безопасности. Но мы ведь не хотим желтую, верно?

Найджел был склонен в любой ситуации настоять на своем, поэтому всегда располагал статистическими данными. К тому же она знала, что он желает лучшего для своей семьи. Они купили белую машину. Однако он все же не учел одну деталь, и Энни нещадно и язвительно шутила по этому поводу в первые дни – машина не помещалась в гараж их дома недалеко от Хоув-парка.

Вернее, не совсем так. Въехать в гараж было можно, а вот двери открыть нет. Таким образом, единственным выходом оставался люк в крыше – на чем она и настаивала. Автомобиль дал ей повод постоянно высмеивать Найджела. Нещадно.

Огромный, как белый слон, автомобиль стоял на дорожке у дома. Энни не могла не признать, что он очень удобный, внутри она чувствовала себя в полной безопасности, как в танке.

Сегодня вечер воскресенья. Откидываясь на спинку кровати, Энни просматривала страничку о моде в «Санди таймс» и думала, что ровно через неделю будет нежиться в огромной постели в номере отеля в Швейцарии под воздушными пуховыми одеялами. Настоящий рай! Она не могла дождаться этого дня, была слишком занята тем, что мысленно составляла список вещей, которые непременно надо взять с собой, и это мешало ей одновременно читать.

Она поцеловала Найджела, выключила свет и прижалась щекой к подушке. В голове крутилось: «…походные ботинки, шорты, лосьон для загара, солнцезащитное средство для носа, головные уборы…»

Единственным недостатком путешествия был сам перелет. Она никогда не любила самолеты и не изменила своего мнения даже после того, как Найджел предоставил ей статистические выкладки, демонстрирующие, что место в современном пассажирском лайнере самое безопасное в мире – даже безопаснее собственной постели. Ничто не могло ее убедить.

«…электронные книги, купальные костюмы, крем от комаров, аптечка…»

Над ухом раздавалось привычное шуршание. В воскресенье вечером Найджел никогда не засыпал, не прочитав все финансовые новости в каждой получаемой ими газете. Все годы их брака она погружалась в сон в воскресенье под одни и те же звуки: хруст, хруст, хруст. Затем шлепок – газета приземлилась на пол рядом с кроватью со стороны мужа. Хруст, хруст, хруст.

Затем она услышала другой звук. Очень странный. Повторяющиеся глухие удары, словно пульсирующие. Сначала вдалеке, потом все ближе. Звук приближался и становился отчетливее.

Она ощутила охвативший ее вихрь холодного воздуха, перед глазами вращались лопасти винта. Энни закричала и открыла глаза. Поспешно включив свет, она стала глотать ртом воздух.

Крепко спящий Найджел заворочался и пробормотал:

– Шослучилось?

Будильник на тумбочке показывал 3:15 ночи.

– Все в порядке, – успокоила она, расстроенная, что разбудила мужа. В будние дни он вставал рано, и ему необходимо хорошо выспаться, особенно в воскресенье, перед началом недели – последней перед отпуском, которая, по обыкновению, была для него очень сложной.

– Прости, дурной сон.

Несколько минут она лежала, не в силах заставить себя выключить свет. Была тихая ночь в начале июня, из сада доносился тихий скрежет и шуршание – должно быть, кошка или

лисица роется в мусорном баке. Постепенно дыхание восстановилось. Она выключила свет и вскоре уже спала.

Следующей ночью ей опять приснился кошмар. Тот же самый. Только на этот раз пропеллер был больше и еще ближе. Ее крик опять разбудил Найджела и на этот раз Зака; к счастью, сына удалось быстро успокоить; как оказалось, он расстроился, что его любимый мишка упал на пол. Вскоре малыш спокойно спал, засунув в рот мягкую плюшевую лапу.

Во вторник сон повторился. На этот раз лопасти винта были еще ближе. Включив свет, она повернулась к Найджелу:

– Уже третью ночь подряд. Мне кажется, я должна что-то понять из этого сна.

– Что ты хочешь сказать? Что понять? – Он выглядел более чем недовольным и нервно взглянул на часы. – Черт, четыре утра.

– Думаю, это знамение. Нам не нужно лететь.

– О, бога ради, Энни, все это из-за того, что ты боишься летать! Каждый раз перед полетом ты видишь кошмары.

– Но не такие, как этот.

– Лучше давай спать.

– Да, лучше давай спать.

В среду вечером она долго боялась выключить свет, однако спала крепко и проснулась свежая и в хорошем настроении. Даже Зак, ради разнообразия, прибывал в позитивном состоянии духа; радостно улыбаясь, он катил по полу огромный экскаватор, сопровождая действия звуковыми эффектами.

Передав детей на руки заботливым работникам детского сада и яслей, Энни занялась первым клиентом – Самантой Харди, женой коллеги Найджела, живущей по соседству, – и была рада поболтать о предстоящем отдыхе. Саманта посоветовала ей посетить чудесный ресторан в пригороде Женевы, который понравился им с мужем, и обещала вечером отправить название, которое никак не могла вспомнить.

В четверг ночью Энни приснилось, что она находится в облаке. Холодная серая паутина касалась ее лица, ледяной воздух проникал все глубже в тело, спутал светлые волосы, превратив в тяжелый шлейф. Издалека доносилось БАМ, БАМ, БАМ, БАМ. Громче и громче. Рев двигателя стал оглушительным.

Она металась из стороны в сторону, стараясь сохранить равновесие, и кричала. Огромный пропеллер был прямо у нее перед глазами, лопасти бешено вращались, вращались и вращались, надвигаясь на нее, словно хотели разрезать на части.

– Дорогая! Энни! Энни! Милая! Энни! Энни!

Темноту прорезал взволнованный голос Найджела.

Опять темнота.

Затем вспыхнул свет.

Мягкий и очень яркий. Она несколько раз моргнула.

Она лежала в кровати, а Найджел с тревогой смотрел на нее.

– Энни, милая, дорогая моя, все хорошо. Успокойся. Это всего лишь дурной сон. Все хорошо.

В комнате через лестничную площадку громко орал Зак.

Энни трясло, сердце ухало в груди, в ушах стоял рев бегущей по венам крови. Только сейчас она поняла, что сильно вспотела. Одежда была мокрой насквозь.

Пот стекал по лицу и смешивался со слезами.

– Прости меня, – бормотала она, всхлипывая. – Прости, Найджел. Но я не смогу сесть в самолет в воскресенье. Пусть это безопасно и ничего не случится, но я всю неделю буду думать об обратном перелете. Я не могу, пойми. Мне опять приснился тот же сон. Мне что-то хотят сказать.

Муж выбрался из постели, вышел из комнаты и повел себя совершенно нетипично – потеряв терпение, прокричал, чтобы Зак заткнулся. Разумеется, от этого ребенок заголосил еще громче. Энни вошла в комнату сына, поняла, что недовольство Зака вызвал упавший на пол медведь, подняла его и положила на кроватку. Через несколько секунд наступила тишина. Энни стояла, смотрела на малыша и думала, как сильна и глубока ее любовь к Заку и Хлое. Если с ней что-то случится – с ней и Найджелом, – она может никогда не увидеть детей. Они останутся сиротами. Одна эта мысль была невыносима.

– Энни, у современных лайнеров нет пропеллера, они все турбовинтовые, – успокаивал ее Найджел. – По крайней мере, в коммерческой авиации. Пропеллеров нет уже много лет, их сменили реактивные двигатели.

– Я много читала о сновидениях, – парировала она. – И многое понимаю. В наших снах мы видим символы. Пропеллер – это символ. Кстати, как насчет птиц? Мы часто читали о том, что птицы попадают в двигатель. Одному самолету пришлось сесть на Гудзоне в Нью-Йорке после столкновения с птицей. Помнишь? Несколько лет назад?

– Да. В общих чертах.

– Птицу засосало в турбину и повредило лопасти – кажется, что-то в этом роде. Так что и у реактивных самолетов есть своего рода пропеллеры.

Вернувшись в спальню, она произнесла:

– Прости меня, но надо отменить поездку – или поезжай один.

– Энни, это же смешно! Без тебя я не поеду! – Он сел на край кровати и задумался на несколько мгновений. – А ты не видела сны, связанные с аварией на железной дороге? Или с автомобилем?

Она покачала головой и скинула мокрую ночную сорочку.

– Тогда можем поехать на машине. Возьмем с собой белого слона. Было бы неплохо, могли бы ехать с открытым люком.

– У нас ведь всего неделя. Поездка на машине займет целый день в один конец.

– Мы можем выехать рано утром в субботу, воспользуемся тоннелем под Ла-Маншем и будем к вечеру на месте. Если я прав, это часов семь-восемь пути.

– Тогда, наверное, мы пропустим ужин в субботу, и выехать придется на день раньше, значит, и в пятницу тоже.

– Тогда давай встанем очень-очень рано.

– Мы ведь едем отдыхать, а не в лагерь на военные сборы. – Она надела сорочку и посмотрела на мужа. – Прости меня. А что с поездами?

– Прежде чем забронировать билет на самолет, я просмотрел и этот вариант.

«Разумеется, просмотрел», – подумала Энни.

– Время отправления неподходящее.

– Ясно.

– Ты уверена, что ничего не имеешь против поездки на машине?

– Нет.

Они выехали из дома в три часа ночи, с легкостью успели на поезд через Ла-Манш, отходивший в 5:15 утра, и, учитывая разницу во времени в час, были на трассе, ведущей в Кале, в семь часов утра по французскому времени. Навигатор, который Найджел – верный своим привычкам Найджел – установил еще вчера вечером, сообщил, что конечной цели их пути, Монтрё, они достигнут в 3:55 дня.

Поскольку им несколько раз приходилось делать санитарные остановки, а также чтобы перекусить и поменяться местами, в отель они прибыли в самом начале шестого, когда чудесный день заканчивался и приближался замечательный вечер. Последние полчаса пути дорога шла по берегу озера. Они открыли люк, и Энни, несмотря на усталость, почувствовала себя по-настоящему счастливой. Она с облегчением думала о том, что они приняли правильное решение. И у них еще есть время распаковать вещи, отдохнуть и выпить перед ужином коктейль на террасе. Она уже выбрала, что наденет к ужину. Синие замшевые туфли «Маноло Бланик», к которым у нее есть совершенно потрясающая и очень подходящая сумка, а также платье А-образного силуэта от Стеллы Маккартни длиной на пару дюймов выше колена. Сегодня можно похулиганить и позволить себе выставить напоказ лучшую часть тела, впрочем, она считала, что для женщины, находящейся на пороге тридцатилетия, имеющей двоих отпрысков, все остальное тоже смотрится вполне достойно. Грудь упругая, живот плоский. Пока все в порядке…

Из любопытства Найджел вышел в Интернет и проверил статус рейса компании «Изиджет», на котором они должны были лететь. Он приземлился на десять минут раньше графика, вскоре после полудня. Разумеется, Найджел поспешил сообщить об этом Энни.

– Я уже говорила тебе, милый, – ответила та. – Если бы мы даже спокойно приземлились, весь отдых я бы думала об обратном перелете домой. Мы все сделали правильно.

Найдежел сказал, что, раз она считает их решение правильным, значит, так и есть.

Два последующих дня они провели в блаженстве. Поездка на машине утомила обоих, поэтому большую часть воскресенья они отдыхали в шезлонгах у бассейна за зданием отеля и читали. В понедельник отправились в поход в горы, а днем у Энни был массаж. На третий день, во вторник, согласно расписанию в личном органайзере Найджела им предстояла прогулка на лодке с ланчем. Отъезд в одиннадцать утра, возвращение в четыре дня.

– Погода могла быть и получше, все же мы проведем полдня на воде, – произнес Найджел, натягивая на лысеющую голову кепку «Дайк-гольф-клуб». Он откинул швартовые коричневого лакированного клинкера, который они взяли в аренду. На лодке был мотор, но Найджел предпочел грести веслами; объясняя причину, он похлопал себя по животу. Энни заметила, что он стал значительно более выраженным за последние несколько лет, хотя Найджел еще очень далек от того, чтобы его можно было назвать толстым.

– Дал себе слово, что избавлюсь от этого к концу недели, – добавил он.

– Скажи, когда устанешь, я тебя сменю, – улыбнулась Энни.

– Не раньше, чем мы доберемся до Франции и будем возвращаться! – усмехнулся Найджел и кивком указал на красивейшие вершины Альп вдали. Некоторые из пиков горного хребта еще были покрыты снегом, но сегодня плохая видимость не позволяла их разглядеть.

– Далеко нам ехать? – поинтересовалась она.

– Около четырнадцати километров – девять миль.

– Ого, прилично!

– Спорим, доберемся за пару часов? Попробуем? На обратном пути заведем мотор.

– Если мы вернемся позже четырех часов, с нас возьмут дополнительную плату?

– Дальше оплата почасовая, но суммы не запредельные.

– Тогда вперед? Поднимем бокалы за удачу, сэр Фрэнсис?

Солнце припекало, пробиваясь между перистыми облаками, дул освежающий ветер. Энни с удовольствием наблюдала за тем, как Найджел, одетый в розовые шорты и белую тенниску, ловко работает веслами, поддерживая хорошую скорость. Она с наслаждением вдыхала запах лака, мокрой веревки и воды озера. Впереди показался большой паром, наперерез им несся прогулочный катер.

Пискнул ее телефон, извещая о новом сообщении. Она достала аппарат из сумки, взглянула на экран и произнесла:

– От мамочки. – Она открыла сообщение и прочитала: «Здесь все в порядке. Зак настоящий ангел. Сегодня были с детьми в парке Друзиллы. Надеюсь, вы хорошо проводите время!»

Энни отправила ответ, сообщив, что отдыхают они действительно замечательно. Отложив телефон, посмотрела на мужа:

– Представляешь, Зак настоящий ангел?

– Что ж, респект твоим родителям!

Через час они преодолели уже значительное расстояние, и Французские Альпы стали ближе и выше, но все же берег был еще очень далеко. Найджел снял футболку и осторожно, чтобы не раскачать лодку, подошел к Энни, попросил намазать ему спину и грудь солнцезащитным средством.

– Если хочешь, я могу тебя сменить? – предложила она.

Он был потный, но выглядел довольным и вполне бодрым.

– Нет, спасибо, я не устал. – Он сел и, прежде чем взять в руки весла, провел ладонью по валику, на который был похож его живот. – Он уже стал меньше?

– Совершенно точно, милый!

Внезапно Энни ощутила мощное дуновение холодного воздуха; это продлилось лишь несколько мгновений, и она решила, что ей почудилось. Однако по хмурому выражению лица Найджела стало ясно, что ей не показалось. Вихрь исчез так же внезапно, как и появился. Вчера вечером они разговорились с парой, сидящей за соседним столиком на террасе, которая каждый год приезжала в Монтрё на отдых, и те предупредили их с Найджелом, что на озере стоит быть осторожнее. Там есть места с очень сильными подводными течениями, порой неожиданно налетают вихри и туман опускается внезапно и очень быстро. Разумеется, Найджел справился утром у консьержа, каков прогноз погоды. День обещал быть прекрасным как на озере, так и на берегу. Никакого тумана. Отличный день для прогулки на лодке!

Но почти внезапно вода подернулась зыбью, волн не было, но назвать озеро спокойным было нельзя. Энни обратила на это внимание Найджела.

– Это оттого, что воздушный поток идет со стороны Монтрё, с подветренного берега, поэтому по мере удаления от него волны будут усиливаться.

Энни увидела волну, поднятую прошедшим мимо крупным судном, она ударилась о борт лодки, и брызги полетели на спину Найджела и ей в лицо. Это было приятно и немного освежало, но в то же время вызвало внезапный приступ страха.

Они были очень далеко от берега и на очень маленькой лодочке. Энни повернулась и посмотрела на Монтрё. Город был плохо виден, ей даже не удалось разглядеть здание их отеля.

– Может, нам лучше не уходить дальше? – спросила она.

Найджел посмотрел на часы:

– Двенадцать тридцать. Хм, а путь занял больше времени, чем я предполагал. – Он взглянул через плечо на французский берег. – Думаю, чтобы добраться туда, нужен еще по крайней мере час.

– А не больше, милый? – с сомнением произнесла Энни.

– Мы могли бы проплыть немного вдоль берега и примерно через полчаса сделать остановку на ланч. Как тебе мое предложение?

Она согласно кивнула:

– Хорошо. Но лучше повернуть обратно и остановиться ближе к берегу. Приятнее есть, когда лодку не раскачивает, правда? – Вскрикнув, она схватилась рукой за планширь вдоль борта, испуганная тем, как сильно качнуло лодку волной, поднятой пронесшимся мимо скоростным катером. Дальнейшие уговоры не потребовались, и Найджел развернул лодку. Она опять предложила занять его место, но он ответил, что совсем не устал, но, если хочет, она может грести после ланча. Однако сейчас он выглядел уже не таким счастливым, как утром, в начале прогулки, да и воды озера странным образом стали мрачными и темными. Они взяли курс на берег, но поверхность, вопреки ожиданиям, все больше рябила. Над головой скучились облака. Энни подошла и достала из корзины для пикника, подготовленной для них в отеле, бутылку с водой. Сделав несколько глотков, она протянула ее Найджелу.

Он помотал головой:

– Подожду остановки. Спасибо, милая.

Минут через десять Энни успокоилась. Ей показалось, что и поверхность озера стала почти гладкой. Ровно в час дня Найджел опустил весла.

– Поедим?

– Отличная идея. Я такая голодная!

Несколько минут, опустившись на колени, она копалась в корзине, затем достала пиво, открыла и протянула Найджелу. Очистив два сваренных вкрутую яйца, аккуратно намазала масло на две булочки. Так же она нашла столовые приборы и тарелки, завернутые в льняные салфетки, бокалы и бутылку местного белого вина «Доул» в сумке-холодильнике. В одном контейнере обнаружился паштет, во втором ветчина и салат из томатов в третьем, а также сыр, фрукты и две маленькие шоколадки «Линд».

– Думаю, с голоду мы не умрем! – сказала Энни и принялась готовить тарелку для мужа. К ее удивлению, он ничего ей не ответил. Подняв глаза, она сразу поняла причину. На озеро опускался туман, отчего пейзаж стал казаться призрачным. Энни покрутила головой – туман был везде, зыбкий, полупрозрачный, еще не набравший плотность. Все же ей с трудом удалось разглядеть берег и очертания Монтрё.

– Но ведь прогноз был благоприятным, Найджел. Верно?

– Так сказал консьерж, и в Интернете я прочитал то же самое. Может, это временная полуденная дымка?

– Такое марево бывает на море.

– Но мы на озере, а не на море, дорогая.

– Помнишь, та пара вчера предупреждала, что здесь часто случается подобное? Может быть, нам лучше скорее плыть обратно, пока различим берег? Как ты думаешь?

Он ткнул яйцо в кучку соли, а потом и перца на тарелке и принялся медленно жевать.

– Думаю, это мудрое решение. Будет лучше завести двигатель, кстати, возможно, у самого берега и нет тумана.

– Я сложу еду в корзину.

Найджел встал с места, и лодку резко качнуло. Он стал пробираться к корме. С каждой секундой туман становился все плотнее. Температура упала, казалось, на целых двадцать градусов. Мгновенно. Теперь Энни ничего не видела – вокруг была лишь белая дымка; у нее закружилась голова от мысли, что сориентироваться в пространстве уже невозможно. Она видела только Найджела, и то смутно, а он был всего в десяти футах от нее. А берег совсем не виден. Ни с какой стороны.

– Мне это не нравится, – пробормотала Энни.

Температура продолжала падать. Внезапно издалека донеслось: бам, бам, бам, бам.

Звук приближался с каждой секундой.

Бам, бам, бам.

Вокруг нее закружил вихрь ледяного воздуха.

Гул мощного двигателя оглушил ее, затем послышался ритмичный всплеск воды.

– Найджел! – что есть сил закричала она. – Найджел, умоляю, скорее заводи двигатель.

– Я пытаюсь, только вот не пойму, в каком положении должна быть эта красная кнопка.

Теперь Энни отчетливо слышала «тук, тук, тук» – Найджел дергал за шнур, но мотор не заводился. Он попытался снова.

Звук «бам, бам, бам» неумолимо приближался, громкий и устрашающий. Рев мотора заполнял все вокруг.

Ледяной воздух сковывал движения. Лодка дико раскачивалась из стороны в сторону; Энни мешали волосы, намокшие и прилипшие к лицу. Воды за бортом рвалась вверх и пузырилась, словно из глубин на поверхность поднималось чудовище. Внезапно тень размером с высотный дом выплыла из тумана.

– НАЙДЖЕЛ! – закричала Энни.

Через секунду она была в воде, в огромной воронке, которая затягивала ее все глубже вниз.

Англичанин в строгом костюме и темном клубном галстуке в сопровождении офицера полиции сухо поздоровался с убитым горем мужчиной лет шестидесяти, прибывшим на самолете в аэропорт Женевы.

– Мистер Дональдсон?

– Да.

– Я Гэвин Пирсон, британский консул, а это Дидье Мотт из полиции Женевского кантона. Мне очень жаль, что это случилось с вашей дочерью, сэр.

Майкл Дональдсон поблагодарил за соболезнования, старательно сдерживая слезы, и пожал руку обоим джентльменам.

– Такая трагедия, да еще во время отдыха, – с сочувствием произнес инспектор Мотт.

– Вы хотели бы прежде поесть или выпить что-то, может, отдохнуть, мистер Дональдсон? – предупредительно осведомился консул.

– Нет, благодарю. Проедем сразу в морг и скорее со всем покончим.

За всю дорогу они обменялись лишь парой слов. Мистер Дональдсон сидел на заднем сиденье, не обращая внимания на мелькавший за окном пейзаж.

– А мой зять, Найджел? – неожиданно спросил он. – Вам так и… так и не удалось найти… его тело?

Инспектор Мотт, сидевший за рулем полицейской машины, ответил ему на ломаном английском:

– Водолазы исследуют место, где произошел несчастный случай, но там очень много – как вы называете?.. – течений, озеро в этой части очень глубокое. Может потребоваться время. Мы ищем везде, под водой и с воздуха.

Дальше они ехали в полной тишине. Отец Энни поднял голову, мельком взглянул на простиравшееся по правой стороне озеро с несколькими судами разного размера, собранными в одном месте ближе к центру, и кружащим над ними вертолетом и поспешно отвел взгляд. Он даже не заметил, что они подъехали к моргу. Мужчина распахнул перед ним дверь – он даже не осознал, который из двоих сопровождающих, – он двигался автоматически, будто в состоянии транса. Он здесь для того, чтобы опознать тело дочери, и не представляет, как вести себя в такой ситуации.

Словно почувствовав его внутреннюю дрожь, консул положил руку ему на плечо:

– Мистер Дональдсон, вы уверены, что хотите увидеть ее тело? Мы могли бы изменить процедуру, вы опознаете ее личные вещи, например обручальное кольцо, предметы одежды, мы даже можем сделать экспертизу ДНК, если пожелаете.

– Я должен ее увидеть. Я хочу в последний раз увидеть мою девочку.

– Разумеется, сэр.

– Только у меня вопрос: я не совсем понимаю, как произошел несчастный случай? Британская полиция сообщила нам с женой лишь в общих чертах. Они отплыли на лодке довольно далеко от берега, погода была плохая, так? Но на моего зятя это совсем не похоже, он был очень осторожным человеком. Я сказал «был», а ведь… он, возможно, еще жив…

– Прошло два дня, я думаю, мы бы уже нашли его, останься он в живых, – сказал инспектор.

– Судя по всему, ваша дочь Энни и ее муж Найджел арендовали небольшую лодку с подвесным мотором и отправились на прогулку по озеру, взяв корзину для пикника, приготовленную отелем, – объяснил консул. – Прогноз был благоприятный, но так случается в местах, где большой водоем окружен горами, все может измениться очень быстро. Туман опустился неожиданно, никто не мог этого предугадать, мне жаль, но это трагическое стечение обстоятельств. Паром не увидел маленькую лодку. Капитан уже арестован.

– Но это их не вернет, – с грустью произнес отец Энни.

– Мне жаль, сэр, – продолжал консул. – Мне правда очень жаль, и я искренне хотел бы вам помочь…

– Вы можете кое-что сделать, – перебил его мистер Дональдсон. – Скажите, моя дочь очень мучилась? Я не представляю, каково это – утонуть…

– Я могу вас успокоить, – заверил его консул. – Я говорил с патологоанатомом. Ваша дочь не утонула, смерть была мгновенной.

– Почему вы так уверены? – спросил Дональдсон, глядя на мужчину с подозрением.

– Ну, мне бы хотелось избавить вас от подробностей.

– Мне нужно знать. Я обязан успокоить жену хотя бы тем, что наша девочка не страдала.

Консул посмотрел на него с сомнением, затем повернулся к офицеру, будто прося помощи. Мотт застыл в вежливом молчании.

– Вы сказали, она не утонула, – настаивал отец Энни. – Ее ударило по голове?

– Нет, травмы головы не было. Понимаете, ведь лодка столкнулась с паромом… и вашу дочь… разрубило пополам лопастью винта.

Рождественская традиция

Сьюзен достала из ящика комода черное шелковое боди, отделанное кружевом, пролежавшее там, чистым и аккуратно сложенным, последние двенадцать месяцев. Ткань ласкала руки, и она поразилась тому, какими грубыми казались в сравнении с ней ее пальцы и как белье подчеркнуло усталость на отражавшемся в зеркале лице.

Ей стало страшно оттого, что Тони не вернется сегодня, а она представить не могла Рождество без него.

До этого они всегда были на Рождество вместе, но в этом году традиция будет нарушена, и от этого ее охватывал ужас.

Ей тридцать три, и она становится все старше. «Идут годы, растет страх», – подумала она, отодвинула штору и посмотрела сквозь отражение лица на светящиеся гирлянды на деревьях. Обрывки тумана и капли дождя кружились в свете фонарей, словно рой мошек. На ресницах застыла слезинка.

Она подняла голову, задаваясь вопросом, там ли он сейчас, за этими плотными облаками? Порой она видела в ночном небе вспыхивающие рядом со звездами сигнальные огни и думала, что это возвращается он. Облака испугали ее, заставили вспомнить прошлое. Она гнала эти воспоминания. Сегодня канун Рождества, а он всегда в этот вечер к ней возвращался.

Она не получила от него ни одного сообщения, впрочем, в этом не было ничего необычного. В такие моменты она понимала, что чувствуют жены и подруги заложников, не имеющие возможности ни услышать голос, ни получить весть; но Тони не был в плену, в такой ситуации он мог оказаться лишь ведомый страстью. Он был одним из тех импульсивных и непредсказуемых мужчин, неугомонных авантюристов, окруженных ореолом жизнелюбия, которых женщины находят весьма привлекательными. Она не раз замечала, как на него смотрят дамы на вечеринках.

Однако он клялся, что никогда ей не изменял. До недавнего времени Сьюзен ему верила. Друзья убеждали ее скорее забыть, жить дальше, и его долгое молчание, и ее предчувствие скорого расставания говорили о том же.

Стюардесс даже для небольшой частной компании отбирают очень тщательно по внешним признакам. Тони летал с ними по всему миру. Трудно поверить, что ему всякий раз удавалось устоять перед соблазном.

Пусть так, но она продолжала надеяться и приготовила постель, распустила длинные темные волосы, потому что ему нравилось, когда они лежали именно так, выбрала аромат его любимых духов, нанесла увлажняющий крем на руки и провела по ногам, наслаждаясь идеальной гладкостью кожи. Сняв одежду, она поежилась от холода, охватившего обнаженное тело, и надела белье, которое он подарил ей на Рождество пять лет назад – с тех пор стало традицией надевать его в канун Рождества.

Впервые они занимались любовью именно в канун Рождества в спальне в мансарде дома ее родителей в Уэмбли, когда те ушли на вечеринку. Потом они долго лежали в тишине, глядя на облепленные темнотой окна, а в ногах, когда они шевелились, шуршала оберточная бумага. Она до сих пор отчетливо помнила, как они крепко и страстно обнимали друг друга, прижимались, переполняемые жаждой тепла и покоя, как шептали друг другу те клятвы, которые дают все молодые люди и которые потом так легко забываются. Они дали слово, что всегда, что бы ни случилось, будут заниматься любовью в канун Рождества.

За прошедшие четырнадцать лет они ни разу не нарушили обещания. Это стало их традицией – предаваться этим вечером страсти, которая становилась сильнее с каждым

годом и заставила Сьюзен вновь поверить в магию Рождества. В детстве она в этом не сомневалась, но потом решила, что утратила веру.

Тони каким-то образом удавалось даже изменить график. В те дни, когда он никак не мог быть рядом с ней, ему везло – вылету самолета мешал неизвестно откуда взявшийся туман или внезапная поломка освобождала его от выполнения обязанностей. Однажды, из чистого бахвальства, он взял самолет своего босса и прилетел из Монако ровно к полуночи. То Рождество она очень хорошо помнила.

Слезы катились из ее глаз; ресницы сметали их, и она улыбалась – не надо, чтобы он видел ее плачущей.

Она зажгла свечи, как делала каждое Рождество, поставила подсвечник на тумбочку у кровати со стороны Тони, подсунула под него открытку и легла.

Немного почитав, она взглянула на часы – десять минут первого. В половину она выключила свет. Пламя свечи было недвижимым, спокойным. Он любил заниматься любовью при свете, любил снимать белье и видеть ее тело.

– Ты мой рождественский подарок, – говорил он и наклонялся, чтобы ее поцеловать. Везде.

Несколько лет они дарили друг другу чулок, но она отменила эту традицию, решив оставить ее детям. Рождество было ее любимым праздником в детстве, и она хотела, чтобы и у их детей было так же. Однако она никогда не мечтала, что это однажды станет для нее самым главным. Станет точкой на горизонте, к которой она будет стремиться пристать каждый год. Портом, где можно переждать шторм. Волшебное время, когда раны излечиваются, грусть уходит, а надежда возрождается. Она никогда не считала, что мысли о Рождестве дают ей силы вставать каждое утро и возможность пережить весенние и летние месяцы. Затем приходили август и сентябрь – месяцы глубокой депрессии, когда воспоминания тускнеют, сомнения разъедают, сочась, словно кислота из проржавевшей батарейки, причиняют боль и оставляют шрамы.

Пройдет время, и с первым хрустящим инеем на осенней листве память вернется и надежда окутает ее, возвращая понимание, что от Рождества ее отделяет всего несколько долгих ночей и свирепых бурь, сопровождающих осеннее равноденствие, способных до неузнаваемости изменить пейзаж. Рождество принесет безмятежное спокойствие, звуки гимнов, вечера за игрой в «Монополию», долгие прогулки и аромат пирогов, смех и веселье, общение с друзьями и напомнит о старых добрых традициях.

Сьюзен закрыла глаза, зная, что этой ночью, как и всегда в канун Рождества, заснет крепко и не будет помнить когда. В тишине отчетливо слышалось шуршание бумаги, и она улыбнулась – дети уже роются в чулках. Но подарки сегодня никто не откроет – она приучила их ждать до утра. Они будут разглядывать пакеты и коробки, пытаясь угадать, что внутри. Затем послышался щелчок дверного замка, и дыхание ее участилось. Еще щелчок – дверь закрылась. Она ждала, когда звякнет цепочка и раздадутся приглушенные шаги. Все как обычно; все знакомо. Рутина. Самое главное в браке, чтобы традиции не превратились в рутину. Она лежала и ждала, ждала того, что возбуждало больше всего на свете. Он двигался медленно, сначала снял пальто, затем прошел в кухню и просмотрел кипу корреспонденции, оставленную специально для него. Внутри ее кружилась снежная буря, как в стеклянном шаре, если его встряхнуть.

Он поднимался по лестнице, и шаги становились нетороплив ее и легче с каждой секундой, словно он чувствовал ее возбуждение и оно меняло его настроение. Он открыл дверь их спальни, и пламя свечей дрогнуло от неожиданности, тени заплясали на ее веках. Губы ее наконец растянулись в улыбке, которую невозможно было больше сдерживать, ведь она ощущала, как он встал у кровати, как стянул пахнущее свежестью одеяло, отчего по коже пробежал приятный холодок. Она знала, что он наблюдает за ней, знала, что сейчас

склонится и поцелует ее; пальцы его рук, как обычно, сначала неловко, попытаются справиться с крючками.

– Ты мой самый дорогой рождественский подарок, – прошептал он.

– А ты мой, – ответила она, когда губы их почти соприкасались.

Утро было сухим и холодным, дул восточный ветер. Снежинки сверкали на траве, словно она была посыпана блестками, малиновый шар солнца светился на фоне серого шелкового неба. Это было такое волшебное утро Рождества, какое она помнила с детства.

Дом наполнялся треском, когда она шла по ковровому покрытию, зажигала камин, доставала бокалы; шуршала оберточная бумага, когда дети начали открывать подарки. Треск электрических разрядов наполнял ее тело, по венам разносилось тепло, которое она ощущала всегда, когда Тони был рядом.

Она любила это время перед шумным вторжением родственников. Когда-то несколько раз они посещали утром церковь, но Тони это не понравилось, он предлагал ей ходить одной, но они так мало времени проводили вместе, что она не хотела расставаться с ним даже на час. Утро они посвящали друг другу, оно стало временем наслаждений и покоя. А еще, как она надеялась, возникновения чего-то нового в их отношениях.

В Рождество дом всегда яркий и светлый. Окна пропускают дневной свет, который распределяется удивительно равномерно, и все вокруг словно оживает, цвета становятся насыщенными, текстуры выразительными, ковры, обои, шторы уже не кажутся такими бледными, как большую часть года. Даже остролист выглядит посвежевшим, а ягоды особенно красными.

Воздух наполнялся ароматом политой жиром индейки, тлеющих дров и терпкого вина в только что откупоренной бутылке. На улицах была непривычно тихо, так не бывает даже в воскресенье. Безмолвие ночи перешло в день, но оно скоро будет нарушено громким смехом, звоном бокалов, болтовней и шутками родственников, без которых праздник невозможен, как без светящейся гирлянды, ждущей своего часа в картонной коробке.

И конечно, без дочерей. Всегда дочерей.

«Я не знаю второго такого дома, где столько дочерей», – любил говорить ее отец.

Она видела, как едва заметно покачиваются лампочки, беспокойно отодвигаются шторы, шарики из оберточной бумаги, свернутые, будто сами собой, перекатываются с места на место с шумом, напоминающим шелест воды, отступающей в море, по гальке пляжа. Ленты серебряного дождя и гирлянды из мишуры покачиваются между ветками ели. Дети были поглощены каждый своим делом. Люси надевала новое платье на Барби. Джейми собирал железную дорогу. Иногда стеклянные шары над их головами соприкасались, издавая звук, похожий на перезвон колокольчиков. Старые дрова в камине превращаются в угли, и весело потрескивают новые.

Сьюзен, суетящуюся в кухне, Тони часто отвлекал, и она постоянно все проливала или начинала делать то, что уже сделано. Он был страстным, как никогда раньше, от его прикосновений внизу живота все сжималось и ныло, воображение рисовало эротические картины, все больше натягивая готовые лопнуть струны в теле. Она разбила стакан и стала убеждать себя, что это на счастье, так ей очень давно сказал Тони. Она напомнила ему тот случай, и они вместе весело смеялись.

За окном хлопали двери автомобиля. Начали прибывать члены семьи. По тропинке шел отец с палочкой, которой пользовался после операции на сердце.

– Так прекрасно ты никогда не выглядела, Сьюзен, – сказал он.

Все отметили, что она сегодня особенно хороша. «Словно помолодела на несколько лет».

Ронни Бодкинс, за которого вышла замуж ее сестра, был жизнерадостным детиной, открывшим два салона, торгующих газонокосилками, и черпающим жизненную мудрость из «Ридерз дайджест». Он уселся на диван, прихлебывая пино-нуар (по его заверению, лучшее красное вино для сердца) и рассказал анекдот, который повторял из года в год, такой старый, будто его извлекли из той же коробки, что и гирлянду.

Каждый год находился человек, который постоянно задавал ему вопросы. На этот раз им стал ее брат Кристофер.

– Как твой бизнес, Ронни?

– О, жаловаться не на что. Рождество для меня лучшее время. Часто заходят разные кумушки и покупают своим муженькам в подарок всякие штучки для сада. Конечно, в это время доходы у меня могли быть и меньше, но ведь сам великий Господь сказал, что большую часть того, что имеешь, надо отдавать земле!

Он расхохотался, довольный своей шуткой. Надо признать, единственный из всех.

Разговор шел своим чередом, балансируя на грани, касаясь то новых проектов, то бередя старые раны. Утро прошло для Сьюзен в тумане воспоминаний об удовольствии и предвкушении страсти. Она вошла в гостиную, чтобы выпить со всеми шампанского, и бросила взгляд на часы. 13:15. Ланч, потом речь королевы. Затем все будут смотреть «В джазе только девушки» с Мерилин Монро, а потом «Аббатство Даунтон», после чего, возможно, лягут спать. Однако в это Рождество все было иначе, и она боялась позволить себе надеяться.

– За тех друзей, которых нет сейчас с нами.

Первый тост за ланчем, тоже по традиции, произносил брат. Все подняли бокалы, а Сьюзен выше всех. Она почувствовала, как нежно ветерок ласкает ее щеки, поднимает и опускает волосы. Язык тела. Знаки между ней и Тони, так бывает у многих любовников – тайные прикосновения, шепот, подмигивание. С годами они так привыкли, что понимали друг друга без слов.

Сегодня Тони говорил ей, что хотел бы ночью опять заняться любовью.

Обычно она специально вливала в себя больше вина, чтобы впасть в состояние расслабленного забытья и упасть, время от времени заставляя себя подняться на ноги, чтобы подать чай, попрощаться с гостями, привести себя в порядок и подняться наверх, в спальню.

Сегодня она отрезала себе тонкий кусочек индейки, от картофеля отказалась, но положила на тарелку несколько стручков фасоли. В бокале ее была только минеральная вода.

– Ты ведь не придерживаешься строгой диеты, дорогая? – спросила ее мама.

Она не ответила, лишь сильно покраснела.

– Да, уже четыре года, – задумчиво произнес отец, продолжая тему тоста.

Прошло четыре года с того дня, как небольшой самолет разбился, заходя на посадку, и врезался в деревья, растущие всего в десяти милях от дома. Простая ошибка. Он забыл перевести высотомер с воды после взлета в Монако на землю для посадки в Биггин-Хилл. Просто повернуть ручку. Магия Рождества действует на всех, но по-разному.

– Я понимаю, как тебе тяжело, дорогая, – сказала мама. – В Рождество ты особенно сильно по нему скучаешь.

Тайну Сьюзен знали свечи, пламя которых резко дернулось после этих слов, послышалось шуршание подарочной бумаги, и ветерок теплый, как дыхание, пробежал по ее шее, напоминая о предстоящей ночи, и это могло бы стать новой традицией.

– Нет, – уверенно сказала она, загадочно улыбаясь. – Это единственный день в году, когда я по нему совсем не скучаю.

Дружеские отношения

Она медленно шла, опираясь на ходунки, осторожно переставляя то одну ногу, то другую, вытянув при этом шею, словно старалась издалека разглядеть свою маленькую комнатку. На застывшем лице загадочная улыбка. Все были уверены, что пожилая дама приручила голубя. Лишь после ее кончины, войдя в комнату, они обнаружили, что лапы птицы прибиты гвоздями к подоконнику.

Мой первый призрак

Эта история правдива. Я хочу рассказать о собственном опыте пребывания в доме с призраками, и, если вы будете продолжать скептически относиться к ним, прочитав ее, я буду очень удивлен.

Я лишь взял на себя право изменить название дома и имена героев с целью сохранить их право на частную жизнь, хотя понимаю, что среди вас немало талантливых сыщиков, которым будет несложно установить настоящие имена!

В 1989 году мне посчастливилось заработать значительную сумму, после издания двух мистических триллеров «Зона теней» и «В плену снов» (истории основаны на реальных событиях, они же вдохновили меня на написания третьего произведения – рассказа «Каникулы мечты», представленного в этом сборнике). И мы с моей тогдашней женой занялись поиском нового дома. Мы буквально влюбились в потрясающий особняк в григорианском стиле на окраине одной деревушки в Суссексе. У дома была длинная история – прежде чем стать усадьбой, он был монастырем в Средние века, а до того на ее территории находилась вилла эпохи римлян, уже погребенная под землей, однако часть ее – бассейн для содержания рыбы – сохранилась почти не тронутой временем.

Пока мы жили в доме, студенты-археологи вели там раскопки, продолжавшиеся два года, они, к ужасу моей жены Джеральдин, уничтожили весь газон, но так ничего не нашли. После того как в 1999 году мы продали поместье, следующий владелец стал закладывать фундамент для гаража и случайно наткнулся на кладку. Работы ему пришлось отложить на два года по решению суда, так как археологические раскопки были возобновлены.

– Основываясь на том, что вы написали, дом вам понравится, – задорным тоном сообщил мне прежний владелец при нашей первой встрече. – У нас даже три привидения.

Как выяснилось позже, он сказал неправду – их было четыре. Первое заявило о себе, когда мы переезжали. Прелестным весенним утром я стоял на крыльце рядом со своей тещей Эвелин, женщиной разумной и практичной, занимавшей должность старшего судьи. Но были у нее и странности, например, она верила в существование паранормальных явлений, всегда знала заранее, кто должен умереть, потому что видела его в кошмарном, несколько раз повторяющемся сне. Когда она поведала мне об этом, спорить я не стал, поскольку не нашел какого-либо рационального объяснения, кроме, пожалуй, телепатии.

Я всегда относился к Эвелин с симпатией, и у нас были хорошие отношения, полагаю, отчасти по той причине, что в суде она держалась строго, сурово, ее даже называли «Карающей десницей Хоува» (что ей невероятно льстило), в свободное же время она была страстной поклонницей моих произведений, очень умной и лояльной ко всему, с ней я мог обсуждать любую тему от инопланетян и Древнего Египта до современной политики.

От входной двери начинался длинный и узкий коридор, тянущийся через весь дом к атриуму, отделанному дубовыми панелями, с четырьмя дорическими колоннами, и заканчивающийся у кухни. Этот крытый внутренний дворик был единственным напоминанием о том, что здесь был монастырь, еще сохранились арки в том месте, где располагался алтарь.

Мы отошли в сторону, давая возможность пройти рабочим, отправляющимся за очередной партией вещей, и тут я заметил мелькнувшую внутри дома тень, будто птица перелетела с места на место.

– Ты это видел? – спросила моя теща и посмотрела многозначительно.

Несмотря на теплую погоду, мне стало зябко. По выражению лица Эвелин я понял – она уверена, что видела нечто сверхъестественное, но мне не хотелось пугать жену. Мы с Джеральдин были городскими жителями, и это была наша первая попытка перебраться в сельскую местность. К тому же она уже выражала опасения по поводу того, что поместье расположено в стороне от других домов. Меньше всего мне хотелось, чтобы жена еще начала бояться привидений! Поэтому я покачал головой и сказал Эвелин, что ничего не видел. На самом же деле я был немного напуган.

Первая ночь прошла без тревожных событий, и даже Борис – наша венгерская овчарка – был спокоен. Я не раз слышал, что собаки чувствуют призраков раньше хозяев, так что счел это хорошим знаком.

Утром Джеральдин уехала в восемь часов на работу, а я направился в кабинет, чтобы продолжить работу над романом «Возлюбленная». Примерно в 10:30 утра я спустился вниз, чтобы приготовить себе кофе. В кухню надо было идти через внутренний дворик, и там я неожиданно увидел окружившую меня россыпь крошечных точек света. Сначала я решил, что странный эффект возник оттого, что солнечный свет, проходя через окно на дальней стене, отражается от стекол моих очков. Я снял их, потом снова надел, и светящиеся пятна исчезли.

Я вернулся в кабинет. Когда через некоторое время я спустился, чтобы перекусить, видение повторилось. И опять, стоило мне снять и надеть очки, все прекратилось, оставив, однако, в душе неприятное ощущение. Во второй половине дня, когда шел за чашкой чаю, я вновь увидел светящиеся точки.

Джеральдин, вернувшаяся с работы вечером, ничего не заметила, и я решил ей не рассказывать.

На следующий день, оставшись в доме один, я опять увидел белое свечение, потом еще раз перед ланчем. После еды я повел Бориса на прогулку. Мы только вышли на дорогу, как передо мной возник пожилой мужчина, представившейся Гарри Стоттингом, соседом.

– Вы мистер Джеймс, верно? – спросил он.

– Да, – ответил я.

– Вы только что въехали в большой дом?

– Два дня назад.

– И какие у вас отношения с леди в сером? – спросил он, и взгляд его стал насмешливым, отчего мне сделалось не по себе.

– Леди в сером?

Последовавший рассказ действительно меня напугал.

– Я присматривал за домом, когда прежний хозяин уехал. Зимой они использовали внутренний дворик как комнату отдыха, ведь там всегда было тепло из-за того, что рядом кухня. Шесть лет назад я сидел там и смотрел телевизор, когда из алтарной стены внезапно появилась женщина в сером кринолине, со зловещим лицом серого цвета. Она пронеслась мимо меня, задев краем платья щеку, окинула недобрым взглядом, а потом исчезла в стене за моей спиной. Через тридцать секунд меня уже не было в доме. А утром я вернулся, чтобы забрать вещи. Обратно меня туда даже лошадью не затащишь!

Я был поражен откровенностью мужчины, как и нескрываемым ужасом, появившимся у него в глазах, когда он закончил рассказывать. У меня волосы на голове зашевелились.

После прогулки я вернулся не в самом приятном расположении духа. И даже решил отказаться от чая, только чтобы не идти через дворик в кухню! Но вечером я опять не

поделился с Джеральдин – возможно, сам боялся поверить услышанному, да и жена еще нервничала, что мы живем столь обособленно. Есть вещи, которые понимаешь не сразу после того, как переезжаешь из города в деревню, и одна из них – осознание, как темна ночь. В городе никогда не бывает по-настоящему темно, ведь улицы всегда освещены. Однако в сельской местности, под безлунным небом, затянутым облаками, вечером черным-черно. Я пытался убедить супругу, что преступникам было бы затруднительно ориентироваться в полной темноте, поэтому здесь мы в большей безопасности, чем в городе. К сожалению, она, кажется, не поверила.

В воскресенье мы пригласили родителей Джеральдин на ланч.

Пока жена была занята последними приготовлениями, я отвел ее мать в сторону и подробно расспросил, что она видела в день нашего переезда на крыльце?

Она описала женщину в сером шелковом кринолине с серым лицом и сказала, что она промелькнула очень быстро, и назвала то же место, где видел ее Гарри Стоттинг.

Я был напуган и шокирован. Вечером, когда гости ушли, я решил обо всем рассказать Джеральдин. Она отнеслась к услышанному со свойственным ей прагматизмом, как справлялась со всеми трудностями на жизненном пути.

– Ты ведь знаком с несколькими медиумами, почему бы тебе не пригласить одного из них? Посмотрим, что он выяснит.

Через несколько дней к нам приехала женщина-медиум, которая очень помогла мне во время написания романа «Зона теней». Я провел ее в атриум и оставил одну по ее просьбе.

Через час она поднялась в мой кабинет и рассказала о женщине в сером кринолине. По ее словам, я немного обладаю экстрасенсорными способностями, поэтому, не видя женщину, смог уловить ее энергию. Я спросил, что мне делать, и медиум объяснила, что призрака потревожил бывший владелец дома, теперь потребуется священнослужитель, чтобы его успокоить.

Я скептически отнесся к ее рекомендациям, но мне было неприятно, что в собственном доме я чувствую себя дискомфортно. К тому же я был знаком с викарием, который точно смог бы нам помочь.

В то время он был викарием Брайтона, а по совместительству и старшим экзорцистом англиканской церкви. Разумеется, это был его неофициальный титул и звучал он не менее громко, чем, например, заклинатель. Бывший монах, получивший степень бакалавра в области психологии в Оксфорде, сын двух врачей, он был очень далек от образа отца Меррина, который создал в известном фильме «Экзорцист» Макс фон Сюдов. Этого прекрасного человека, с которым мы быстро подружились и общаемся до сих пор, я бы назвал современным мыслителем, священнослужителем, не согласным с библейской концепцией Бога и придерживающимся иной, считающейся заразной идеи веры.

При всем этом я был несколько удивлен, когда викарий бодро вошел в крытый дворик, постоял молча несколько мгновений, а затем громко и очень твердо произнес:

– Ты свободна!

Повернувшись ко мне, он сказал:

– Теперь все должно быть хорошо.

Так и было до середины июня 1994 года. Мой роман «Искушение», недавно опубликованный издательством «Пингвин» в твердом переплете, только вышел на диске и стал первым романом в мире, представленным в электронном виде, а также появилась и версия в мягкой обложке. Теперь эта толстая книга в мягком переплете лежала на старинном деревянном сундуке в атриуме. Я всегда выкладывал там свои новые произведения, чтобы гости могли их увидеть. В тот день утро было особенно прекрасным и солнечным, я завтракал около 7:45, а Джеральдин была наверху, собиралась на работу. Внезапно я услышал ее крик:

– Что-то горит!

Я тоже почувствовал запах. Повернувшись, увидел, что, к моему удивлению, «Искушение», лежащее на сундуке, охвачено огнем!

Я вскочил, схватил книгу, побежал в кухню, бросил ее в раковину, а затем включил оба крана, чтобы скорее потушить пламя.

Произошедшему, разумеется, нашлось весьма прозаическое объяснение: рядом с книгой стояло стеклянное пресс-папье. Яркие солнечные лучи падали на него и преломлялись. Так мы делали, будучи детьми, – брали лупу и ловили свет, когда хотели что-то поджечь. Однако… то, что это произошло именно в атриуме, в доме, где совсем недавно жило привидение, делало ситуацию зловеще мистической.

Эта история была лишь первой из череды многих, произошедших в этом славном доме.

Вторая случилась в первые выходные, которые мы провели там вдвоем. В воскресенье утром я поздоровался с соседом, который жил в доме, представлявшем собой здание, служившее в давние времена каретным сараем.

– Хотел вас спросить, – обратился ко мне вежливый мужчина в годах, – нам с женой стало любопытно. У вас гостит кто-то с маленьким ребенком?

– Нет, – удивился я вопросу.

– Хм, значит, опять привидение, – махнул рукой тот, словно это было делом вполне естественным.

Оказалось, что эти соседи, как и многие другие неподалеку, часто слышали доносившийся из дома детский плач. Позже мы узнали, что в 1920-х хозяева вскрыли пол в гостиной, почувствовав сырость и гнилостный запах, и обнаружили скелет ребенка, возможно мертворожденного малыша или убитого много лет назад.

За домом было небольшое озеро, узкое и в четверть мили длиной, вдоль него тянулась тропинка для прогулок. За десять лет, что мы прожили в доме, нам не раз приходилось слышать от жителей деревни, что в сумерках их часто заставлял бежать с озера без оглядки римский сотник! Мне эта история казалась совсем уж невероятной.

Но была и та, которая по многим причинам выглядела вполне правдивой, была она рассказана другим соседом, с которым мы случайно разговорились.

Имение всегда занимало большую площадь, к дому прилегало несколько сотен акров земли. Со временем земля были распродана по частям и застроена, в период с 1930 по 1950 год на дальнем берегу озера появились несколько домов. Как-то раз мы с Борисом прогуливались вдоль них, и владелец одного – сноровистый мужчина лет пятидесяти пяти, работающий мелким начальником на фабрике, – неожиданно помахал мне рукой и крикнул:

– Надеюсь, вам удастся обуздать ваших чертовых призраков!

Затем он рассказал мне следующее:

– В прошлое воскресенье были крестины моего внука. В четыре часа все гости разошлись, и я сидел в гостиной, читал «Санди таймс». Вдруг в комнате стало холодно, я даже поежился. Подняв глаза, увидел монаха в плаще с капюшоном, он стоял и смотрел на меня сверху вниз. Сначала я подумал, что это кто-то из родственников решил надо мной пошутить. Я встал и пошел за ним в кухню, но он будто растворился в воздухе. В кухне была только моя жена, которая мыла посуду. Кухня у нас совмещенная с комнатой, и жена утверждает, что ничего не видела и не слышала.

За время нашей деревенской жизни произошла еще одна история, связанная с привидением. На передней стене дома расположены два классических окна в георгианском стиле. Одно из них находилось в гостевой спальне, которую мы называли голубой комнатой. Я старался не заходить в нее без надобности, потому что в ней мне всегда было некомфортно.

Уезжая надолго, мы непременно нанимали человека, который бы временно жил в доме и следил за ним. И всякий раз этот человек отказывался занимать голубую комнату, ссылаясь на то, что ему не нравится цвет, или объяснял, что лучи утреннего солнца будят его слишком рано, и предпочитал выбрать другую свободную спальню.

Вместо постскриптума хочу добавить несколько фактов из истории дома. Большую часть XX века особняк принадлежал семье Стобарт, самый известный из них, Том Стобарт, кавалер Ордена Британской империи, был фотографом, зоологом и писателем. Большой любитель приключений, он входил в состав экспедиции на Эверест Ханта и Хиллари и сделал много замечательных снимков и кадров, документируя восхождение группы. Позже, в Эфиопии он был ранен выстрелом в колено, скончался скоропостижно от сердечного приступа в молодом возрасте на местной железнодорожной станции Гассокс.

Членом их семьи также была странная леди, по всеобщему мнению – ненавидящая всех людей лесбиянка. Она настолько жестоко обращалась с сестрой Тома Энни (мы одно время дружили, пока она не умерла от инсульта), когда та была еще ребенком, что женщина так и не смогла вести нормальную жизнь и не научилась строить отношения с людьми. Как-то Энни рассказала нам, что эта дама привязывала ей руки к кровати ремнями, чтобы она, в случае искушения, не смогла дотронуться до своего тела. Может, это и была дама в сером из нашего внутреннего дворика?

Во время Второй мировой войны в доме расквартировали канадских солдат. После ее окончания, во второй половине XX века, поместьем владели три пары – все впоследствии развелись. Мы как раз были третьими. Может, в этом повинна леди в сером?

Я часто задаюсь этим вопросом.

Две минуты

В раннем детстве Род Векслер любил шататься по Брайтонскому дворцовому пирсу, который давно стали называть просто Брайтонский пирс. Он любил смотреть через отверстия в ажурном ограждении на грозные темно-зеленые воды, плещущиеся внизу в пятидесяти футах. И еще он был очарован Великим Омани – артистом цирка, с легкостью освобождавшимся от цепей и веревок. Род не уставал смотреть на его трюк, который этот странный человек демонстрировал в начале каждого часа. Начиналось все с того, что он выливал в море целый галлон бензина, бросал следом зажженную свечу, чтобы над водой вспыхнуло пламя, надевал смирительную рубашку и нырял в огонь, а через несколько минут появлялся на поверхности, держа рубашку над головой, и радостно улыбался под аплодисменты публики.

Будучи еще мальчишкой, Род мечтал разобраться с загадками этого мира; их было немало, но первой, привлекшей его внимание, стал необыкновенный дар Великого Омани. Он размышлял о том, что нужно быть очень ловким и умным, чтобы распутать узлы, которые ты завязал сам. Но куда сложнее, если завяжет их другой человек!

Однако у него не было возможности изучить трюк во всех деталях. Когда Омани заметил мальчика, он стал возмущаться и кричать, что это не бесплатное зрелище, посмотрев, люди должны бросить монеты в его шляпу.

– И мне не нужны жалкие пенни, сынок. Минимум шиллинг за этот номер. Так что плати или убирайся!

Род не считал, что за такое стоит платить пенни, не говоря уже о шиллинге – его карманные деньги на неделю. Ему гораздо больше нравились игровые автоматы, один ряд деревянных ящиков с ручками особенно его привлекал. На них были таблички с названиями, например «Дом с привидениями», «Гильотина», «Мир Гулливера и лилипутов». Бросаешь в щель пенни, и за стеклом начинается удивительное действо. Больше всего ему нравился «Дом с привидениями». Крышка гроба медленно поднималась, и появлялся светящийся скелет. Паук падал и опять поднимался по паутине. Распахивались двери, и привидение

появлялось, потом исчезало. И опять вспыхивали огни. Это было нечто необыкновенное, похожее на кукольный домик и одновременно на поезд-призрак в миниатюре.

Род никогда не решался зайти в аттракцион «Поезд-призрак» в конце пирса, и все потому, что не раз видел, с какими перепуганными лицами люди выходили после его посещения. Кроме того, он был ему не по карману со столь скромным бюджетом. Билет стоил шесть пенсов, за эти деньги можно целых шесть раз подойти к игровым автоматам.

Однако самым любимым, на который он потратил больше всего пенни, была «Гильотина»!

Он бросал монетку в щель, а потом, словно завороженный, смотрел, как на гильотину ведут Марию-Антуанетту с завязанными глазами, заставляют встать на колени и опустить голову. Через несколько секунд человек приведет в движение механизм, и кровь брызнет в разные стороны, а отрезанная голова упадет в корзину. Потом свет потухнет, и опять станет темно.

Каждый раз Род задавался вопросом, была ли женщина в сознании после того, как голова отделилась от тела, и если да, то как долго? И о чем она, интересно, думала в последние мгновения жизни, когда голова ее лежала в корзине?

Через сорок лет, когда он уже стал взрослым, сменились аттракционы на пирсе и их названия. Деревянные автоматы перевезли в музей недалеко от мола, где их сохранили в рабочем состоянии. Можно было купить мешок монет по одному пенни и в свое удовольствие играть. Он приводил сюда своих детей, но они отнеслись к автоматам равнодушно, им больше нравились компьютерные игры.

Однако его увлеченность так и не прошла с годами. Он сделал блестящую карьеру в должности актуария в Перестраховочной компании, где его природное любопытство было полезно. В его обязанности входило просчитывать и анализировать – это роднило его с букмекерами – возможность возникновения аварий и катастроф. Его задачей, например, было рассчитать, какова вероятность осадков в определенный период в конкретном районе. В некоторых регионах на юге Англии, хотя страну и принято считать дождливой, осадки случаются лишь девяносто четыре дня в году, правда, он установил, что в некоторые дни дождь идет двадцать четыре часа в сутки.

Некоторые друзья считали его ненормальным, буквально одержимым фактами и статистикой, но он любил свою работу. Ему нравилось доказывать ложность высказывания: «Ни один человек на смертном одре никогда не скажет: «Жаль, что я не проводил больше времени на работе».

– Я бы так сказал, – гордо заявлял он, бывая с приятелями в пабе или на вечеринке.

И это было истинной правдой. Род любил свою работу, любил по-настоящему. Факты и статистика были его жизнью; они вдохновляли, не давали скучать.

Он всегда все анализировал, любил разбирать на составные элементы, любил открывать людям то, о чем они не имели понятия, – например, какой самый опасный способ передвижения, каковы шансы каждого умереть от определенной болезни или сколько вы вероятнее всего проживете, если достигли пятидесятилетия.

Это всегда выводило из себя его жену, Энджи.

– Господи, ты хоть когда-то испытываешь чувства? – часто спрашивала она его.

– Чувства – штука опасная, – отвечал он, и это злило ее еще больше.

Для Рода это были не пустые слова, он действительно в это верил.

– Жить вообще опасно, дорогая, – любил повторять он, желая ее успокоить. – Отсюда никто не уйдет живым.

Однажды на вечеринке он поведал о своем детском восхищении автоматом с гильотиной. Сидевший напротив него друг, нейрохирург Пэдди Махони, сказал, что смог

установить: после казни на гильотине человек остается в сознании около двух минут. Или девяносто секунд? Род не запомнил точно, хотя в данный момент это было весьма актуально, поскольку еще несколько секунд назад он писал сообщение своей любовнице Роми, а сейчас, подняв голову, видит, что автомобили впереди него на трассе М-4 застряли в большой пробке.

Ему и самому было удивительно, как спокойно он чувствовал себя за рулем «ауди», купленной после тщательного анализа статистики ДТП, когда капот машины стал медленно заезжать под кузов стоящего впереди грузовика. Род нахмурился, подумав, что надо было подложить брусок под колеса, чтобы сдержать движущуюся по инерции машину, ведь теперь она уплывает под грузовик, крышу будто срезало, снесло вместе с головами пассажиров. Как на гильотине.

Род подумал, что глупо лежать на мокрой дороге и видеть перед глазами выхлопные трубы и номерные знаки. Нельзя сказать, что его устраивал такой способ покинуть мир, но, в то же время, было любопытно узнать, прав ли Пэдди. Впрочем, он ведь не сможет следить по наручным часам. Они остались в салоне с его телом.

– Привет, – сказал он девушке, выбирающейся из «ниссана-микро» неприятного пурпурного цвета. – Не подскажете, который час?

Он говорил, шевелил губами, но звуков не издавал.

Девушка завизжала.

Очень неприятно. Затем ее вырвало.

К счастью, не на него. Однако запах был отвратительный и резкий. Боли он не чувствовал, лишь тошнотворные запахи бензина и рвоты. Раньше бы его тоже затошнило, но не сегодня. Послышался вой сирены.

Неожиданно на ум пришли воспоминания из юности, связанные с разговорами о ядерном взрыве. Четыре минуты – столько времени будет в распоряжении у населения в случае пуска ядерной ракеты. Людей тогда спрашивали, что бы они сделали, если бы знали, что им осталось жить четыре минуты? Со временем угроза отступила, и об этом забыли.

Он вспомнил об одной вечеринке, на которой был совсем недавно. Там как раз звучал вопрос о четырех минутах. Потом кто-то из гостей, он уже не помнил кто, предложил сократить время до минуты.

– О чем бы ты тогда думал? – не унимался он.

Сейчас, по прикидкам Рода, ему бы не помешала одна минута. Разве не странная эта одержимость людей временем? Я лежу и отсчитываю последние секунды своей жизни, и меня совсем не беспокоит, как моя жена и дети справятся с горем. Все, что я хочу сейчас знать, – это чертово…

Ночной сюрприз

В ходе изучения материала, который был мне необходим для написания мистических романов в конце 1980-х – в начале 1990-х, я разговаривал со многими людьми из разных слоев общества, которые считали, что сталкивались в той или иной степени с паранормальными явлениями. Несколько лет назад моей соседкой на званом ужине была ее высочество принцесса Анна – очень словоохотливая собеседница. От нее я услышал историю об одной подруге, в доме которой жил полтергейст. А от рассказа великого комика Майкла Бентина о том, как его отец занимался экзорцизмом, у меня буквально волосы встали дыбом.

Я встречался с медиумами, ясновидящими, учеными, психологами и психиатрами, мне посчастливилось подружиться с человеком совершенно уникальным – покойным профессором Бобом Моррисом, который был первым главой Ассоциации парапсихологов в Великобритании, а потом и возглавлял кафедру парапсихологии имени Кестлера в Эдинбургском университете.

В нем мне казалось удивительным то, что, будучи ученым-физиком, он занимался изучением паранормальных явлений, после того как сам пережил в юности подобный опыт.

Он поделился со мной поразительными статистическими данными: в 1922 году среди ученых Британии провели опрос, кто из них верит в Бога? Оказалось, сорок три процента. Исследование повторили в 1988-м, и, к огромному удивлению, процент остался тем же. Однако были замечены некоторые изменения: теперь меньше биологов верили в Бога, но больше математиков и физиков признались в своей абсолютной уверенности в Его существовании.

Я слышал огромное количество историй о странных событиях, произошедших с людьми, а также беседовал с убежденными скептиками. За восемнадцать месяцев 1990 и 1991 годов я регулярно по пятницам вел программу на радио и принимал звонки от всех желающих рассказать о необычных случаях из жизни, начиная от встречи с призраками, заканчивая странными воспоминаниями из прошлых жизней и фактами дежавю. В 1993 году по заказу канала Би-би-си я сделал программу в Шотландии, посвященную паранормальным явлениям. Мне была дана полная свобода в выборе собеседников, я ездил и беседовал с людьми, ставшими свидетелями чего-то экстраординарного. Многие истории были поистине ужасными, некоторые расстраивали и огорчали, но большинство, как выяснилось позже при детальном изучении, имели вполне рациональное объяснение. Я узнал, что и в англиканской, и в Римско-католической церкви есть епархиальные экзорцисты, хотя их называют менее пугающе – заклинатели.

Роль заклинателя заключается прежде всего в изучении факта паранормального явления, затем доведении до сведения викария или священника, которые не находят происходящему никакого объяснения. Однако первостепенная его задача – исключить мистический смысл явления и найти ему разумное толкование. В качестве примера можно привести папский эдикт для последователей католической церкви, изданный более двух веков назад, предупреждающий священников, что не стоит путать одержимость демонами с переживаниями человека, связанными с горем и скорбью, и запрещающий проводить процедуру избавления над теми, кто менее двух лет пребывает в трауре.

Один из таких заклинателей стал моим хорошим другом, он был первосвященником, имел богатый опыт общения с людьми, утверждавшими, что сталкивались с паранормальными явлениями, обладал бескрайним человеколюбием и был при этом в высшей степени рациональной личностью. Назовем его Фрэнсис Уэллс. Он мыслил очень современно, хотя и был глубоко верующим, кроме того, имел ученую степень по психологии, но однажды он признался мне, что не всегда согласен с библейской концепцией Бога. Все случаи обращения он разбирал тщательно, прежде всего стараясь найти объяснение причины происходящего.

Например, его часто просили помочь людям, принимавшим участие в спиритическом сеансе. Имея более чем тридцатилетний опыт, Уэллс пришел к выводу, что подобные сеансы не дают возможность проникнуть в мир духов, а скорее открывают ящик Пандоры с демонами, находящимися в душе каждого человека. Я спросил его, сталкивался ли он в своей практике со случаями, которым не мог найти разумное объяснение.

– Да, – ответил он. – Дважды.

Вот первая история. По просьбам ее героев я изменил имена.

В 1987 году у молодой пары, Джеффа и Кэрри Уилсон, родился сын, названный Дарреном. Джефф работал водопроводчиком, а Кэрри, ранее трудившаяся в городском совете, находилась в отпуске по уходу за ребенком. Они жили в арендованной квартире на первом этаже небольшого дома в Крайдоне и откладывали деньги на первый взнос, чтобы приобрести собственный маленький домик в новом районе, где уже вела строительство известная компания.

Они переехали, когда Даррену было три месяца, и были счастливы иметь наконец собственное жилье. Кэрри увлеклась садоводством и наслаждалась приятным времяпрепровождением с сыном, который был милым и спокойным ребенком, в то время как Джефф большую часть дня, а часто и все вечера работал, поскольку остался единственным кормильцем в семье.

Через четыре недели после переезда Кэрри проснулась рано утром, разбуженная странным ощущением тревоги. Часы показывали семь утра. Взглянув на монитор радионяни, она поняла, что пропустила кормление в три часа ночи. Переполняемая известными страхами молодой мамы, она поспешила в комнату сына. Даррен лежал в кроватке лицом вниз. Дрожащими руками она перевернула малыша, тельце его было холодным и одеревеневшим, личико посинело. Врачи, приехавшие по вызову через двенадцать минут, сообщили, что реанимировать младенца невозможно. Следующие несколько часов превратились для пары в ад. Помимо офицера по работе с семьями, которым оказалась доброжелательная и тактичная женщина, им пришлось два часа отвечать на вопросы полицейских, для которых их дом был лишь очередным возможным местом преступления. К тому же для обоих стало шоком, что их маленький Даррен подвергнется в морге процедуре вскрытия. После опроса сотрудников уголовного розыска настал черед встречи с судебным психологом и психиатром, кошмар растянулся на два дня, заставлял почувствовать себя преступниками и отвлекал от организации похорон.

Кэрри, которая не сделала ни глотка спиртного с момента, как узнала, что беременна, пристрастилась к выпивке; Джефф не мог поступить так же, он был задержан за езду в нетрезвом виде, и теперь ему грозило лишение прав, а следовательно, и стабильного дохода. На работу он ездил на своем фургоне.

Наконец настал день, когда их все оставили в покое. Им разрешили забрать тело сына, и он был похоронен в маленьком белом гробу. В последующие дни Кэрри и Джефф много времени проводили с родителями, они сидели в гостиной нового дома, в котором совсем недавно были так счастливы. Сад Кэрри с подготовленными по обе стороны дорожки клумбами для посадки цветов, который так воодушевлял ее всего несколько недель назад, стал выглядеть неухоженным, зарастал травой и сорняками.

Будто специально для того, чтобы усилить ощущение изолированности от мира, дома рядом с Уилсонами продавались плохо, и у них не было соседей, с которыми можно было бы подружиться и время от времени поболтать и поделиться горем. Подруга Кэрри Роз выразила свое сочувствие со скорбным лицом, но постоянно придумывала разные отговорки, чтобы не бывать в их доме. Напротив них жила молодая пара, Роб и Мэнди Кинг. Мэнди ждала ребенка и была на седьмом месяце, поэтому они с сочувствием относились к соседям. Их горе разделяли родители, но им самим было тяжело; со временем они стали все реже бывать у Джеффа и Кэрри, чтобы не причинять им своими слезами сильную боль. Роб и Мэнди стали для Уилсонов единственным спасательным кругом.

Джефф не обращал внимания на коричневые конверты со счетами, которые ежедневно попадали в их почтовый ящик. Он стал равнодушен ко всему. Его способности собраться хватало лишь на то, чтобы проехать три мили до супермаркета – предоставив возможность вести машину жене – и купить самые необходимые продукты и дешевое вино. Они оба выпивали по бутылке в день.

Врач прописал Кэрри транквилизаторы, а потом и снотворное, после того как она семь ночей подряд пролежала без сна в слезах. Джефф пытался справиться без лекарств. Все дни он проводил перед телевизором, смотря все подряд и не запоминая, что видел на экране. Иногда он брал в руки книгу, но слова перед глазами путались и теряли смысл.

В среду Джефф проснулся в два часа ночи от острого желания сходить в туалет, голова его гудела после выпивки. Он выбрался из постели, не включая свет, чтобы не разбудить Кэрри, натянул халат, нашел ногами тапочки и направился в ванную комнату.

На полпути он остановился.

Вот его рассказ о том, что он увидел:

«Нескончаемый поток людей, все они в белых одеждах, у каждого в руках небольшой сверток, тоже белый. Они выходили из стены справа, пересекали лестничную площадку и исчезали в стене слева. Они шли один за другим, будто не замечая меня. Сосредоточенные мужчины и женщины, молодые и не очень. И все в таких странных робах. И у каждого на руках белый сверток. Сначала я решил, что мне это снится. Потом я ущипнул себя несколько раз, как это обычно делают, и уверился, что не сплю. Не помню, долго ли я там стоял. Некоторые фигуры стали поворачиваться в мою сторону, словно хотели что-то сказать, но, передумав, скрывались в стене. Попятившись, я вернулся в спальню и захлопнул дверь. Слишком громко, чем разбудил Кэрри.

– Что случилось? – пробормотала она сонным голосом.

Я включил свет. Хотел, чтобы она окончательно проснулась. Ей надо было все увидеть – или убедить меня, что это галлюцинации. Я попросил ее встать и выйти на лестницу.

– Я хочу спать, – простонала она.

Мне было неловко беспокоить жену, но я должен был понять, не схожу ли я с ума.

Кожа на теле покрылась мурашками. Мне в жизни не было так страшно.

– Прошу тебя, выйди и посмотри, что там происходит, – умолял я Кэрри.

Наконец она встала и прямо в ночной сорочке прошла к двери и открыла ее. Я встал за ее спиной. Она смотрела будто загипнотизированная зрелищем. До конца дней не забуду ее лицо, когда она повернулась ко мне. Это было лицо человека, увидевшего, как распахнулись перед ним ворота ада.

Мы прижались друг к другу и смотрели на вереницу людей. Они все шли и шли нескончаемым потоком. Люди в странных белых одеждах с белыми свертками в руках, все очень серьезные, идущие к только им известной цели.

– Что происходит? – прошептала Кэрри.

– Не знаю, – ответил я таким же испуганным голосом. Мне хотелось оставаться спокойным, но получалось плохо. Единственным объяснением, которое приходило в голову, было, что я все же сплю и вижу кошмар.

Кэрри прикурила сигарету. Когда-то ради Даррена она отказалась от этой пагубной привычки, хотя выкуривала по тридцать сигарет в день. Я тоже бросил, из солидарности. Она протянула мне сигарету «Силк Кат», я затянулся, выдохнул дым и тогда понял, что все происходит на самом деле.

Дальнейшее было как в тумане. Не помню, как мы выбежали из дома и бросились черед дорогу. Мы стучали в дом соседей, потом сообразили позвонить. В окне над проемом вспыхнул свет. Через несколько секунд дверь распахнулась и появился Роб в пижаме. Он посмотрел на нас с таким удивлением, что его лицо я тоже запомню навсегда. Первым желание было обнять его.

– Нам нужен твой телефон! – выкрикнул я. – Позвонить в полицию. Извини.

– Я…

Происходящее в доме было для нас теперь далеким, оттого стало казаться нереальным. А я ведь никогда не верил ни в Бога, ни во всю эту сверхъестественную ерунду. Мой отец

погиб, когда мне было двадцать, в его автомобиль врезался военный грузовик, дело была на переполненной трассе. Вскоре умерла от рака мама, как была уверена моя сестра, причиной болезни стало горе и шок. Слава богу!

Я набрал девятку и даже оторопел, когда мне ответил оператор и спросил, с какой службой меня соединить. Через несколько секунд мне ответил полицейский, и я внезапно почувствовал себя полным идиотом.

– У нас… понимаете, я… у нас… неизвестные люди… в доме, – произнес я и, повесив трубку, увидел, как по лестнице спускается жена Роба Мэнди, обеспокоенная суматохой. – Прости, – сказал я ей. – У нас в доме происходит что-то странное. Я вызвал полицию.

Кэрри упала на диван и зарыдала. Мэнди подбежала к ней, села рядом и обняла за плечи.

– Я приготовлю нам всем чай, – произнесла Мэнди и прошла в кухню.

Эта простая и обыденная фраза немного меня успокоила.

Казалось, прошло не больше минуты, когда за окном блеснул синий свет и к дому с шумом подъехала машина. Мы бросились открывать дверь и увидели на пороге двух офицеров в форме, держащих фуражки в руках, – сержанта средних лет и молодого констебля.

Роб пригласил их в дом. Стоя в маленьком коридоре, я принялся объяснять все, что недавно увидел, отмечая, как меняются лица служителей закона, приобретая выражение все большего недоверия. Когда я закончил, был уверен, что кажусь им чокнутым. Сержант сделал небольшой шаг вперед, склонился к моему лицу и несколько раз резко втянул воздух.

– Вы пили, сэр? – не без иронии спросил он.

– Не больше, чем обычно, – ответил я.

– Говорите, выходили из стены, сэр? И что-то несли?

Я смог лишь кивнуть.

– Совсем скоро Рождество, – продолжал офицер. – Возможно, они несли вам рождественские подарки. Там не было кого-то в красном костюме и с длинной белой бородой? Вы не видели оленя на крыше?

Рации обоих затрещали, и это еще раз подсказывало, что все происходит не во сне.

– Мы на Экклстоун, – ответил сержант. – Через пару минут выезжаем.

– Пойдите и посмотрите, – сказал я. – Входная дверь открыта.

Сержант кивнул молодому коллеге и указал взглядом в сторону дороги. Констебль вышел. В этот момент в коридоре появилась Мэнди:

– Я приготовила чай – не выпьете чашечку?

– Нет, благодарю, мадам, – кивнул ей этот циничный коп. – Авария на А-23, нам надо спешить.

Мне стало совсем плохо оттого, что я отвлекаю полицейских от важных дел. Я, Роб и сержант стояли в неловком молчании.

– Хорошие построили дома, – наконец произнес сержант. – Первый раз здесь.

– Мы совсем недавно переехали, – сообщил я.

Через мгновение входная дверь распахнулась и появился молодой констебль. Лицо его было белым как бумага, и он дрожал, как листок на ветке.

– Сержант, – с трудом произнес он. – Я… Я… Я… думаю, вам лучше самому посмотреть. Вдруг мне почудилось.

Офицеры перешли дорогу и направились в наш дом. Я вошел в гостиную и сел рядом с Кэрри. Она все еще рыдала, и я принялся ее успокаивать. Мэнди принесла большую кружку

чая и спросила, не нужен ли сахар или молоко. От ее вопроса мне стало легче, будто на некоторое время я вернулся в нормальную жизнь.

Раздался стук в дверь. Роб пошел открывать, а я поспешил следом.

Сержант стоял в проеме и трясся, как и его коллега. Оба были бледны. Не сразу, но он заговорил:

– Не знаю, что и сказать… мистер… э… мистер Уилсон?

Я кивнул.

– Не похоже, чтобы над вами кто-то решил пошутить, так ведь?

– А вы как думаете? – поинтересовался я.

– Я не… я не видел ни одного воспроизводящего устройства, – сказал констебль. – Например, проектора.

– Не представляю, что и думать, сэр, – продолжал сержант. – Я никогда… со мной… не было такого… никогда… Ни с чем подобным я не сталкивался за все годы службы в полиции. Не знаю, что вам и посоветовать. Подобное случалось раньше?

– Нет, – уверенно ответил я.

– Я… подошел… к этим людям, к одному из них. И прошел его насквозь. Такое чувство, что я оказался в морозильной камере. Думаю, вам пока лучше не возвращаться в дом. Не сейчас, по крайней мере.

Он задрожал всем телом, и у меня по телу побежали мурашки.

– Они могут переночевать здесь, – предложил Роб. – У нас есть гостевая спальня.

Полицейские выглядели так, словно мечтали скорее убраться отсюда, и вовсе не потому, что на А-23 произошла авария, а это главная трасса в Лондон. Я был уверен, что они предпочли бы оказаться в любом другом месте, но подальше от нашего дома. Им явно было не по себе, но я был в определенной степени рад – это означало, что мы с Кэрри не сошли с ума.

Сержант держал в руке блокнот и попытался что-то записать, но пальцы его так тряслись, что, сделав несколько попыток, он бросил.

– Прошу простить, мистер Уильямс – вернее, Уилсон, – обратился он ко мне. – Я в таком же состоянии шока, как и вы. Я… я не знаю… Каково ваше вероисповедание, ваше и миссис Уилсон?

Я признался, что мы заблудшие души, но причисляем себя к англиканской церкви. Меня крестили в раннем детстве, как и Кэрри, но с тех пор мы почти не бывали в церкви, хотя наши родители настаивали, что и Даррена тоже надо крестить.

– Единственное, что приходит на ум, – заговорил сержант, – обратитесь утром к местному викарию, мистер Уилсон. Посмотрим, что он на это скажет.

Остаток ночи мы провели в доме наших великодушных соседей, а утром рискнули вернуться домой. Там все было тихо, ничто не напоминало о ночном кошмаре. Мы быстро сложили необходимые вещи в чемодан и решили временно пожить у родителей Кэрри в Сербитоне.

Позже мы отправились на встречу с викарием, с которым раньше не были знакомы. Он оказался молодым человеком и сначала отнесся к нашей истории скептически. Потом при нас он позвонил в полицию и попросил соединить его с сержантом, который приезжал ночью на вызов. К сожалению, того не оказалось на месте, как сообщили, он должен был заступить на смену вечером.

В семь часов в конце дня викарий позвонил в дом родителей Кэрри и дрожащим голосом сообщил, что офицер подтвердил все, что мы рассказали, в связи с чем он собирается

обсудить нашу ситуацию с заклинателем Фрэнсисом Уэллсом и надеется получить от него совет.

Прошла неделя, но нам никто не позвонил. Кэрри даже начала сомневаться в том, что мы действительно все видели, хотя у нас и были свидетели. Наконец с нами связался Фрэнсис Уэллс и попросил разрешения встретиться с нами в нашем доме. Он настаивал, что мы непременно должны прийти оба.

Мы уже попытались собрать о нем информацию и узнали, что он весьма уважаемый священнослужитель, занимающийся именно паранормальными явлениями, а также получивший научную степень по психологии в Оксфорде. Родители его были медиками. У нас сложилось мнение, что он человек, знакомый с подобными феноменами и способный мыслить рационально, поэтому мы с Кэрри успокоились.

Жена привезла нас к дому на моем фургоне, но отказалась зайти внутрь. Была середина дня, но и я побоялся идти в одиночку. Мы решили подождать на улице. Через двадцать минут к дому подкатила ярко-красная «альфа-ромео», из которой вышел привлекательный мужчина чуть за тридцать, одетый в строгий костюм. У него были прекрасные манеры, и общаться с ним было легко.

Фрэнсис Уэллс оказался совсем не таким, каким мы ожидали. Возможно, мы думали увидеть священника в рясе с колокольчиком, Библией и свечой, нечто похожее на героя из фильма «Экзорцист». Фрэнсис Уэллс же был обычным, простым и участливым, он сразу же выразил соболезнования по поводу потери нашего сына. Затем попросил разрешения войти внутрь и осмотреть место, где происходят явления.

Мы пригласили его в дом, хотя ни я, ни Кэрри не сделали и шага за пределы гостиной. Мы сели на диван, нам обоим было неуютно в этом доме, а мистер Уэллс поднялся наверх. Прошла, наверное, вечность, прежде чем он вернулся и опустился в кресло напротив. Кэрри смогла найти в себе силы приготовить нам кофе. Когда перед нами стояли чашки и вазочка с печеньем, мистер Уэллс заговорил спокойно, почти ласково, прежде улыбнувшись и успокоив нас с женой, объяснив, что с нами все в порядке, мы в своем уме.

Он передал нам молитвы, которые надо было читать, и, похоже, совсем не обиделся, когда мы приняли их с благодарностью, но заметили, что никогда не были людьми религиозными. Он был очень благодушно настроен и все понимал.

– В этом нет ничего страшного, – широко улыбнулся мистер Уэллс и сделал глоток кофе. – Итак, Джефф и Кэрри, я только что был наверху и видел все, что мне нужно. Я изучил историю района, в котором расположен ваш дом, и могу предложить вам одну версию причин происходящего. Полагаю, вы оба посещали в школе уроки истории, верно?

Я подтвердил это, отметив, что предмет никогда меня не интересовал. Для Кэрри же, напротив, история была одной из немногочисленных дисциплин, которые она любила. Заклинатель посмотрел на жену и одобрительно кивнул.

– Вы знаете о Великой чуме? Эпидемии бубонной чумы?

– Я помню песенку, которую мы пели в школе. «В 1665-м никто не уцелел. В 1666-м Лондон дотла сгорел».

Заклинатель улыбнулся:

– Именно так и было. Но до этого, на три сотни лет раньше, в Англии и Ирландии была эпидемия бубонной чумы, называемая Черная смерть. Она унесла жизнь более тридцати процентов населения. Во всех городах и деревнях были вырыты огромные ямы для захоронения трупов. Так вот, по моим сведениям, эти новые дома построены как раз на месте такого древнего могильника. А ваш дом находится в том месте, где хоронили умерших детей.

Мистер Уэллс также добавил, что затрудняется сказать, была ли причина скоропостижной кончины нашего сына Даррена в негативной энергии погибших младенцев или родителей, приносивших их сюда.

Мы выставили дом на продажу и ничего не рассказали будущим хозяевам о произошедшем. К счастью, ими оказались супруги средних лет без детей. Теперь мы живем в тридцати милях от этого места и стараемся никогда не бывать в тех краях».

Портрет призрака

Этот придуманный мной рассказ основан на второй реальной истории, рассказанной мне Фрэнсисом Уэллсом, заклинателем англиканской церкви, после того, как я спросил его, сталкивался ли он в своей практике с таким паранормальным явлением, которому не нашел рационального объяснения и которое подтверждало бы жизнь духа после физической смерти человека. Как и прежде, для сохранения анонимности героев я меняю их имена, а также и название места, где происходили нижеизложенные события. Скажу лишь, что случилось это вскоре после того, как Уэллс был назначен на пост в Суссексе.

Мэг Райерсон стояла в саду рядом с мужем Полом и агентом по недвижимости и думала, что этот дом выглядит слишком мрачным. Они обошли его и вновь оказались у главного входа, затем по узкой дороге миновали ворота со стоящими рядом мусорными баками.

Дом необходимо ремонтировать, да и сад, вполне приличный по размеру, уже совсем зарос. Впрочем, Мэг это не смущало, она всегда мечтала иметь сад. Улица ей понравилась, тихая и светлая, вдоль нее располагались большие особняки на две семьи, коттеджи и небольшие дома, как номер 8. Странным было то, что даже в такое солнечное утро дом выглядел так, словно находился в тени. Мэг хорошо умела работать с цветом, это было одной из сильных ее сторон во время учебы в художественной школе десять лет назад.

Она стояла на тротуаре и думала, что, возможно, причина в том, что стены облицованы серой штукатуркой с каменной крошкой. Что ж, это не столь важно.

Дом не подходил им по большинству требований. Она мечтала о другом, о чем-то оригинальном, например, как виллы в Ридженси-Террас в Клифтоне. Элегантные, хранящие историю, с тентами над окнами, смотрящими в сторону моря. И они посетили несколько таких домов – за последние три месяца поисков вообще видели немало, – но все они были вне их ценового диапазона.

Этот дом в стиле эпохи короля Эдуарда с четырьмя спальнями – две из них совсем крошечные – располагался на хорошей, но какой-то скучной улице, уходящей на юг от Дайк-Роуд-авеню в Брайтоне. Кроме того, он отвечал лишь двум требованиям из всего списка. Во-первых, на территории был симпатичный флигель, где можно было оборудовать студию для Мэг, во-вторых, их устраивала цена – и только.

– Это определенно дом с характером, – говорил агент. – Да и место очень популярное. Всего в нескольких шагах от спортивной площадки и парка Хоува. Вы могли бы отремонтировать его, и получилось бы очень красивое жилье.

– Расположение… – задумчиво произнес Пол. – Говорят, в доме самое главное расположение, расположение и еще раз расположение, не так ли?

Он посмотрел на агента, который согласно закивал.

Мэг натянуто и совсем не весело улыбнулась и попыталась представить, каково было бы жить в этом доме.

– И самое главное – стоимость, – не унимался агент. – Хозяева готовы торговаться.

Пол и Мэг отошли на несколько шагов, чтобы их разговор не мог услышать агент.

– Дорогая, у тебя потрясающий вкус. Мы могли бы переоборудовать дом и через пару лет продать его значительно дороже, и тогда рассмотреть другие варианты, например в Клифтоне.

Мэган оглядела псевдотюдоровские фронтоны, черепичный навес, перевела взгляд на ворота гаража. В ней зрел конфликт эмоций и разума. В принципе, Пол прав – покупка очень выгодная. Дом окружен большим садом с тремя вековыми деревьями, в дальнем углу павильон, где она сможет сделать студию. Только вот…

Только…

Этот район все же пригород.

Кажется, Джон Леннон сказал: «Жизнь – это то, что происходит с вами, пока вы строите другие планы».

Что будет, если они приобретут дом, а через два года не смогут его продать по каким-то причинам? Мэг по собственному опыту знала, что в жизни не всегда бывает так, как ты задумал. Вдруг им придется остаться в этом доме на многие годы? Или даже до самого последнего дня? Смогут ли они быть здесь счастливы?

Внезапно она почувствовала себя неблагодарной. В этом городе немало людей, которых такое приобретение осчастливило. Кроме того, ей невероятно повезло, что у нее есть муж, который работал как вол, занимаясь тем, что ему не очень и нравилось, – служил бухгалтером в небольшой фирме в Брайтоне – и все для того, чтобы она могла реализоваться как портретист, о чем всегда мечтала. Что ж, дом совсем не такой, как она хотела, но ведь они еще молоды – ей тридцать один год, а Полу тридцать три – у них все впереди. К тому же, если у них в скором времени будет большая семья, то место очень подходит для жизни с детьми.

– А почему хозяева его продают? – спросила она агента. – Насколько я помню, они прожили в нем чуть больше года, верно?

– Муж работает экономистом в нефтяной компании. Как я понял, ему предложили контракт на три года в Абу-Даби, у него появился шанс заработать неплохие деньги и уйти от налогов. Решение необходимо было принять незамедлительно. Они уже уехали и бросили все – ковры, шторы… Мне также поручено сообщить новым владельцам, что они готовы продать вам и мебель по разумной цене, если пожелаете.

– Ковры и шторы стоят немалых денег. – В Поле проснулся бухгалтер. – Мы сможем сэкономить несколько сотен.

Мэган кивнула. Ни одна из комнат в доме не была обставлена в соответствии с ее вкусом, но обстановку можно со временем поменять. Возможность не тратить сейчас деньги на покупку штор была очень кстати, но не настолько, чтобы стать решающим фактором в покупке дома, который не нравится.

Все же она была вынуждена признать, что в одном агент прав. Дом продается по очень выгодной цене, и, если долго думать, могут найтись другие желающие.

Они переехали в пятницу в конце мая. К тому времени мнение Мэг существенно изменилось в лучшую сторону, и она уже стала задумываться, как они встретят здесь Рождество. Столовая была достаточно большой для того, чтобы свободно разместились десять человек, что было невозможно в их квартире в Кемптауне, где едва помещалось шестеро. Они смогут пригласить родителей Пола, ее брата, сестру с мужем и четырехлетним малышом. Волшебно!

В субботу привезли их вещи: старомодные кухонные шкафы, мебель в спальню и гостиную. Столовая, две гостевые спальни и гараж были заставлены нераспакованными

коробками, привезенными работниками компании, занимавшейся их переездом. Летний флигель в саду – на самом деле больше похожий на сарай – был совершенно непригоден для жилья, поэтому Мэг решила временно устроить студию в гостиной на первом этаже. Сюда она перенесла мольберт, а краски разложила на старой консоли.

Когда настало время дневного чая, оба были измотаны, но с нетерпением ждали вечера и встречи в модном рыбном ресторане в Гранд с друзьями Тимом и Салли Хопвуд.

Последние несколько недель Мэг только и занималась тем, что упаковывала, складывала, разбирала. Она была в пыли с ног до головы и уже не надеялась вновь стать похожей на человека. Но сегодня решила, что приложит для этого все усилия! Ведь они в новом доме – собственном доме – и могут начать новую жизнь! Дом ей уже почти нравился, нравился вид из окна их спальни на большой сад с флигелем в дальнем углу под тремя вековыми деревьями – придет время, и она оборудует там для себя студию. Мэг начала строить планы по устройству сада, непременно с небольшим прудиком, огородом за кирпичной стеной и живой изгородью.

Пол был в одной из крошечных комнат наверху, в которой решено было оборудовать для него кабинет, и работал за компьютером. Мэган вышла из душа, в халате, с полотенцем на голове, завернутым как тюрбан, прошла к туалетному столику, села и принялась наносить макияж.

Через мгновение она похолодела. По телу пробежала дрожь.

В зеркале она отчетливо видела рядом с собой женщину средних лет, стоящую на одной ноге, опираясь на костыли. Женщина смотрела на Мэган с любопытством, словно ей было крайне интересно, что та делает.

Мэг замерла, боясь пошевелиться. Ей стало холодно, будто внутрь поместили кусок льда. Она повернулась, но никого не увидела.

Почувствовала, как по спине поднимается морозный холод. Кожа покрылась мурашками, которые даже причиняли боль. Она физически ощущала, как волосы на голове поднимаются, словно их тянет вверх, как магнитом.

Первым желанием было позвать Пола.

Потом она решила, что будет выглядеть глупо, когда расскажет ему, что видела. Кроме того, мужу отлично известно, что она недолюбливает дом и согласилась на покупку лишь ради хорошего вложения денег. Обладая логическим мышлением, Пол найдет происходящему рациональное объяснение, которое ей и преподнесет.

Поэтому Мэг ничего не рассказала.

Они отправились на ужин с друзьями и отлично провели время. В такси, когда они возвращались домой в чудесном настроении, чему способствовали два бокала эксклюзивного вина, Мэг уже и не помнила, что произошло в спальне. Теперь ей казалось, что это был плод ее богатого воображения. Они легли спать, все было изумительно. Воскресенье прошло очень хорошо. И понедельник тоже.

Во вторник один из клиентов Пола пригласил их на ужин в ресторан отеля «Дю Вин» в Брайтоне. Муж заранее предупредил ее, что этот человек весьма значимая фигура в международных средствах массовой информации, богат и влиятелен, и просил ее выглядеть сногсшибательно.

После нескольких часов шопинг-терапии, которой она посвятила время в понедельник, в половине седьмого Мэг сидела у туалетного столика, нанося последние штрихи. И тут она опять увидела в зеркале одноногую женщину, стоящую прямо у нее за спиной.

Мэган резко повернулась на стуле.

И опять никого.

Однако на этот раз она была совершенно точно уверена, что это не плод ее воображения.

Когда они ехали в такси на ужин, она была уже готова обо всем рассказать мужу, но ее сбил с мысли водитель своим неожиданным вопросом:

– Приятные духи, мадам. «Армани Код»?

– Да! – ответила она, польщенная. – Откуда вы знаете?

– О, я в этом разбираюсь, да…

Мэг улыбнулась Полу, сжала его руку и прошептала:

– Мне надо тебе кое-что сказать.

– Что же?

– Лучше не сейчас.

– Нет, я внимательно слушаю!

Незадолго до полуночи они подъехали к дому в такси, вошли и заперли дверь. И тогда, возбужденная большим, нежели обычно, количеством выпитого вина, Мэг рассказала мужу о том, что видела в воскресенье и сегодня.

Возможно, потому, что Пол был пьян, он не отнесся к ее словам скептически, как она ожидала.

– Если ты видела ее так отчетливо, дорогая, почему бы тебе не написать ее портрет?

– Возможно, я так и сделаю, – задумчиво произнесла Мэган.

Несмотря на головную боль, следующим утром она взяла новый холст, подошла к мольберту и набросала карандашом голову женщины и плечи. Она помнила ее так отчетливо, будто видела полчаса назад. Это была красивая женщина пятидесяти с небольшим лет, лицо ее обрамляли волнистые темные волосы с проседью. На ней был мягкий кардиган поверх кремовой блузы. Мэг задумалась на несколько мгновений и вспомнила грусть в ее глазах. Она кого-то напоминала ей, но кого? Возможно, так выглядела бы младшая сестра Джоан Коллинз, только менее элегантная и не такая яркая.

Мэган была так поглощена работой, что не заметила, как пролетели два часа. Раздался звонок в дверь, заставляя вернуться к действительности. Раздраженная тем, что ее отвлекают, она сначала решила не открывать, но вспомнила, что заказала в интернет-магазине всякие хозяйственные мелочи, и, поморщившись, встала и пошла к двери.

К ее удивлению, на пороге стояла приятная женщина лет шестидесяти, с серебряными из-за седины волосами. Она была одета в мешковатую куртку от спортивного костюма, бесформенные коричневые брюки и кроссовки.

– Здравствуйте, – произнесла она. – Я Дженни Марплз. Мы с мужем живем прямо напротив вас, в доме номер 17. А еще я слежу за порядком на нашей улице, в качестве общественной нагрузки. Вот решила зайти и поздороваться с новыми соседями!

– Рада познакомиться, – вежливо ответила Мэг. Она и сама подумывала о том, чтобы обойти всех соседей и представиться. Она пригласила Дженни войти и выпить чаю, что было принято с неожиданным восторгом.

Мэг со смущением проводила гостью в кухню, ей было неловко, что здесь все еще не вполне устроено и не очень чисто. Часть стола завалена посудой и утварью, которым она никак не могла найти место. Когда Мэг поставила чайник, Дженни спросила:

– С предыдущими хозяевами дома мы так и не познакомились, они ведь совсем недолго здесь прожили. Мы даже не успели узнать их имена, а они уже исчезли! Мне сказали, улетели за моря-океаны.

– В Абу-Даби. Молоко? Сахар?

Мэг поставила на поднос чашки, высыпала из пакета конфеты на десертную тарелку и прошла с Дженни в гостиную.

– Вы художница? – воскликнула та.

– Пытаюсь ею стать. Надеюсь получить признание.

– Вы талантливы! – улыбнулась восторженная соседка. – Правда…

Подойдя ближе к мольберту, она замолчала и, нахмурившись, повернулась к Мэган:

– Это вы нарисовали или нашли потрет в доме?

– Я. – Мэг пристроила поднос на кофейный столик. – Пока только наброски. – Она отпрянула, натолкнувшись на странный взгляд Дженни Марплз. – «Нашли в доме»? Что это значит?

– Э-э-э… это поразительно! Понимаете… – Голос соседки срывался. Она внимательно посмотрела на Мэг. – Это ваша знакомая?

Мэг покраснела.

– Не совсем, вернее, нет, я… – Она вгляделась в глаза Дженни и смутилась еще больше, когда та опять перевела взгляд на портрет.

– Это Элвин! – выпалила она. – Элвин Хьюз! Это действительно вы нарисовали?

– Я.

– Невероятное сходство. Я хотела сказать, это невозможно. Но это она!

– Элвин Хьюз?

– Должно быть, вы срисовали откуда-то? Например, с фотографии.

– Простите, но я вас не понимаю.

– Она жила здесь!

Мэг почувствовала, как кожа покрывается мурашками.

– Когда… когда жила?

– А вы не знаете?

– Я не знаю. Прошу вас, скажите.

Женщины сели друг напротив друга на диваны, и Дженни по-прежнему смотрела на Мэган как-то странно, а время от времени косилась на портрет.

– Вы не в курсе? Агент по недвижимости вам не рассказал?

– Он сообщил лишь, что предыдущие хозяева прожили в доме недолго. Вскоре после того, как они переехали, мужу предложили выгодный контракт, и они на пять лет уехали в Абу-Даби. Пол, мой супруг, объяснил, что они были вынуждены продать дом, в противном случае не смогли бы отправиться в место, где будут свободны от налогов.

Дженни Марплз кивнула.

– Вполне логичное объяснение. Они были приятной парой, могли стать хорошими соседями. Мы все расстроились, когда они так внезапно уехали. – Она сделала глоток чаю и взглянула на часы.

– А что агент скрыл от нас? – решилась поинтересоваться Мэг.

– О, это все так печально, так печально. Элвин с мужем поселились здесь почти одновременно со мной и моим супругом Клайвом. Дом ей очень нравился – ну, вы понимаете. – Она заговорщицки посмотрела на Мэг. – Район исключительный. Многие мечтают жить в Хоув-4. Элвин рассказала мне, что им пришлось отдать все, что у них было, ради покупки этого дома, однако у ее мужа была хорошо оплачиваемая работа, дети выросли и жили самостоятельно, поэтому она надеялась, что через несколько лет их финансовое положение станет стабильным. К несчастью, все сложилось хуже, чем можно было ожидать.

Женщина взяла чашку и несколько секунд молчала.

– Что же случилось? – не выдержала Мэг и опасливо покосилась на портрет.

– Она сказала мне, что они едут в Йоркшир, чтобы провести пасхальные выходные с родителями мужа в Хэрроугейте. На обратном пути на М-1 они попали в ужасную аварию, которые случаются на автотрассах. Их сзади протаранил грузовик и буквально вмял в ту машину, которая ехала перед ними. Муж погиб мгновенно, а Элвин оказалась заблокирована в машине, ей сдавило ноги. Правую пришлось ампутировать.

У Мэг было такое ощущение, будто ее бросили в ванну со льдом. Она мгновенно вспомнила, что женщина в зеркале стояла на одной ноге. На левой. Мурашки теперь покрывали все тело.

– Бедная женщина, – пролепетала она. – Бедная, бедная…

– Да, это ужасно.

Дженни допила чай, и Мэг предложила еще чашку. Соседка с тревогой посмотрела на часы:

– Боюсь, мне пора. Надо быть на собрании благотворительного комитета по сбору средств.

Мэган обратила внимание, что та смотрит на портрет так, будто видеть его ей неприятно.

– Так грустно, ведь Элвин очень любила этот дом. Но ни банк, ни ипотечная компания не проявили сочувствия. У ее мужа не было страховки, вернее, она была, но из-за сложного финансового положения им пришлось прекратить выплаты. Элвин пыталась найти работу, чтобы как-то выплачивать деньги по ипотеке, но кому нужна немолодая женщина с одной ногой? У нее должны были отобрать дом. Ей было бы лучше им это позволить и купить на полученные деньги небольшую квартирку, но бедняжка не смогла этого вынести. Она повесилась в спальне.

Продолжая повествование, хочу привести рассказ о дальнейших событиях Фрэнсиса Уэллса.

«Ко мне обратился преподобный Майкл Карсил, викарий церкви Доброго Пастыря и приходской священник района Хоув-4 в Брайтоне и Хоуве. Рассказанная двумя его прихожанами Полом и Мэг Райерсон история показалась ему правдоподобной, но он не представлял, как поступить. Он предложил мне лично встретиться с супругами.

Я посетил их чудесный дом, оба совсем не показались мне людьми, живущими в мире фантазий. Они, как и все члены их семей, принадлежали к англиканской церкви, хотя и не были из тех, кто строго следует заветам. Пожалуй, Мэг была человеком более верующим, чем Пол, – хотя я не хочу сказать, что он вовсе был далек от Бога; на мой взгляд, он скорее был агностиком.

Я выслушал их рассказ о явлении Мэг одноногой женщины и последующем разговоре с соседкой. Затем лично осмотрел портрет и сравнил его с фотографиями покойной Элвин Хьюз, которые мне удалось получить, и пришел к выводу, что, вне всякого сомнения, это один и тот же человек.

По моему заключению, учитывая способ ухода из жизни миссис Хьюз – самоубийство, ее дух остался привязанным к этому миру: говоря языком людей непосвященных, дух не понял, что тело прекратило существование, и пытается найти его на знакомой территории. Несмотря на то что дух не делал ничего плохого, одно его появление нервировало Мэг и Пола и

негативно отражалось на качестве их жизни. После более детального выяснения я понял, что оба уверены в том, что видели эту женщину.

Никто из супругов в ближайшие два года не терял близких, оба они производили впечатление людей здравомыслящих и умных.

Я также узнал о бегстве из дома предыдущих владельцев, которым стало известно о смерти миссис Хьюз, а также заключении коронера о самоубийстве, к которому несчастную подтолкнуло помутнение рассудка.

Я счел необходимым, прежде любых других действий, отслужить заупокойную мессу, причем именно в доме и в той комнате, где было замечено явление призрака.

3 июня я прибыл в дом Райерсонов в сопровождении молодого викария – человека в высшей степени разумного, получившего образование инженера, к тому же, как мне стало известно из нескольких весьма увлекательных бесед, он, как и я в его годы, не всегда был согласен с библейской концепцией Бога.

Итак, если хотите, два скептика пришли помочь двум другим скептикам, только очень напуганным и запутавшимся. Я подошел к решению этого вопроса вполне традиционно. Нам предстояло отслужить заупокойную мессу, полный ее вариант, согласно всем традициям англиканской церкви, результатом которой должно было стать окончательное освобождение духа.

Мы разложили на столе перед нами все необходимое и приступили к таинству, Пол и Мэг стояли напротив. Ближе к концу, когда я разломил хлеб и собирался взять вино для причастия, супруги внезапно побледнели. Я заметил, что они смотрят на что-то за моей спиной, повернулся и, к огромному удивлению, сам увидел одноногую женщину на костылях. Она растерянно мне улыбнулась, будто не понимая, что ей делать.

Неожиданно для самого себя я произнес: «Теперь ты свободна».

Она опять улыбнулась и начала растворяться, пока не исчезла полностью, как показывают в кино. Я повернулся к Райерсонам.

– Невероятно! – воскликнула Мэг.

– Я глазам своим не верю! – добавил Пол.

– Что вы видели? – спросил их я.

Наперебой супруги описали именно то, что видел я сам. Через год я был приглашен в их дом на роскошный ужин. Дом был совсем другим. И дело вовсе не в полном изменении отделки и мебели. В доме ощущалась положительная энергия, чего не было раньше.

Я часто вспоминаю тот день, когда увидел одноногую Элвин Хьюз. Было ли это лишь плодом моего воображения? Полагаю, нет. Но в таком случае что же я видел? Привидение?

Да, я думаю, именно так».

Главное – все делать вовремя

Наконец наступил вторник. Вторник всегда был самым важным днем недели для Ларри Гудмена, но этот не наступал особенно долго. Он был взволнован, как большой ребенок, а в животе порхали бабочки. Осталось недолго! Он побрился особенно тщательно, чем обычно, использовал больше, чем обычно, одеколона от Булгари, который любила его дама сердца, быстро оделся и позавтракал.

В семь часов утра он поцеловал на прощание жену Элейн, кормившую грудью их новорожденного сына Макса. Она пожелала ему хорошего дня на работе. Он заверил ее с широкой улыбкой, что непременно так и будет, и в прекрасном настроении покинул их шикарный дом на Статен-Айленд. Утро было прекрасным, теплым, а небо безоблачным, отчего настроение стало еще лучше, если такое вообще возможно.

О да, сегодня чудесный день – ну, по крайней мере, утро точно!

Через сорок минут он сошел с парома на Манхэттене, доехал на метро до Пятьдесят седьмой улицы и прошел немного пешком до отеля «Холидей-Ин». Секретарша должна была его прикрыть, как делала каждое утро вторника и пятницы, сообщая всем, что у него деловой завтрак с одним из клиентов.

Телефон просигналил – пришло текстовое сообщение, как раз в тот момент, когда он входил в фойе.

«21:30. Целую».

Он опасливо огляделся, но увидел лишь группу японских туристов, компанию пожилых леди и пару с рюкзаками за плечами у стойки портье. В таких местах не бывают крупные игроки с Уолл-стрит, как и известные адвокаты.

Он отправил ответ:

«Раздевайся».

Поднимаясь в лифте на двадцать первый этаж, он чувствовал, как нарастает внутри возбуждение – и радость.

Опять пришло сообщение:

«Уже. Поспеши, или начну без тебя».

Ларри усмехнулся. Марси была самой порочной женщиной из всех, что он знал. И у нее было лучшее в мире тело. И самое красивое лицо. И самые прекрасные, длинные, шелковистые волнистые волосы. А вкус ее тела сводил с ума.

Они всегда встречались здесь, в этой непримечательной гостинице, где никто из них не рисковал встретить знакомых. Марси не приходилось лгать мужу, поскольку он в последнее время, по ее словам, был так занят собой, что редко интересовался, как прошел ее день, не говоря уж о расспросах, чем она занималась.

С Элейн все обстояло по-другому. Она хотела знать, чем занимался Ларри, во всех подробностях, поскольку целый день проводила с Максом. Она звонила мужу раз в несколько часов, спрашивала, где он, как проходит встреча, рассказывала о Максе, который совсем недавно стал ползать. К счастью, его секретарша Эрин была стойкой, как скала.

Ларри до дрожи боялся развода. Он уже пережил один четыре года назад, он едва не разорил его, причиной же стал его роман с Элейн. Ему надо быть осторожнее с этой женой, поскольку она терпеть не могла, когда ее дурачат, да и глупой тоже не была. Элейн была очень успешным адвокатом по бракоразводным процессам, известная в своих кругах бульдожьей хваткой, всем ее коллегам было отлично известно, что ни один из мужей ее клиенток не уходил, пока из него не вытрясали все, что только возможно.

Элейн было скучно дома с ребенком, но это не должно было продлиться долго – она собиралась в ближайшее время вернуться к работе. Ларри с нетерпением ждал этого дня, поскольку тогда назойливые звонки прекратятся. С самого начала их романа они были для него большой проблемой, Элейн всегда была очень подозрительна, и сейчас у нее есть время и право за ним следить.

Двери лифта распахнулись, и он вышел в коридор. Оглядевшись, двинулся в нужную ему сторону, попутно вытаскивая изо рта жевательную резинку и пристраивая ее в носовой платок в кармане.

Когда перед глазами появились цифры 2130, сердце забилось сильнее. Он задержался на несколько секунд, прежде чем войти, чтобы посмаковать еще немного этот сладкий момент предвкушения. За дверью играла музыка.

Марен не могла жить без музыки, она каждый раз приносила с собой МП3-плеер и портативные колонки. Он уловил звуки песни «Уэт, уэт, уэт» «Любовь повсюду», ставшей для них особенной. Банально, но очень приятно им обоим.

Ларри постучал.

Дверь распахнулась почти мгновенно, и он вскрикнул от возмущения:

– Ты мне солгала!

Так и было.

Она не была голой. По крайней мере, не абсолютно. На ней был пояс с подвязками и серебряное колье – его подарок. Это все.

Захлопнув дверь ногой, он сразу же опустился на колени, уткнулся ей в живот и принялся ласкать ее языком.

Марен вскрикнула. Он вдыхал аромат ее тела, наслаждался вкусом.

– О боже, Марен!

– Ларри!

Она так сильно сжала руками его плечи, что он испугался возможных следов на коже. Как он объяснит их Элейн? В этом была опасность Марен – временами она совершенно теряла над собой контроль.

Когда он поднялся, она попыталась рывком снять с него одежду и прижалась к его губам. Их языки, встретившиеся после долгой разлуки, двигались с бешеной скоростью. Рука ее скользнула вниз, под резинку его трусов.

– Кто-то рад меня видеть!

– Кто-то очень рад! Кто-то чуть с ума не сошел от тоски по тебе за выходные.

Шатаясь, они прошли по комнате, и, запутавшись в брюках, болтавшихся у лодыжек, он упал на кровать.

– Паршивые были выходные, – произнесла она. – Боже, я так по тебе скучала, мечтала, как мы будем любить друг друга.

– И я скучал по тебе, милая.

– Возьми меня сзади.

Он взял ее сзади. Затем перевернул и опять взял ее. Потом сполз с кровати, встал на колени и погрузил язык глубоко в ее лоно. Потом она была сверху.

Наконец, насытившись друг другом, они лежали в мягкой постели в объятиях друг друга.

– Ты самый лучший.

– Ты тоже.

Ван Моррисон пел «Такие дни, как этот», а Ларри думал: «Да, вот это жизнь. В такие дни только и чувствуешь, что по-настоящему живешь».

– Ты лучший любовник на свете.

– Смешно, я думал о том же самом, только о тебе.

– Ты и ведь и раньше это делал? – усмехнулась Марей.

– Нет, только читал в журналах.

Она улыбнулась:

– Как провел выходные?

– Отлично. Макс на меня срыгнул. Два раза.

– Как мило. – Она провела кончиком пальца по его лбу.

– Но ты ведь его любишь?

– Люблю. Знаешь, удивительно осознавать себя отцом.

– Я уверена, ты самый лучший отец.

– Хотел бы им стать, – пробормотал он и посмотрел на часы. Когда они были вместе, время летело особенно быстро. Совсем недавно, буквально несколько мгновений назад было восемь часов. На 11:30 у него запланировано заседание совета. Осталось лишь несколько

минут, а потом надо встать, принять душ, одеться и возвращаться в реальность, опять спускаться в метро и ехать в центр, погружаться в работу менеджера инвестиционного фонда. И ждать встречи с Марен до пятницы.

– Что там происходит? – сказала она. – Почему сирены за окном?

Он почти не слушал ее, думал о встрече с клиентом во второй половине дня. Это был самый важный его клиент, грозящий перевести большую часть средств в конкурирующую фирму.

Встречи с Марси плохо отражались на его работе, он знал это.

Обычно в 7:30 он уже был на рабочем месте, изучал изменения на рынке и отчеты аналитиков. Дважды в неделю он этого не делал, в результате один клиент возмущен и недоволен.

Он отвлекся от своих мыслей, чтобы еще немного послушать Вана Моррисона и насладиться последними мгновениями рядом с Марси. И тогда он услышал вой сирен. Их было много.

Внезапно зазвонил его телефон.

Перекатившись на кровати, он посмотрел на экран:

– Черт. – Это была Элейн. Он сбросил звонок.

Через несколько секунд телефон зазвонил вновь.

Он снова сбросил.

И опять звонок.

Он повернулся к Марси и прижал палец к губам:

– Это она. Третий раз звонит. Мне лучше ответить, иначе будут проблемы.

Она выключила музыку, и они отчетливо услышали какофонию сирен за окном.

– Привет, дорогая, – произнес он в трубку. – Все в порядке?

Элейн была в панике.

– Ларри! Бог мой, Ларри, с тобой все нормально?

– Конечно! Все хорошо! Замечательно, а почему ты спрашиваешь?

– Ты где?

– В офисе, у меня скоро совещание.

– В офисе?

– Угу-

– Ты в офисе?

– Да, да, в офисе, милая.

В трубке повисла тишина. Затем Элейн закричала, переходя на визг:

– Значит, ты в офисе?

– Да, говорю же. Что случилось? У вас все нормально? Макс в порядке?

– И тебя не ударило по голове?

– Ударило по голове?

– Ты ведь в офисе?

– Да, черт, в своем кабинете!

– И что ты видишь?

– Что я вижу?

– Да, скажи, что ты видишь из своего чертова окна? – настаивала Элейн.

– Вижу голубое небо. Ист-Ривер. Я…

– Ты лжешь! – Она отсоединилась.

Марей повернулась к окну.

– Почему столько сирен? – задумчиво произнесла она, взяла телевизионный пульт и нажала кнопку. Экран ожил, и она переключилась на новостной канал.

Перед ними возникло испуганное лицо репортера с микрофоном в руке, на заднем фоне было здание, которое Ларри сразу узнал. Именно там находился офис его фирмы. На восемьдесят седьмом этаже Южной башни Всемирного торгового центра. Корреспондент еще не видела, как здание за ее спиной рухнуло, сложившись внутрь. Мимо в панике бежали люди, серые от пепла и пыли, некоторые с окровавленными лицами.

– Черт… что… что это?.. – пробормотал Ларри, переводя взгляд на «таг хоер» на запястье, которые точно указывали время и дату.

Сейчас было 9:59 утра 11 сентября 2001 года.

Уроки живописи

Это правдивая история, произошедшая в 1962 году.

Мне рассказал ее один из друзей, чей отец занимался продажей произведений искусства и был человеком довольно известным. Я лишь изменил имена и еще кое-что, совсем немного.

Галерея «Денемпонт» располагалась на Альбемарль-стрит в Мейфэре, где, наряду с соседней Корк-стрит, находятся лучшие художественные галереи Лондона. Та, о которой пойдет речь, специализировалась на работах французских импрессионистов только с безупречной историей, ни один человек во всем Лондоне не знал больше об этом направлении, чем ее владелец – Джеймс Девере Денемпонт.

Желающие продать картины прежде шли к нему, возможно из-за его репутации или самых высоких цен, которые они получали у него либо сразу, либо когда картина была продана – также по рекордной цене. К нему предпочитали обращаться и потенциальные покупатели, зная, что сделка будет выгодной во всех смыслах.

Денемпонт был мужчиной дородным, начинающим лысеть, весельчаком и бонвиваном пятидесяти пяти лет, любителем двубортных костюмов в полоску из магазинов на Сэвил-Роу, рубашек от Тернбулл и Ассер и ботинок ручной работы от Лобб. Галстуки он предпочитал лососевого или огуречного зеленого цвета «Гаррик-клаб», в котором непременно обедал ежедневно в течение рабочей недели. Как и в этот четверг в июне. Он уже собирался покинуть кабинет, располагавшийся над галереей, и намеревался в этот солнечный день прогуляться до Гаррик-стрит через Лестер-сквер, что заняло бы не более пятнадцати минут, когда просигналил селектор. Звонила его секретарша.

– Мистер Денемпонт, в галерею только что вошла дама, которая требует встречи с вами.

– Не могла бы она зайти позже, Анджела? Я собираюсь на ланч.

– Я так и сказала, но мадам ответила, что дело срочное, а днем она улетает в Италию. – Затем она добавила тем тоном, которым говорила в случае, когда дело было крайне важным: – Полагаю, вам необходимо ее принять.

– Хорошо, – раздраженно ответил он. Ему предстоял ланч со старым другом и важным клиентом Ангусом Хобартом, наследным пэром, которого он не мог заставить ждать. – Скажи, что у меня только пять минут. Мне спуститься?

– Мадам хотела бы поговорить наедине.

– Разумеется, проводи ее наверх.

Затушив утреннюю «Монтекристо» в пепельнице, он встал, застегнул жилет, надел пиджак и, обойдя стол, прошел к двери. Через несколько секунд она распахнулась, и секретарша пропустила вперед высокую элегантную даму лет пятидесяти.

Она была одета стильно и со вкусом, которым обладают только богатые европейцы, при этом женщина была еще и красива. Несмотря на теплый день, она была в перчатках.

– Мистер Денемпонт? – произнесла она с приятным итальянским акцентом. – Я графиня Роми Ди Валиериа Массино. – Она протянула руку, которую он пожал, а затем предложил гостье сесть в кресло у стола. Сам он расположился напротив, через стол, на прежнем месте и многозначительно посмотрел на часы.

– Чем могу помочь, графиня?

– Я знаю, что у вас назначена встреча, – начала она, – поэтому не задержу вас дольше нескольких минут. Ваше имя назвал моему мужу Маркус Ли-Хойе и посоветовал обсудить вопрос с вами.

Ли-Хойе был его другом, тоже галеристом, его специализацией были полотна ранних голландских мастеров, и он не относился к числу тех людей, которые стали бы тратить время понапрасну.

Денемпонт почувствовал легкий интерес, и вскоре он стал расти.

– О да, Маркус достойный человек, – сказал он.

– Несомненно. Мы с мужем купили у него много картин.

Даже если бы она сказала, что они купили у Ли-Хойе одну работу, он был бы впечатлен, а его не так просто было удивить. Но слово «много» обладало положительным свойством его радовать. По большей части это было связано с деньгами, поскольку, как он ни любил искусство, деньги он любил еще больше. Если вы решили что-то купить в галерее Маркуса Ли-Хойер на Крок-стрит, то это означает, что вы готовы расстаться самое малое с четвертью миллиона фунтов.

Денемпонт чуть подался вперед:

– И чем же я могу быть вам полезен?

– Нам с мужем нужны деньги – у нас возникли непредвиденные расходы, связанные с ремонтом палаццо во Флоренции, но хуже того, что мы вынуждены оплатить очень высокие налоги, и нас ждут большие неприятности, если мой муж не заплатит. Мы можем потерять значительную часть имущества. У нас прекрасная коллекция полотен французских импрессионистов, и Маркус сказал, что по поводу ее продажи лучше всего обратиться к вам.

– И какие картины в вашей коллекции? – спросил он. – Каких художников?

Дама открыла сумочку от Эмес, достала несколько листков, скрепленных вместе, и протянула ему.

Денемпонт надел очки в черепаховой полуоправе и принялся читать. Графиня прикурила сигарету и терпеливо ждала.

Меньше чем через минуту его глаза чуть не вылезли из орбит.

Что это была за коллекция! В ней представлены работы почти всех великих импрессионистов: Моне, Ренуар, Писсарро, Мане, Сезанн, Матисс, Сислей. Также среди них были чрезвычайно редкие и очень ценные незаконченные работы.

Изучив список, он поднял глаза. Дама потушила в пепельнице сигарету с полоской помады на фильтре и скрестила ноги, внезапно выдав свое волнение.

– Что скажете, мистер Денемпонт? – поинтересовалась она милым, немного наивным тоном.

Это же миллионы! Вот о чем он думал. Миллионы! Это будет самая крупная сделка за все годы. В голове он уже подсчитывал сумму своих комиссионных. Но была одна проблема. Очень большая проблема.

– Могу я узнать, где хранятся картины?

– В нашем доме во Флоренции, – последовал ответ.

– Прошу меня простить, – извинился он и нажал кнопку селектора. – Анджела, свяжитесь с лордом Хобартом и предупредите его, что я немного задержусь. – Затем он повернулся к графине: – Возможно, вам это известно, но все же я хотел бы заметить, что в Италии весьма непросто получить разрешение на вывоз предметов искусства. Разумеется, если продать коллекцию в Италии, сумма будет велика, но несравнима с той, которую вы сможете получить, например, в Соединенных Штатах. Я несколько раз пытался вывезти кое-что для моих итальянских клиентов, но даже с помощью… – он поднял руку и потер указательным и большим пальцами, не желая произносить слово «взятка», – это невозможно.

– Где коллекцию можно продать дороже? – невозмутимо спросила дама. – Здесь или в Штатах?

– К сожалению, сейчас в Штатах. Там есть немало сказочно богатых коллекционеров, которые заплатят любые деньги ради возможности иметь эти редкие произведения в своих коллекциях исключительно для услады своего взора. Некоторые готовы купить даже краденое, но я с такими дел не имею, – поспешил добавить он.

Графиня поджала губы.

– Вы смогли бы найти покупателя в Соединенных Штатах?

– Там немало желающих. В Нью-Йорке, Лос-Анжелесе, много где. Я мог бы получить лучшую для вас цену в Нью-Йорке. Но… – Он с любопытством смотрел, как она достает еще одну сигарету из невероятно дорогого портсигара. – Да, простите мою невежливость. Что вам предложить выпить? Кофе? Или бокал шампанского?

– Если у вас есть шампанское, с удовольствием выпью.

Он нажал кнопку и заказал два бокала «Пол Роджер». Его любил Уинстон Черчилль, и Денемпонт ввел эту марку как стандарт для себя и своего дома.

– К сожалению, лорд Хобарт уже выехал на встречу с вами, – сообщила секретарша.

– Позвоните в «Гаррик» и попросите их извиниться от моего имени. Пусть начинает ланч без меня. – Он опять повернулся к графине.

– И какое же но? – спросила она.

– Боюсь, очень важное. Оно в том, что вам придется самим перевезти картины в Нью-Йорк. Я не могу иметь к этому отношения.

– Вы имеете в виду – тайно?

– Боюсь, это единственный вариант.

Он видел, как глаза ее сверкнули. Она повертела сигарету в пальцах, обтянутых тканью перчаток. Несомненно, перед ним не только красивая и умная, но и сильная дама.

– Хорошо, но как я это сделаю?

– Да, риск огромен. Если вас поймают, то расплата будет страшной.

Женщина пожала плечами:

– Но если мы ничего не предпримем, то потеряем почти все, мистер Денемпонт. – Она посмотрела на него с прищуром. – Маркус Ли-Хойе сказал мужу, что мы можем полностью вам доверять. А еще что вы человек, способный… как это у вас говорят – найти лазейку? Это именно то, что нам нужно. Найти лазейку. Как нам это сделать?

– Вы действительно хотите знать?

– Да, – уверенно ответила она.

Секретарша принесла шампанское.

– Хорошо. Я скажу вам, как бы поступил сам, будь у меня картины, которые надо вывезти из Италии.

Дама подняла бокал и сделала глоток.

– Слушаю.

– Самая большая проблема в том, что многие страны подписали соглашение Конвенции УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях.

– Какие страны?

– Все европейские.

– И что вы предлагаете? – невозмутимо спросила она.

– Я бы снял картины с подрамников, положил их на дно чемодана и отправился в самое заурядное для вас путешествие по Европе. Ключевым моментом будет пересечение границ. Я бы предложил ночь, когда таможенники усталые и не такие бдительные, – в четыре часа, например. Лучше выбрать Лондон, где наименее внимательны к экспортируемым предметам искусства, – в аэропорту Хитроу не взимают экспортную пошлину. Оттуда вы могли бы улететь в Нью-Йорк.

– С картинами на дне моего чемодана?

– Именно. Вес их будет незначительным, а вот риск существенным.

– Вы бы на нашем месте пошли на такой риск, мистер Денемпонт?

Он ответил не сразу.

– Если бы у меня не было выхода, то да, пошел. Но вы должны понять, графиня, я не имею права и не буду советовать вам так поступить. Я лишь представил возможный вариант. В такой ситуации рискованно пересекать границу любой европейской страны, у вас могут конфисковать коллекцию. Вы потеряете миллионы.

– Как я уже сказала, мы потеряем миллионы, если будем бездействовать.

– Решение принимать вам.

– Итак, хорошо, допустим, нам удалось и мы прилетели в Нью-Йорк со всеми картинами. Возникнет ли у нас проблема с покупателем из-за отсутствия официального разрешения на вывоз от итальянских властей?

– Только не с моими клиентами, – заверил ее он. – Никаких проблем.

Он еще раз подумал о сумме комиссионных. Это будет большая сумма. Просто огромная!

Дама улыбнулась и подняла бокал.

– Полагаю, возможно, мы могли бы планировать нечто подобное.

– Вы, графиня. Я ничего не хочу об этом знать!

Она подняла бокал еще выше.

– Вы и не знаете. Ничего! – Она усмехнулась и встала. У двери обернулась. – С нетерпением жду встречи в Нью-Йорке. Это один из моих самых любимых городов.

– Буду рад помочь вам поднести чемоданы, графиня.

– Вам будет позволено помочь мне их донести. Маркус был прав, сказав, что вы наш человек. Примите мою искреннюю благодарность. *Arrivederci!*

И она удалилась, оставив за собой шлейф дорогих духов.

Четверг в конце ноября, почти полночь, дождливо и ветрено. Пожилой дворецкий Винченцо пристраивал чемодан графини в ее «альфа-ромео», а она стояла рядом с мужем, сжимая его руку, ощущая, как внутри ее все трепещет. И все же сейчас, стоя под освещенным портиком, глядя, как переливаются капли дождя на капоте машины, она не сомневалась в правильности решения. На лице ее были разводы грязи, руки – на этот раз без перчаток – перепачканы, как требовала придуманная легенда.

Витторио, граф Ди Валиериа Массино, был высоким мужчиной элегантного вида, одетый в черные брюки с идеально отутюженными стрелками и голубой кашемировый пуловер, из-под которого был виден ворот кремового цвета сорочки с пестрым орнаментом шейного платка. Он сжимал руку супруги, желая немного ее успокоить, хотя сам невероятно нервничал. В эту поездку стоило отправиться ему, но Джеймс Денемпонт, галерист из Лондона, настаивал на том, что одинокая женщина вызовет меньше подозрений таможенников, чем мужчина.

Риск был огромен. В результате они могут остаться без коллекции, Роми получит внушительный тюремный срок, они потерпят финансовый крах. Впрочем, в случае бездействия они мало что выиграют.

Это великолепное палаццо в горах недалеко от Флоренции было построено в 1588 году и должно было стать летним домом для Катерины Медичи, которая умерла прежде, чем оно было закончено. Более четырех сотен лет дворец принадлежал семье Витторио, он здесь родился и вырос, здесь они с женой воспитывали своих четверых детей. Палаццо стало их ангелом-хранителем. Аристократы, живущие в домах, ему подобных, никогда на самом деле не считали себя владельцами, скорее смотрителями, которым вверено оберегать дом, следить за его состоянием, чтобы передать следующему поколению в лучшем состоянии, чем его получили они сами.

Теперь же из-за рокового стечения обстоятельств он рискует потерять все. Проблемы начались с того, что он был обманут бухгалтером, которому доверял и который убедил его вложить наличные, хранимые для оплаты ремонтных работ, в издательский бизнес. Позже выяснилось, что это была афера, придуманная его адвокатом, скрывшимся в Бразилии. Затем последовало начисление непомерно высоких налогов, из-за того же бухгалтера, который, как оказалось, присвоил сумму, идущую не на оплату налогов, как полагал Витторио, а на счет в банке Панамы. И третьим ударом стало сообщение, поступившее от инженера-строителя всего два месяца назад, о том, что древесина поражена сухой гнилью настолько, что верхние этажи опасны для проживания и должны быть освобождены незамедлительно. Смета работ составляла сотни миллионов в итальянских лирах.

Но ценность представляло не только само палаццо, в нем хранились произведения искусства, многие из которых достались по наследству, но часть была приобретена ими в более благополучные в финансовом смысле времена. В том числе и картины импрессионистов, которые были освобождены от рам и лежали сейчас на дне чемодана Роми в багажнике «альфы». У него было такое чувство, что он предал семью и распродает фамильное серебро. Винченцо захлопнул багажник.

Обратного пути нет.

Они долго спорили о том, на какой машине ей будет лучше поехать, и пришли к выводу, что ее спортивный «мерседес», который она так любила, привлечет слишком много внимания, как и его «ягуар». Потому они приобрели подержанную «Альфа-Ромео-Джульетта-1600». Тоже спортивный автомобиль, но все же не такой приметный. К тому же с большим багажником.

Роми села за руль. Винченцо поцеловал ее в щеку, пожелал удачи и захлопнул дверцу. Она завела машину и быстро понеслась по кипарисовой аллее, как делала всегда. Через несколько секунд он увидел вспыхнувшие габаритные огни и занервничал, решив, что жена что-то забыла. Заметив слабое свечение в салоне, он расслабился – она прикурила сигарету. Витторио вернулся в дом, и Винченцо налил ему двойную порцию односолодового виски. Очень скоро, посмотрев на часы, он сам налил себе еще порцию. В это время по трассе можно часа за два добраться до ближайшего пропускного пункта на границе со Швейцарией, в Локарно. Планировалось, что Роми сделает там остановку, чтобы выпить эспрессо и убить немного времени, и пересечет границу не раньше четверти четвертого. Затем она отправится

в гостиницу, до которой минут двадцать езды, где проведет остаток ночи и большую часть следующего дня. Он уже позвонил в гостиницу и предупредил их, что супруга якобы задержится на несколько часов, и представил продуманную ими легенду, которую Роми должна рассказать и таможенникам, если у тех возникнут вопросы, почему она оказалась одна за рулем в такое время. Суть была в следующем: муж ее сестры скоропостижно скончался, и она едет, чтобы забрать сестру и отвезти на отдых в Шотландию.

Впереди был пост итальянского пограничного контроля, но два сотрудника были так заняты разговором, что взглянули на нее лишь мельком. Страх сдавливал все внутри, но она с равнодушным видом проехала мимо. Через несколько километров будет швейцарская граница, и преодолеть ее, скорее всего, будет сложнее.

Разумеется, шлагбаум был опущен и блокировал проезд. Остановившись, она опустила окно, взяла с соседнего сиденья паспорт и протянула офицеру. Тот хмуро посмотрел на нее из-под козырька фуражки, обращая внимание на пятна грязи на ее лице. Изучив паспорт, он что-то сказал по-немецки.

– *Scusi?* – переспросила она.

Мужчина заговорил на отличном итальянском, и на этот раз был вежлив.

– Вы попали в аварию? С вами все в порядке?

– Благодарю, все хорошо. Колесо спустило за несколько миль отсюда, но мне помог его поменять один любезный джентльмен, остановившийся на дороге. – Она подняла руки и показала перепачканные ладони.

На всякий случай, если кто-то пожелает проверить правдивость ее рассказа, в багажнике лежало частично спущенное колесо. Хотя был там и насос на случай, если колесо действительно спустит.

Офицер удовлетворенно кивнул, поставил штамп и протянул ей паспорт.

– Будьте осторожнее, чтобы с вами еще что-нибудь не случилось, графиня. Далеко ли вы едете?

– Нет, остановлюсь в ближайшей гостинице до утра, а затем поищу мастерскую, чтобы починить колесо.

– Да, вполне разумно. Женщине одной опасно находиться в такое время на дороге. Будет лучше остановиться в отеле и подождать, когда рассветет.

– Со мной все хорошо, – заверила она. – Однако благодарю за внимание.

– Я сообщу полицейским на дороге, чтобы они за вами присматривали.

От этой фразы ее охватила дрожь, и она очень надеялась, что не выдала себя.

– Спасибо, очень любезно с вашей стороны.

– Продиктуйте мне номер машины. – Она так и сделала. – Приблизительно в пятнадцати километрах будет хороший отель. Я бы посоветовал остаться там, если он открыт в такое время.

– Непременно выясню, – сказала она, приветливо махнула рукой и поехала дальше, с облегчением выдохнув через несколько секунд. Посмотрев в зеркало заднего вида, она увидела подъезжающий к посту грузовик и подумала, что это очень кстати, таможенник отвлечется от мыслей о ней. Надавив на педаль газа, Роми поспешила вперед, в ночь.

Через несколько минут быстрой, насколько это возможно в темноте, езды увидела в зеркале пятнышко света. Взволнованная, она прибавила скорость, но пятно увеличивалось. На спидометре было уже сто шестьдесят километров в час, потом и сто семьдесят. Вскоре свет повис у нее за спиной и буквально ослеплял.

Она страшно нервничала, постоянно смотрела назад и почти не следила за дорогой. Что это? Скорее всего, мотоцикл. Полиция? Или кто-то из прислуги передал информацию местным бандитам? Роми надавила на педаль, скорость увеличилась до цифры 180, а это было для нее уже много. Сбоку мелькали сосны, дорожные знаки и отдельные дома. Под колесами бежала желтая линия, и ей казалось, будто она едет по железнодорожному полотну. Происходящее слишком ее пугало, чтобы рассмешить. Она не знала, следует ли сбросить скорость и пропустить мотоцикл или продолжать ехать так же быстро. Ей было страшно, ведь она может не справиться с управлением. Если нечто подобное случится, полотна, стоящие миллионы долларов, будут уничтожены. Свет фар ее машины выхватил из темноты указатель с названием деревни, а следом и знак с ограничением скорости пятьдесят километров в час. Может, рискнуть и не обращать на него внимания? А вдруг ее преследует полиция? Она решила сбавить темп и была рада увидеть, что мотоцикл, обогнав ее, уносится вдаль, поблескивая габаритными огнями. Теперь она могла спокойно придерживаться удобного для нее режима восемьдесят километров в час. После деревни, по обеим сторонам дороги опять показались поля. Внезапно она поняла, как сильно ее трясло, руки с трудом удерживали руль. На обочине показался рекламный щит, сообщивший, что отель находится в пяти километрах. Офицеру таможни она намеренно не сообщила, что для нее там забронирован номер, а портье предупрежден, что приедет до рассвета.

Одежда ее почти вся пропиталась потом, когда она подъезжала к гостинице. Через десять минут, дав портье щедрые чаевые за то, что он принес в номер ее багаж, а потом и двойную порцию бренди, Роми опустилась на диван в номере люкс и прикурила сигарету. Переведя дыхание, она позвонила мужу, сообщила, что добралась без происшествий, и улыбнулась, покосившись на два чемодана «Луи Витон» внушительных размеров. В одном была одежда, обувь и косметические средства, необходимые в поездке, во втором под чехлами с платьями и нижним бельем лежали картины импрессионистов, стоимостью не менее пяти миллионов фунтов.

Через час она провалилась в тревожный сон, испорченный кошмаром – всю сотню миль за ней гнались бандиты на мотоциклах.

Роми проснулась в семь утра, обливаясь потом и напуганная до предела. Казалось, она только сейчас осознала грандиозность и опасность того, что делает. Ей предстояло провести несколько часов в отеле, а днем отправиться в Женеву, оттуда в Жюрансон; проехав в Альпах границу Франции, она будет находиться за рулем до глубокой ночи. На следующий день она должны быть уже в Англии, а оттуда вылететь в Нью-Йорк.

Роми опять набрала номер мужа, и его уверенный голос ее немного успокоил. Отключившись, она с раздражением подумала, что ему легко оставаться спокойным. А ей предстоит в скором времени общаться со служащими таможни Швейцарии и Франции. А затем еще и Великобритании. Витторио убедил ее, что никому в голову не придет досматривать ее багаж в аэропорту. Оказавшись на территории Англии, она будет дома и сможет наконец расслабиться и больше не потеть от страха.

В 2:30 ночи она пересекла границу Франции, слава богу, без каких-либо проблем. Сонный офицер, не взглянув на нее и, кажется, даже в ее паспорт, махнул рукой, приглашая проезжать. Наконец она была почти на финишной прямой. В 3:30 зарегистрировалась в отеле на берегу озера близ Анси, прошла в свое шато и провалилась в сон. Проснулась Роми лишь к полудню. Прежде чем позвонить мужу, открыла чемодан с сокровищем, которое стало гарантией их спокойного будущего, и любовно просмотрела полотна, проложенные тканевыми мешочками с обувью и нижним бельем.

Следующим этапом должна стать переправа на ночном пароме Кале – Дувр, до которой, по ее подсчетам, восемь часов пути, учитывая остановки, чтобы перекусить и немного

отдохнуть. Разрабатывая план с Витторио и Денемпонтом, они учли также возможные трудности на таможне, поэтому у нее были с собой значительные суммы в лирах и французских франках на случай необходимости дать взятку, которые ей не пригодились. Однако они сразу исключили возможность подкупа швейцарских и английских таможенников, поскольку это было слишком опасно. Ей мог грозить арест, а в ее ситуации это было бы катастрофой. Оставалось полагаться на женские ухищрения, которые вкупе с ее знатным происхождением и привлекательной внешностью могли произвести нужный эффект и помочь исполнению хитроумного плана, предложенного Денемпонтом.

Однако, несмотря на сопутствующую удачу, с каждой пройденной милей чувство тревоги возрастало.

У переправы в Кале она была в начале двенадцатого ночи, на час раньше, чем предполагала, и остановила машину в тихом месте среди грузовиков на обширной стоянке порта. Паром должен доставить ее в Дувр, как и было условлено, к трем часам ночи. Как раз к тому времени, когда служащие таможни будут в самом непригодном для работы состоянии. Учитывая часовую разницу во времени, ей нужен паром, отходящий в 2:30.

Предстояло как-то убить три с половиной часа.

Она бы с удовольствием выпила кофе, но боялась оставить машину без присмотра, поэтому все время до посадки повела в салоне: съела купленный на заправке багет, запивая минеральной водой, и курила одну сигарету за другой.

Пора. Роми повернула ключ и нажала кнопку стартера. Двигатель заурчал и затих, вызвав приступ паники. О боже, только не это! Запахло бензином, и Роми заглушила мотор.

Успокоившись, она снова попыталась завести машину. Снова и снова. Стоящие рядом грузовики завелись и стали двигаться вперед.

Затем у нее сел аккумулятор.

Роми выскочила из машины и замахала руками, бросившись к одному из водителей. Тот спустился вниз и спросил ее по-французски, в чем проблема. Она объяснила.

Через пару минут он привел двух других водителей. Они велели ей завести машину и включить вторую передачу, а затем стали толкать. Машина катилась быстрее, и наконец ее удалось завести. Роми сидела за рулем, обливаясь потом, слушала, как работает двигатель, и смотрела, как из выхлопной трубы валит дым, закрывая задний обзор. Поблагодарив водителей, она покатила к кассам.

Через несколько минут, продолжая бороться с дрожью, она въехала в нутро парома и нажала на тормоз у самого бампера стоящего перед ней «фольксвагена». Заперев машину, она задумалась, не опасно ли оставить чемодан в багажнике? Может, лучше взять его с собой? Этот вопрос заранее они не оговорили. Поразмыслив, она решила, что будет выглядеть странно на палубе с огромным чемоданом.

Вместо этого она дважды проверила, заперты ли все замки, и стала подниматься на верхнюю палубу, вдыхая запахи переработанного топлива, краски, моющих средств и чувствуя подступающую тошноту и нарастающую нервозность. На палубе она быстро нашла бар и стала ждать его открытия, изнемогая от необходимости выпить двойной эспрессо и порцию бренди. Через двадцать минут, когда паром наконец отплыл от берега, она залпом осушила бокал и с наслаждением сделала глоток кофе. Выйдя из бара, решительно прошла на корму и подставила лицо соленому ветру.

Так она стояла довольно долго, разглядывая удаляющиеся огни Кале и вспышки маяка, пока ее не стало трясти от холода. Тогда она спустилась ниже в закрытое помещение.

Заказав эспрессо, Роми подумала и выпила еще бренди. В какой-то момент, чередуя напитки, она поняла, что почти успокоилась и обрела уверенность в себе, сохранив бдительность.

На мгновение в душе вспыхнула тревога, но она подавила ее и убедила себя, что все будет хорошо! Надо лишь оставаться спокойной и выдержанной. Очень спокойной.

Море также было спокойным, и она не чувствовала качки, лишь слышала приглушенные звуки двигателя и чувствовала легкую вибрацию кресла.

Затем по громкоговорителю прозвучало объявление: «Всех водителей просим спуститься на палубы А и Б к своим транспортным средствам».

Ее словно парализовало от страха. В голове крутилось: «Заведись! Пожалуйста, заведись! – когда она открыла машину, а потом и багажник, чтобы удостовериться, что оба чемодана на месте. – Пожалуйста, заведись!» К счастью, двигатель ожил мгновенно, и она поблагодарила Бога, прочитав краткую молитву. Паром уже замедлял ход, а вскоре и совсем остановился. Через несколько минут вспыхнули стоп-сигналы автомобиля перед ней, и он пришел в движение. Роми включила передачу и покатила следом, жалея, что у нее нет возможности сделать хоть глоток эспрессо, который помог бы ей унять дрожь.

Она проехала вверх по пандусу, подчиняясь сигналам стоящих по обе стороны сотрудников, миновала огромный плакат с британским флагом и надписью под ним: «ПОВЕРНИТЕ НАЛЕВО». Еще пара минут, и она увидела таможенные ограждения и ведущую к ним очередь. С одной стороны вывеска была зеленой и гласила: «Товаров, подлежащих письменному декларированию, нет», вторая была красной: «Товары, подлежащие письменному декларированию».

Она направилась к зеленому коридору и остановилась за фургоном впереди нее. Справа, вдоль всего здания таможенной службы тянулась стойка с металлической столешницей, а за ней находился лишь один офицер с хмурым и сонным лицом. На проехавший перед ней фургон он даже не взглянул. Роми затаила дыхание, стараясь равнодушно смотреть прямо перед собой, но, к ее ужасу, мужчина поднял руку и махнул ей. Ей показалось, что она не справится, так сильно ее трясло. Офицер обошел машину и жестом велел ей опустить стекло.

Глубоко вздохнув, она изобразила на лице самую очаровательную улыбку из имевшихся в ее арсенале и выполнила просьбу.

– Добрый вечер, офицер, – вежливо произнесла она.

Лицо таможенника не стало более приветливым, пожалуй, даже сделалось еще более серьезным; вытянутое, как морда лошади, лицо под фуражкой казалось ей скорбным.

– Откуда вы прибыли, мадам?

– Из Италии, – произнесла она на ломаном английском. – Рядом… э-э-э… с Флоренцией.

– Какова цель вашего приезда в Англию?

– У меня здесь семья, – ответила она, следуя сценарию. – Моя сестра недавно потеряла мужа, я буду сопровождать ее на отдых в Шотландию.

Он бросил на нее взгляд, который она не смогла разгадать, лишь заметила откровенное недоверие.

– Отдых в Шотландии в ноябре? Не самый лучший месяц, учитывая погоду.

– Это точно! – нервно рассмеялась Роми. – Совсем не лучший!

И не думая улыбнуться в ответ, офицер продолжал:

– Предъявите паспорт, пожалуйста.

Она протянула ему документ, и он принялся внимательно его изучать, перелистывая страницы.

– Почему вы предпочли передвигаться на машине, графиня? Путь ведь не близкий.

Она пожала плечами:

– Я люблю ездить за рулем.

Он оглядел ее «альфу».

– Хорошая машина. Быстрая?

– Да, вполне.

Офицер кивнул и вернул ей паспорт.

Роми на мгновение показалось, что все уже позади. Сейчас он разрешит ей проехать. И вдруг:

– Откройте багажник, пожалуйста.

– Да, да, конечно, – произнесла она, запинаясь, и принялась выбираться из салона.

– С вами все в порядке? – прищурился таможенник.

– Да, да, благодарю.

– Вы вся дрожите.

– Выпила слишком много кофе, чтобы не заснуть.

– Должно быть, у вас есть уважительная причина, по которой вы поехали на ночном пароме?

Она подняла руки и повертела перед его лицом.

– Я планировала быть здесь раньше, но у машины пробило колесо, пришлось его менять, и это заняло больше времени, чем я ожидала. К счастью, мне помог водитель проезжавшего мимо грузовика.

Не сказав ни слова, мужчина прошел к багажнику и поднял дверь.

– Откройте чемоданы, пожалуйста.

У нее было такое ощущение, что все внутренности превратились в ледяную глыбу.

– Да, – пробормотала она. – Да, да, разумеется.

Взяв первый чемодан, он перенес его на металлическую стойку.

– Он закрыт?

– Нет, нет.

Щелкнул замок, и крышка поднялась. Под ее пристальным взглядом офицер стал перебирать вещи, ловко работая пальцами и довольно быстро пробираясь ко дну. Отстегнув закрепляющие ремни, он стал вытаскивать мешки с обувью и тщательно упакованную одежду. Каждую пару обуви он доставал и внимательно разглядывал изнутри, прежде чем отложить в сторону. Убедившись, что там ничего нет, он стал довольно неловко укладывать все обратно в чемодан.

– Можете закрывать, – наконец кивнул он Роми.

Она надеялась, что на этом процедура досмотра окончена, но офицер прошел к машине и достал следующий чемодан.

Ее охватил ужас.

– В нем вы найдете то же самое, – не вполне убедительно сказала она.

Офицер молча поставил чемодан на стойку и принялся изучать его, как и предыдущий.

Она сделала шаг назад, перед глазами все заволокло туманом, пот градом лил по спине. Пальцы мужчины ловко перебирали аккуратно сложенные вещи, приближаясь к днищу.

«О боже», – подумала она. Самое страшное могло случиться в любую секунду.

Внезапно офицер повернулся к ней и вскинул брови.

– О? – Он быстро переложил пакеты с одеждой на стойку и ловко вытащил одно из полотен, держа за верхние углы.

«Нет, все не кончено, а только начинается», – пронеслось в ее голове. Она стояла и смотрела на неподписанную картину Моне – нечеткий, словно погруженный в туман каменный мост через едва различимую мутную реку. Кисть мастера можно было определить

сразу, это была одна из самых известных в мире работ великого французского художника. Когда Денемпонт прилетал в Италию, чтобы оценить коллекцию, это полотно вызвало бурю его восторга. Он не сомневался, что перед ним подлинник, к тому же, пожалуй, самый ценный экземпляр этой во всех смыслах великолепной коллекции.

Офицер повернулся к ней и заглянул прямо в глаза. На лице появилось насмешливое выражение.

– А это что такое, графиня?

– Я брала уроки живописи, – пояснила она. – Захватила несколько своих работ, чтобы показать сестре. Она очень талантливая художница, возможно, порадуется моим успехам. Я также думала взять у нее несколько уроков, пока буду в Шотландии.

– Уроки живописи?

Слова вылетели и повисли в воздухе.

Офицер пристально смотрел на нее и не отводил глаз. Затем выражение лица смягчилось, и он протянул:

– Хм-м-м…

Роми пожала плечами и очаровательно улыбнулась.

Больше офицер ничего не сказал, лишь принялся особенно тщательно разглядывать полотна одно за другим, поднося очень близко к глазам.

Закончив, он широко зевнул и повернулся к ней:

– Хорошо, спасибо, я закончил.

Офицер помог ей погрузить чемодан в багажник, и она забралась в салон, с трудом повернув ключ зажигания, так сильно тряслись ее руки. К счастью, и на этот раз двигатель не подвел. Когда она уже собиралась закрыть окно, офицер наклонился и произнес, смущенно улыбаясь:

– А по поводу уроков живописи, мадам…

– Да?

– Не поймите меня неправильно, но на вашем месте я бы продолжил их брать.

Идеальная жена

Попробуйте представить себе идеальную вторую половину… действительно идеальную… созданную благодаря генной инженерии с учетом всех ваших особенностей… отвечающую вашим самым завышенным требованиям… разделяющую ваши самые дикие фантазии. Представьте, что рядом человек, которым вы бы всегда гордились, который боготворил бы вас, поражал уровнем интеллекта, отменно готовил, не старел и не повышал на вас голос, а также сделал бы вашу жизнь такой насыщенной и прекрасной, на что вы никогда не надеялись…

Клайв Марплз сидел в своем кабинете, смотрел рекламный ролик на экране компьютера и старался представить; не мог, но очень хотел. Очень. Ведь этим мужчиной мог быть он, у него была бы такая женщина. И новая жизнь, о которой он всегда мечтал. Была лишь одна маленькая проблема. Он уже женат.

Откровенно говоря, Ширли когда-то казалась ему потрясающей. В те первые дни он, бесспорно, гордился ею. Но это было двадцать лет назад, когда она весила на пятьдесят фунтов меньше и держала себя в форме. В последние годы она разленилась, поглощала в больших количествах конфеты и шардоне, а остальные дела совсем забросила. Она была похожа на ленивца, развалившегося то где-то в доме, то у бассейна, и так день за днем, за исключением ее редких встреч с подругами с целью развлечься.

В этом мире, наверное, не осталось устройства, заменяющего труд человека, которое бы она не купила. Робот-пылесос был ее последним приобретением. Она внимательно просматривала все рекламные ролики по телевизору и объявления в журналах в поисках агрегата, способного сделать ее жизнь еще проще, чем она уже была. Клайв не сомневался, что, будь такое возможно, она покупала бы уже сваренные яйца в «Уэйтроуз» или «Теско», чтобы сэкономить силы на их приготовлении.

У них почти не осталось тем для разговоров, поскольку новости она больше не смотрела, газеты не читала, за исключением тех страниц, где писали, с кем сейчас встречается Симон Коуэлл, что было последний раз надето на герцогине Кембриджской и какими именами пополнился список знаменитостей, находящихся в разводе. Он уже не помнил, что они обсуждали, помимо тем, поднимаемых в журналах «Хэллоу!» и «ОК!».

Ширли никогда не хотела иметь детей. Его же отношение к ним было противоречивым, пока они не начали появляться у их друзей. Наблюдая за приятелями, ставшими отцами, он все меньше желал себе того же. Некогда аккуратные дома превращались в вертеп с визгом и плачем, неприятными запахами, какашками и горами грязного белья. Теперь, выбираясь за пределы дома, его друзья, у которых были дети, походили на вынужденно передислоцируемое войско. Они всегда были нагружены переносками, пакетами с памперсами, игрушками и бог знает чем еще.

Лучший друг, Чарли Картер, как-то сказал ему, что им тоже скоро захочется иметь детей – особенно Ширли. Но все было с точностью до наоборот, особенно у Ширли. Ее охватывал ужас при виде, сколько усилий требует воспитание ребенка, не говоря уже о том, что рожать ей пришлось бы самой. Каждый раз, увидев документальный фильм на эту тему или сцену в кино, она качала головой и восклицала: «Это не для меня, увольте!» Позже она стала цитировать слова Вуди Аллена о «бессмысленном воспроизводстве» и пожимала плечами: «Зачем все это? Зачем становиться рабом маленького монстра на ближайшие двадцать лет? А потом он начнет презирать тебя или станет наркоманом и будет тянуть деньги. А вдруг родится болезненный ребенок или инвалид? С этим я точно не справлюсь. У меня терпения не хватит».

У сестры одной ее подруги родился малыш с синдромом Дауна. У другой мальчик-аутист. У третьей девочка, отстающая в умственном развитии, которая до конца дней будет как шестимесячный ребенок. Все это окончательно убедило Ширли не рисковать.

«Более того, – говорила она, – рождение ребенка отрицательно сказывается на сексуальной жизни. Если не делать кесарево, влагалище растянется и никогда не восстановится. А если делать кесарево сечение, то мышцы перестанут поддерживать живот и с возрастом он станет висеть. И скажите, какой нормальный парень захочет увидеть, как из влагалища его жены вылезает окровавленный младенец?»

А также: «Большинство моих подруг потеряли интерес к сексу после рождения детей. Одна из них, Мэгги, вообще может читать книгу, пока муж занимается с ней любовью. Дети? Нет, это не для меня, увольте».

Клайв был уверен, что и не для него. Его все устраивало, за исключением сожалений, высказываемых все чаще его матерью, мечтавшей стать бабушкой. Он был вполне доволен жизнью, по крайней мере до недавнего времени.

Клайв сделал прекрасную карьеру в крупной компании компьютерных технологий и довольно высоко поднялся в должности, получал отличную зарплату и еще лучшие премии. Они с Ширли недавно переехали в шикарный дом, который больше подходил руководителю высшего звена. Вилла называлась «Кедр» – портик в георгианском стиле, гараж на три машины, стоянка на пять – он располагался в хорошем, закрытом для посторонних районе в стороне от Дайк-Роуд-авеню, под названием Форестер. На территории был красивый сад,

бассейн, декоративный прудик, росли три вековых кедра, и отсюда открывался вид на море за районом Хоува.

Все дома здесь были похожи друг на друга, но ни один не повторял соседние в точности. У каждого были свои неповторимые особенности и названия, а не номера, что демонстрировало класс этого места. «Дуб», «Пихта», «Сосна», «Ива», «Вяз», «Клен», «Тополь». Разумеется, в саду росли соответствующие деревья. Под навесами стояли только новые модели БМВ, «ауди», «ягуар», «мерседес», «лексус» и «порше», поблескивая боками, словно машины только что достали из подарочной коробки.

Все семьи в Форестер, как полагал Клайв, были весьма состоятельными. Зимой проходили шумные праздники с обилием еды и напитков, летом гости собирались на барбекю и вечеринки у бассейна. Все жители время от времени уезжали отдыхать на дорогие курорты. И, по мнению Клайва, у них у всех был потрясающий секс, разумеется, пока не появились дети.

Проблема Клайва состояла в постоянно растущей уверенности, что все их соседи живут лучше, счастливее и веселее его. Как и члены гольф-клуба, который он регулярно посещал утром по воскресеньям.

Проезжая каждый день на машине мимо соседних домов, он ощущал, что все больше и больше завидует соседям. И не их домам и автомобилям – его «лексус-гибрид» мог соперничать со многими, как и «мерседес-кабриолет», принадлежащий Ширли. Нет, совсем не в этом было их превосходство. Он видел пары, которые были счастливы и наслаждались обществом друг друга. Ему же, откровенно говоря, не очень хотелось возвращаться домой.

Каждый вечер он видел почти одно и то же. Ширли, в бесформенном спортивном костюме или растянутом комбинезоне, лежала на диване, поглаживая кошку, ставшую такой же толстой, как она, смотрела очередную ерунду по телевизору, жевала конфеты, вытаскивая из коробки на столике, и запивала их шардоне.

Она поднимала руку, подавая ему знак ничего не говорить, дабы не помешать просмотру, и быстро произносила:

– Ужин в микроволновке, поставь на три минуты.

Потом она закидывала в рот очередную конфету, делала глоток вина и переводила взгляд на экран.

Раз в неделю они занимались любовью. Набор небрежных, отработанных движений, дающих взаимное удовлетворение, часто отсутствие поцелуев, быстрое прикосновение к эрогенным зонам, хорошо изученным за два десятилетия, правильные действия, отточенные за долгое время. После этого она возвращалась к телевизору, а он шел в кабинет к бумагам и книгам.

Зимой по субботам он посещал матч своей футбольной команды, если они играли дома, или располагался у телевизора.

В те дни на стадионе, если была не его очередь вести машину, он выпивал несколько кружек пива с друзьями, потом еще несколько, позже обещанного приезжал домой, где его встречала разодетая в пух и прах Ширли, зло постукивая по часам, напоминая о том, что они опаздывают на ужин в ресторане.

В спальне, переодеваясь к ужину – как правило, они проводили время с подругой Ширли и ее мужем, которые ему были совсем неинтересны, – он частенько думал: разве это жизнь? Его жизнь? Неужели так будет всегда? И больше ничего?

Поздно вечером в субботу, вернувшись с ужина, когда Ширли скроется в ванной, чтобы удалить макияж и нанести на лицо нечто еще более ужасное, он пройдет к себе в кабинет, откроет компьютер и выйдет на сайт «Идеальная жена».

А потом будет читать и мечтать.

«Корпорация генной инженерии «Идеальная жена». Вам нужно лишь перечислить все качества идеальной для вас женщины, пройти сканирование мозга и перезагрузку, остальное программа сделает сама. Используя передовые разработки генной инженерии, мы создадим для вас женщину заявленного вами возраста, в комплект войдут все хорошие воспоминания о вашей семейной жизни, имплантированные в ее мозг, плохие же будут удалены или заменены.

Она станет такой, какой вы мечтали видеть свою жену и какой она никогда не была. Доставка через двенадцать месяцев. В случае неудовлетворения результатом средства возвращаются полностью».

Сумма сделки была вполне разумной – пятьсот пятьдесят фунтов. Вернее, была бы, будь у него лишние пятьсот пятьдесят фунтов при отсутствии жены.

Поздно ночью в субботу Клайва осенило. Он решил, что две вещи можно элегантно скомбинировать – и вот он результат. Рядом спала Ширли с белым, как у привидения, лицом из-за маски против морщин, которую накладывала на ночь, а он лежал и думал, планировал, рассчитывал.

Первым делом, придя на работу утром понедельника, он позвонил в финансовый департамент и сообщил, что хочет застраховать свою жизнь. Он постарался сделать все, чтобы голос его звучал спокойно и желание казалось безобидным. Что удивительного в том, что в случае его внезапной смерти он хочет, чтобы его жена Ширли могла продолжать вести привычный образ жизни? Сумма должна быть существенной, чтобы покрыть выплаты по ипотеке и обеспечить Ширли приличный доход.

– Понимаешь, Клайв, если ты намерен это сделать, я бы предложил оформить полис и для Ширли. На всякий случай, ты ведь знаешь…

– Что ж, хорошая мысль, – ответил он.

– Ведь дом принадлежит вам обоим. Если с женой что-то случится, ты не можешь предположить, как отреагируешь. Горе может лишить тебя возможности работать. Такое случается. Лучше предусмотреть все варианты.

Клайв понимал, какова цель этих убеждений. Все просто – хорошие комиссионные.

Но такое решение его более чем устраивало. Цена невелика, учитывая преимущества в будущем. Он последовал совету и предусмотрел все варианты.

Месяц спустя после того, как они с Ширли заполнили необходимые бумаги и прошли медицинский осмотр в клинике страховой компании, их полисы были готовы. Обе их жизни теперь были застрахованы на два миллиона фунтов. Оставалось только ждать. Многие идиоты попались из-за своего нетерпения, они убивали любимую вторую половину, едва оформив страхование. Он читал об этом в газетах и детективных романах, а также не раз видел в ток-шоу по телевизору. Он будет ждать долго. Пусть волны стихнут, и тогда он начнет действовать.

«Волны стихнут».

Еще одно озарение!

Чем больше он думал об этом, тем больше ему нравилась идея. Волны. Вода. Море. Огромный, глубокий океан. До двадцать пятой годовщины их свадьбы осталось чуть больше года. Что может быть лучше, чем отпраздновать дату, отправившись в круиз? Ширли будет рада. Она сможет там есть целыми днями без остановки. И ночами. Самое лучшее место для такой лентяйки, как она.

Это будет долгий, прекрасный круиз. Красивый лайнер, разрезающий океанские волны.

Великолепно!

Ширли была в восторге, когда он рассказал ей, что уже все забронировал. Он и не помнил, когда последний раз видел ее такой довольной. Уже через минуту она набирала номер одной подруги за другой и описывала, в какой шикарный круиз везет ее муж. Лучший лайнер, путешествие по Карибским островам. Красоты, комфорт и роскошь. Через час она была на сайте интернет-магазина и выбирала наряды для отдыха. Несмотря на то что впереди у нее был еще целый год.

Втайне от Ширли он заложил дом, чтобы получить необходимую сумму для предоплаты фирме «Идеальная жена». Закончив с формальностями, получил с курьером большие и тяжелые наручные часы.

В них был сканер и камера, которые скопируют все воспоминания из мозга Ширли и загрузят в голову новой жены. К часам прилагалась подробная инструкция, когда включать камеру – каждый раз, когда он увидит в реальной жизни или на экране телевизора, в кино женщину, которая ему нравится; определенные элементы ее, привлекшие его внимание, будут отобраны и использованы при создании жены его мечты. Необходимо лишь не забыть выключить ее после загрузки данных, иначе процесс будет продолжаться.

Год был невероятно долгим, и все это время Ширли не переставала говорить о круизе, отчего Клайва уже начинало подташнивать. Им предстояло посетить двенадцать островов, включая Барбадос, Сент-Барте, Сент-Люсия и Антигуа, и жена время от времени демонстрировала ему свое заплывшее жиром рыхлое тело, облаченное в новые наряды – их должно быть двенадцать дневных и двенадцать вечерних. Разумеется, к каждому прилагались туфли и подходящие сумочки.

С каждым новым купленным платьем Клайв все больше мрачнел, особенно когда видел суммы, списанные с кредитной карты. За первые шесть месяцев она потратила на свои чертовы туалеты больше стоимости всего круиза.

Давно, на заре их отношений, когда они купались в любви и страсти, Ширли часто встречала Клайва дома в новом платье, когда он возвращался после работы. И тогда он тянулся к ней, обнимал, целовал в шею и расстегивал молнию, позволяя наряду скользнуть вниз и упасть к ее ногам. Потом он шептал ей на ухо, что самым красивым платьем для мужчины будет то, которое захочется немедленно сорвать.

Все это было тогда. Сейчас же он мечтал, чтобы она оставалась в нем и не думала снимать. Желательно всю ночь. Даже в ванной.

Но держаться Клайву помогал план. Он думал о жизни, которая начнется у него после круиза. Новая, прекрасная жизнь. Пока Ширли ходила по магазинам, он составил еще один список. Тайный. В нем перечислил все свои требования к новой жене, которые намеревался передать в корпорацию «Идеальная жена».

Наконец долгожданный день настал!

Во время первого ужина на корабле, когда лайнер «Глориана» вышел из порта Саутгемптона, Клайв и Ширли оказались за одним столиком с весьма неприятной парой. Надо заметить, что для первого выхода Ширли выбрала особенно плотно облегающее ее платье.

Гарри Такер был упитанным, лысеющим и хвастливым типом, представившимся крупным воротилой интернет-торговли. Рядом сидела его еще менее приятная супруга – Дорин – крашеная блондинка лет шестидесяти, в молодежной юбке мини и туфлях на высоких каблуках леопардовой расцветки.

– Классные часы! – заметил Гари Такер.

– Благодарю, – сказал Клайв и в ответ похвалил те, что красовались на руке соседа, вероятно считавшего их большой размер важным достоинством, и отметил про себя, что часы поразительно похожи на его собственные.

– Наши вкусы совпадают, – продолжал Такер. – Знаете, я ведь коллекционирую часы.

– Я тоже к ним неравнодушен, – уклончиво произнес Клайв.

– У меня есть двое «брайтлинг», «таг», винтажные «ролекс ойстерс», три «картье» и «Патек Филипп».

– Очень мило, – отозвался Клайв и замолчал, не желая продолжать обсуждение его часов.

Надо сказать, он тайком подливал Ширли бренди, надеясь, что она вырубится быстрее и не станет соблазнять его в постели. Однако она неожиданно начала кокетничать с Гарри, а его супруга строить глазки ему, Клайву. Разумеется, он занервничал, гадая, к чему это может привести.

Местный фотограф уже снял их с Ширли при входе в ресторан и теперь опять сделал несколько снимков счастливой четверки за столом, вернее, счастливой троицы, если быть точным.

Первая ночь на корабле прошла спокойно. После возлияний Ширли впала в забытье, ее храп мешал заснуть, но Клайва это не раздражало. Напротив, он был рад новому поводу еще больше ее ненавидеть.

Проснувшись на покачивавшемся на легких волнах Атлантики лайнере, они приняли душ, оделись и спустились в ресторан к завтраку. К удивлению Клайва, Ширли ела мало, проглотила лишь пару ложек шоколадных хлопьев, да и выглядела немного бледной. Сам же он с удовольствием отдал должное традиционному английскому завтраку.

Остаток утра они потратили на изучение корабля, при этом Клайв больший интерес проявлял к корме, и получили несколько уроков игры в бридж в обществе Гарри и Дорин.

Он не мог не заметить, что Гарри очарован Ширли, а она благоволит ему, но это не вызывало досаду.

«Флиртуй, дорогая», – думал он, глядя на жену.

За ланчем Ширли заставила его нервничать. Она была очень бледна, с трудом съела несколько ложек куриного салата, в то время как он сам насладился отменным лобстером, затем стейком с картофелем и куском шоколадного торта.

Днем они посетили скучную лекцию о Карибских островах. За дневным чаем Клайв опять плотно подкрепился, а Ширли выпила одну чашку с небольшим тостом.

К вечеру они были уже в центре Атлантики, и погода ухудшилась, начался шторм силой семь баллов. Ширли лежала в кровати, лицо ее стало алебастровым, и она тихо произнесла:

– Клайв, милый, пожалуй, тебе лучше идти на ужин одному.

– Что за ерунда, любовь моя! Одевайся, выпей бренди, тебе станет легче!

Взяв жену за пухлую руку, он повел ее в бар, где они встретили изрядно захмелевших от мартини Гарри и Дорин.

– Ширли неважно себя чувствует, – объявил Клайв супругам.

– Ей нужен бренди! Бренди и имбирный эль! – воскликнул Гарри и настоял, чтобы угостить ее внушительной порцией. Затем еще одной.

И еще. Клайв смотрел на них и думал, что все идет замечательно. Гарри, сам того не понимая, успешно делает его работу. Вскоре в ресторане Гарри и Ширли уже увлеченно беседовали, попивая белое вино, а затем заказали бутылку красного. Нервировало лишь кокетливое подмигивание Дорин, и мешали ее ноги, то и дело касавшиеся его лодыжек.

Он включился в игру, довольный, что Ширли пьянеет все больше, пьет все больше, а шторм становился все сильнее, качка усиливалась. Внезапно люди за соседними столиками стали покидать свои места и поспешили к выходу. Один пожилой мужчина не устоял на ногах, и двум официантам-филиппинцам пришлось помогать ему встать.

Когда им принесли пудинг, мимо столика проходила крупная дама с серебристыми волосами, одетая в то, что он бы описал как вигвам из шифона. Внезапно она рухнула на пол, и ее вырвало прямо на ковер. Когда запах добрался до их ноздрей, Ширли повернулась к мужу:

– Клайв, милый, мне нужно на свежий воздух.

Извинившись, он помог жене встать, крепко обнял, вывел из ресторана и провел к лестнице. Они вышли на ветреную верхнюю палубу.

– Тебе лучше, любимая?

– Дже н-не знаю.

Клайв предложил пройтись в сторону кормы, и вскоре они стояли у леера. Внизу бушевало море, иногда на поверхности появлялись блестящие пятна от вспышек света на корабле. Здесь Клайв хорошо чувствовал, как непросто такому огромному судну бороться со стихией. Через пару сотен ярдов след, оставляемый кораблем, уже не был виден.

– Смотри на горизонт, любимая, – сказал Клайв и огляделся. Сделав несколько шагов, он проверил, нет ли кого поблизости. Он был очень внимательным. Необходимо твердо знать, что свидетелей не будет.

– Я его… ик… не вжу, – ответила Ширли.

– Может, так будет лучше?

Он подхватил ее за талию и перекинул тяжелое тело за ограждение. Она исчезла, не издав ни звука. Клайв прислушался, надеясь уловить всплеск воды, но его не было. Он вытянулся и посмотрел за борт, но не увидел Ширли.

Клайв постоял на корме несколько минут, дрожа от холода, затем развернулся и огляделся. Затем вновь повернулся и огляделся.

После этого осторожно, чтобы не встретить никого из пассажиров и команды, пробрался в каюту.

Утром, после почти бессонной ночи, за которую шторм еще усилился, Клайв выбрался из постели, принял душ, побрился и вышел, прихватив лежащий на полу номер «Глориана ньюс», не забыв повесить на ручку двери табличку «Не беспокоить». В ресторане он нашел за их столиком сидящего в одиночестве Гарри. Несмотря на вполне ощутимую качку, на его тарелке лежал бекон, сосиски и «черный пудинг».

– Доброе утро, Клайв! – весело приветствовал он. – Ты без Ширли?

– Сегодня ей совсем нехорошо.

– И Дорин тоже. Матросы из них не получатся!

– Это верно! Ширли всю ночь рвало.

– Ха, и Дорин тоже!

Клайв совсем не хотел есть, но запихнул в себя два тоста и вареное яйцо. После завтрака мужчины отправились на урок бриджа и составили пары двум пожилым дамам. Закончив игру, они вернулись в каюты, навестить жен, а затем встретились в баре, выпили по два больших коктейля джина с тоником и пошли вместе на ланч.

– Твоя Ширли очень приятная молодая леди, – заявил ему Такер.

– Дорин очень красивая, – солгал Клайв.

– Точно. Мне повезло, – улыбнулся Гарри.

– Определенно!

Утром следующего дня Клайв решил, что пора поднять панику.

Неуверенно ступая, поскольку шторм еще не утих, он прошел к стойке администратора на палубе Б и обратился к служащей:

– Я беспокоюсь за жену. Последние два дня она неважно себя чувствовала, а сегодня утром я проснулся и не обнаружил ее в каюте. Я обошел верхнюю и нижние палубы, но так ее и не нашел. Вы мне не поможете?

Через час, когда члены команды исследовали каждый дюйм «Глорианы», капитан принял решение поворачивать назад, а также дал сигнал находящимся в этом квадрате судам обращать внимание на человека за бортом. Впрочем, он признался Клайву, что продержаться в холодной воде долгое время невозможно.

– Даже толстому человеку? – поинтересовался тот.

– Возможно, на пару часов дольше, – пожал плечом капитан.

– Я произвел необходимые подсчеты и, надеюсь, смог максимально точно определить координаты, куда нам надо идти. Кроме того, скоро для поиска поднимут в воздух самолет «нимрод».

Оставшийся день Клайв провел в обществе Гарри Такера и нескольких членов команды. Они стояли у леера с биноклями в руках и вглядывались в затухающий горизонт. Через несколько часов над их головами пролетел самолет. Однако им удалось увидеть лишь дрейфующие коряги и контейнеры, возможно случайно упавшие за борт. Когда стало темнеть, капитал объявил о прекращении поисков.

Клайв Марплз был безутешен.

Как позже сказала ему мать, если бы удалось обнаружить тело, то была бы какая-то определенность. Утирая слезы, он с ней согласился.

Восемь месяцев спустя, после долгого траура, сочувствия друзей, изрядного количества алкоголя, выпитого с ними и в одиночестве, чтобы забыть о том, что сделал, дождливым утром четверга в начале июня звонил его телефон. Он услышал бодрый голос молодой девушки из «Идеальной жены», сообщивший, что Имоджен готова и ее можно забрать. В какое время удобно?

Следующим утром, сказавшись больным, Клайв не пошел на работу и провел в душе больше времени, чем обычно. Он поменял на новое лезвие в станке, долго водил шариком дезодоранта по коже и увеличил количество любимого одеколона.

Подключив айфон, чтобы слушать музыку через колонки в «лексусе», он завел адрес офиса корпорации в Бирмингеме в навигатор и под звуки любимой мелодии выехал за ворота дома в Брайтоне. Он гнал машину и подпевал, пытаясь представить, какой получилась Имоджен. Душу переполняло воодушевление оттого, что начинается новая жизнь. Впрочем, он и сам не очень четко понимал, что хотел бы увидеть.

Главным было то, что начинается новый этап в его жизни. Он так этого ждал!

По правде говоря, Клайв был немного разочарован, когда добрался до дома по указанному адресу. Он рассчитывал увидеть нечто более роскошное, гламурное, а оказался перед весьма заурядным строением в промышленной зоне, зажатым между двумя мастерскими.

Однако ошибки не было, адрес верный – у двери висит табличка, на которой мелкими буквами написано: «Корпорация «Идеальная жена».

Пройдя внутрь, он оказался в небольшой приемной и увидел за длинным столом женщину лет шестидесяти пяти, поедающую растворимую лапшу. Стены были украшены фотографиями красивых молодых женщин, в углу стоял автомат по продаже напитков.

Клайв подошел к администратору и назвал свое имя.

– Вы сказали, мистер Марплз? – переспросила она, глядя на экран компьютера.

– Да. – Ее манеры раздражали.

– У вас есть удостоверение личности? Может, водительские права?

Он протянул ей и то и другое, и она опять уставилась в компьютер.

Клайв нахмурился. Сердце упало от внезапной мысли, что его обманули. Внезапно женщина широко улыбнулась:

– Да, вот! Нашла! Имоджен, верно?

– Имоджен.

Она протянула ему квитанцию на подпись и нажала кнопку на телефоне.

– Мистер Клайв Марплз пришел за Имоджен, – сказала она в трубку, а затем взглянула на него и указала на стул. – Присаживайтесь. Можете выпить чай или кофе. Она спустится через несколько минут.

Клайв сделал себе кофе, опустился на неудобный пластиковый стул и принялся ждать. Время шло, а он ждал. Вскоре ему понадобилось в туалет. Администратор указала на дверь и объяснила, как пройти. Вернувшись в приемную, он замер на полпути. То, что, что он увидел, потрясло его. Перед ним стояла высокая блондинка в облегающем коротком платье, подчеркивающем все достоинства ее прекрасной фигуры. У нее были самые красивые ноги, которые он видел в жизни, и очаровательная улыбка. Рядом на полу стояли два больших чемодана.

– Клайв! – воскликнула она. – Я так долго о тебе мечтала! – Она бросилась ему на шею, обвила руками и поцеловала так страстно, что он мгновенно ощутил эрекцию.

Клайв отнес чемоданы в машину и поместил в багажник. Через пару минут они уже выезжали из промышленной зоны.

– Здесь поверни налево, а через полторы мили направо, – сказала Имоджен.

– Ты говоришь как мой навигатор.

– Да? Готова поспорить, что женщина из твоего навигатора так не может. – Она ловко расстегнула его ремень и молнию. Когда они проехали четыре мили по М-40, он кончил.

Оставшийся путь до дому показался ему сном. Они болтали, и ему было очень легко с ней. Она знала о нем все, будто они прожили вместе многие годы и стали родственными душами.

Оказавшись дома, они занялись любовью и провели за этим занятием почти все выходные, отрываясь друг от друга лишь для того, чтобы Имоджен приготовила еду и съездила в магазин за субботними и воскресными газетами. В десять часов вечера в воскресенье, погружаясь в блаженный сон после бурного секса, Клайв Марплз решил, что он самый счастливый человек на планете. Он получил идеальную жену, о которой и мечтать не мог.

Имоджен быстро стала предметом зависти всех его приятелей в Форестере и Дайк-гольф-клаб. В одно воскресенье через две недели после появления в его жизни Имоджен, выпив слишком много пива у девятнадцатой лунки, Клайв заявил друзьям:

– Знаете, как говорят? Идеальная жена должна быть поваром в кухне, леди в гостиной и шлюхой в постели. Моя Имоджен именно такая!

Разумеется, всем было интересно узнать, где они познакомились. У Клайва был заготовлен ответ.

– Онлайн. На сайте знакомств.

Друзья говорили, что ему чертовски повезло.

В пятницу вечером Имоджен доказала, что она прекрасная хозяйка, когда они принимали у себя его нового начальника с супругой. Пять перемен блюд были приготовлены так, что гости уверенно заявили, что в жизни не ели ничего вкуснее.

Вечером, когда они ушли, Клайв получил на десерт, что, впрочем, случалось теперь ежедневно, самый потрясающий секс.

Он чувствовал себя, как никогда, молодым, живым и счастливым!

Друзья в гольф-клубе сказали ему, что он помолодел лет на десять, даже, пожалуй, на пятнадцать. И все благодаря новой жене. Они требовали раскрыть секрет. Как, черт возьми, обычному мужику среднего возраста удалось заполучить такую потрясающую женщину? Некоторые из них – разумеется, состоявшие в браке – подходили по одному к Клайву и просили дать адрес сайта знакомств. Он с нахальной усмешкой отвечал им, что не может так поступить с друзьями, у которых есть жены.

Его жизнь с Имоджен оказалась лучше и приятнее, чем он ожидал. Они каждый вечер занимались любовью, и жена вытворяла с его телом такое, о чем он и не знал. Ему нравилось все, чем они занимались вместе, в постели и вне ее. Он полюбил даже то, что раньше считал скучным и хлопотным, например походы по магазинам за продуктами и одеждой. И они все время говорили и говорили. Имоджен много читала, любила книги и газеты, имела хороший вкус и развитый интеллект, поэтому ее мнение всегда было ему интересно.

Как-то раз в субботу они отправились за покупками в торговый центр «Марк и Спенсер» в Брайтон-Холмбуш. Обнявшись, они направились к входу в супермаркет, чтобы выбрать что-нибудь вкусное на ужин, и Клайв встал, как громом пораженный. По проходу в его сторону шла Ширли.

Он подхватил Имоджен под руку и потащил в противоположную сторону, будто увидел привидение. Помогая ей сесть в машину, он был почти уверен, что ему привиделось.

– Милый, что случилось? – мягко спросила Имоджен.

– Я решил, лучше съездить в «Теско».

– Хорошо, «Теско» тоже подойдет, – не подумав спорить, согласилась она.

Эту черту в ней он просто обожал. Она никогда не задавала вопросы и не оспаривала его решение. Но черт возьми! Неужели это правда была Ширли?

Это невероятно! Может, воображение сыграло с ним злую шутку? Или чувство вины? Скорее всего, именно так.

Вечером в постели, несмотря на все старания Имоджен, у него ничего не получилось. Каждое прикосновение ее губ, каждая ласка напоминали ему о моменте, когда он увидел идущую по проходу Ширли.

Утром в понедельник, на Брайтон-Куин-Роуд, ведущей к станции, откуда он ежедневно ездил на поезде в Лондон, он опять увидел идущую по улице Ширли. Она тоже направлялась к станции!

Возможно ли такое?

Засмотревшись, Клайв не сразу заметил, как машины впереди остановились на светофоре, слишком поздно нажал на тормоз и врезался в стоящий перед ним «ягуар». Выйдя из машины, он увидел, к своему удивлению, что ему навстречу идет полный мужчина, в котором он узнал Гарри Такера, соседа по столику во время круиза в прошлом году.

– Бог мой! – воскликнул Клайв. – Гарри! Гарри Такер! Помнишь меня? Клайв Марплз, круиз, «Глориана»? Прости меня, пожалуйста!

Гарри, кажется, не слишком удивился встрече; учитывая странные обстоятельства, он покраснел и выглядел растерянным. Они обменялись несколькими словами. Гарри был озабочен и, казалось, хотел скорее уладить вопросы со страховой компанией и расстаться. К тому же он не объяснил, что делает в Брайтоне. Ответив поспешным согласием встретиться как-нибудь и выпить, он умчался прочь.

В поезде Клайв думал только об их странной встрече. Может, и Гарри, и Ширли ему привиделись? Может ли Ширли быть жива? Неужели у нее роман с Гарри Такером?

Но как? Как она могла выжить? Это абсурд! Однако в течение всего дня он мысленно возвращался к произошедшему. Вечером он быстрым шагом прошел от станции к «лексусу» и посмотрел на капот. Нет, ему не показалось, вот вмятина и фара разбита.

Неделю спустя они с Имоджен сидели в ресторане в Брайтоне. В зал вошел метрдотель и проводил к столику неподалеку Гарри и Ширли.

На этот раз Клайв был абсолютно уверен, что видит их. Они трогательно держались за руки, потом, чокаясь, пили шампанское и были поглощены друг другом.

Клайв опустил голову ниже, но Гарри, сидевший лицом к нему, все же его узнал. А Ширли нет!

Через несколько минут Гарри встал с места и направился в туалетную комнату, сделав Клайву знак идти следом. Прежде чем он успел произнести слово, Гарри, сконфузившись, заговорил:

– Клайв, я знаю, все это может показаться тебе странным, но до того, как мы с Дорин отправились в круиз, я нашел один удивительный сайт корпорации «Идеальная жена». Ты платишь весьма внушительную сумму и получаешь от них часы, которые сканируют память, лица, черты и создают новую женщину, такую, о которой ты всегда мечтал.

– Правда? – Клайв действительно был удивлен.

– Это потрясающе! Извини, что я был так холоден с тобой, когда произошла та авария.

– У тебя были причины.

– По правде говоря, не хотел признаваться, что делаю в Брайтоне. Ширли соскучилась по этим местам. Понимаешь, мне тогда на корабле очень понравилась Ширли. – Он поднял руку и показал часы, которые Клайв уже видел во время круиза. – У тебя ведь такой же сканер?

Клайв не ответил.

– Я пользовался ими, чтобы загрузить данные Ширли, ее качества и внешность. Проблема лишь в том, что я забыл его отключить, когда загрузка окончилась! Вернувшись домой, я передал всю информацию в «Идеальную жену», сказал, что хочу женщину, похожую на нее. Потом я развелся с Дорин и только две недели назад получил Ширли. Надеюсь, ты не сердишься, что я так поступил? Конечно, тебе, наверное, неприятно видеть ее после всего, что с ней случилось. – Он криво усмехнулся. – Неудивительно, что ты так по ней убивался, она девочка что надо. Бог мой, а какая любовница!

– Рад, что ты счастлив, Гарри, – произнес Клайв.

– Она просто ненасытная, понимаешь, о чем я? В жизни не встречал такую! Прости, надеюсь, ты не против.

– Ничуть.

В душе Клайва нарастала паника. Интересно, что помнит Ширли? Что она могла рассказать этому жирному придурку?

Гарри добродушно похлопал его по плечу.

– Она мне все рассказала, дружище, – произнес Гарри. – О том, как ей стало плохо, как ты отвел ее на корму и выбросил в море. Так что я теперь все знаю.

– Все?

– Не волнуйся! Мне ведь это на руку. Как еще мы смогли быть вместе? Ты сделал доброе дело нам обоим. Пусть это будет наш маленький секрет, так?

– Да, наш маленький секрет.

Гарри похлопал Клайва по спине, и мужчины вышли в зал.

– А эта красотка с тобой, она тоже высший класс.

– Спасибо, Гарри. Это правда.

– О, мне ли не знать! Уж я-то вижу! Слушай, может, мы как-нибудь опять вместе съездим в круиз? Через пару лет, например, когда она тебе надоест? Непременно мне позвони. Просто позвони. Я всегда готов. Ты меня понял? – Он подмигнул и сально усмехнулся.

Клайв вернулся к столику и сел.

– Что это за человек, с которым ты разговаривал в туалете? – спросила Имоджен.

– Встречался с ним как-то в прошлой жизни.

Она грустно улыбнулась;

– Да, я тоже.

Убийственно простой план

Пятнадцать лет назад я написал короткий рассказ о парне, который был похоронен заживо шутки ради во время мальчишника, и рассказал, чем все в результате закончилось.

Звали того парня Майкл Гаррисон, он был человеком совершенно безответственным, но смог убедить свою любимую Эшли выйти за него замуж, обещая измениться. Друзья решили отплатить ему за все ужасные розыгрыши, которые он организовал на мальчишнике каждого из них… и закопали его живым в лесу, решив оставить на пару часов, а потом вернуться и освободить. Но все случилось не так, как они планировали.

Я никогда не печатал этот рассказ, полагая, что могу сделать из него нечто большее, чем то, что получилось. И я не ошибся, приняв это решение. Возможно, самое правильное в моей жизни! Потому что спустя несколько лет я понял, что короткий рассказ с неожиданной и быстрой концовкой на самом деле был началом романа. «Убийственно просто» стал одним из лучших моих произведений, открывающих серию о Рое Грейсе.

А вот как все начиналось…

Был вечер среды – их последнее свидание перед свадьбой в субботу. Так ужасно, но Майкл на него опоздал. И очень существенно. Неприлично. Страшно. Чертовски. Более чем на час. Впрочем, как обычно. Дважды он вообще не явился, и восемь месяцев назад, взбешенная его ненадежностью, Эшли его бросила. Пять месяцев они не встречались, и все это время Майкл чувствовал себя отвратительно. Он почти ежедневно отправлял ей экстравагантные букеты, любовные письма, часто звонил и слезливо молил о прощении. Она начала встречаться с другим парнем, но это было совсем не то – он оказался плохим другом и еще худшим любовником. С Майклом ей всегда было весело, он фонтанировал жизненной энергией. Расставание ей далось нелегко.

Наконец она четко осознала, что не сможет жить без Майкла. Они опять стали встречаться, а через четыре недели он сделал предложение, которое она приняла.

Эшли посмотрела на часы и налила себе третий бокал вина, чувствуя, что пьянеет. Было 8:45, а он обещал заехать ровно в 7:30. Майкл заверил ее, что прошлое забыто, страница перевернута. Он начнет семейную жизнь обновленным. Да уж, пожалуй. Боже, но почему она так его любит? И почему он не носит часы? Возможно, это ей удастся изменить. Она купила

ему на свадьбу безумно дорогие «таг хоер акварейсер», но решила подарить их сегодня. И взять с Майкла слово, что он никогда их не снимет!

Через пятнадцать минут раздался звонок. Когда открылась дверь, перед ней были цветы, такой огромный букет, что больше ничего не было видно.

После страстного поцелуя она ехидно спросила:

– Что на этот раз? Тебя снова похитили инопланетяне? Был срочный разговор с Бараком Обамой? Или ты спасал лошадь?

Он почесал затылок и виновато на нее посмотрел:

– Прости меня, любимая. Позвонил Марк, и мне пришлось срочно ехать на работу. Пойми, мне надо много сделать, я хочу провести медовый месяц не думая о делах. Надо было разобраться с последними письмами и всякое такое, ведь я планирую следующие две недели заниматься только любовью.

– Хороший план! – Эшли улыбнулась и поцеловала его. – Выпьешь что-нибудь или сразу поедем?

– Я позвонил в ресторан и изменил время, сказал, мы будем к девяти. Хотя… – Он многозначительно на нее посмотрел. – Можем сейчас отправиться в спальню, а еду заказать по телефону.

– Я так старалась хорошо выглядеть, думаю, нам лучше поехать в ресторан. Нам надо многое обсудить, и я хочу все знать о мальчишнике, потому что волнуюсь.

– У тебя нет повода. – Он взял ее бокал с кофейного столика и сделал большой глоток. – Мы просто собираемся пройтись по барам в Суссексе – Марк арендовал минивэн. – И у меня будет весь день пятницы, чтобы излечиться от похмелья. Эш, в субботу я буду свежим, словно весенний цветок!

Она посмотрела на него с сомнением:

– Почему-то это меня не успокаивает.

Он крепко ее обнял.

– Да ладно тебе, мы планируем всего лишь немного выпить. Никаких стриптизерш, я уже сказал ребятам, что не хочу пошлости. Мы выпьем пива и разойдемся по домам.

– Ха! – только и сказала Эшли.

Через час, когда закуски были съедены, официант заменил тарелки и налил им еще шампанского, Эшли произнесла:

– Милый, как же мне не волноваться? Твои друзья мастера устраивать розыгрыши на мальчишниках.

Он пожал плечами и поднял бокал.

– Точно, но они обещали, что ничего плохого не случится.

– Я хорошо их знаю, – возразила она. – И не доверяю им.

– Но ты должна доверять мне!

Она напряженно вгляделась ему в глаза, провела рукой по темным волосам и поцеловала.

– Если бы я могла!

– Ты можешь, клянусь!

– Я успокоюсь только тогда, когда войду в церковь в субботу днем под руку с отцом и увижу тебя, а рядом Марка. До этого момента я буду страшно нервничать.

– Тебе не о чем беспокоиться!

Она опустила голову и стала наблюдать, как официант подает ей морского окуня, стейк Майклу и ставит на стол блюдо с овощами.

– Я просто не хочу оказаться в глупом положении, Майкл, понимаешь? Я не хочу ждать тебя час в церкви, видеть, как ты влетаешь, весь красный, нервно просишь прощения и объясняешь, что тебе надо было срочно отправить письма по электронной почте!

– Этого не будет, любимая!

– Да, лучше бы не было. Потому что ждать я не стану.

Он потянулся и сжал ее ладонь.

– Я люблю тебя, Эшли. Больше всего на свете. Суббота станет лучшим днем моей жизни. Я обещаю тебе, что приеду в церковь вовремя и буду думать только о первой брачной ночи. Поверь, я стал другим человеком.

– И это ты продемонстрировал сегодня вечером. Милый, тебе же совсем нельзя верить. Я тоже люблю тебя, но пойми, у меня такое чувство, что ты не придешь на венчание.

– Что за ерунда?

– Тогда докажи обратное!

– Докажу, будь уверена!

К счастью, если не считать мелочей, план А работал. Большая удача, учитывая, что четкого плана Б у них фактически не было.

Майским вечером, в 20:30, они уже были в пути, надеясь, что стемнеет не скоро и погода им благоволит. Основное они сделали вчера в это же время, проделав тот же путь с пустым гробом и пятью лопатами в машине. Сейчас зеленый минивэн катился по сельской дороге, неожиданно стал накрапывать дождик, а небо окрасилось в цвет, вызывавший тревогу.

– Когда мы уже приедем? – детским голосом ныл на заднем сиденье Джош.

– Великий Ум Га говорил: «Куда бы я ни ехал, я всегда там оказываюсь», – ответил Роббо, который сидел за рулем, поскольку был пьян меньше остальных. За прошедшие полтора часа они посетили три бара, где отдавали предпочтение шанди, и по плану оставалось еще четыре. Ведь это была именно его идея, к тому же он заказал одну за другой две пинты горького «Харвиз» и объяснил, что это для того, чтобы в голове просветлело и он мог вести машину.

– Значит, мы на месте! – закричал Джош.

– Мы всегда на месте.

На обочине показался знак с изображением оленя, промелькнул и исчез, фары освещали одну за другой мили темной ленты асфальтового покрытия, тянущегося через лес. Потом они миновали большой белый коттедж.

– Как себя чувствуешь, приятель? – спросил Марк, улыбаясь. Он всегда был самый заботливый из всей компании.

Майкл лежал сзади на клетчатом пледе, расстеленном прямо на полу, и ощущал приятное легкое опьянение, которое бодрит и поднимает настроение.

– Я бы еще выпил, – произнес он.

Будь он более внимательным человеком, понял бы по выражению лиц друзей, что они что-то задумали. Но сегодня он залил в себя несколько кружек пива и не одну рюмку водки, что значительно больше, чем он обычно позволял себе, не говоря уже о количестве баров, которые они посетили.

Из всех друзей, которые в подростковом возрасте поголовно были хулиганами, Майкл Гаррисон являлся безусловным лидером. Говорят, верный выбор родителей – залог успеха в жизни. Надо сказать, Майкл, похоже, сделал более чем удачный выбор. От матери он унаследовал привлекательную внешность, а от отца шарм и предпринимательскую жилку. Однако, несмотря на видимое отсутствие деструктивных качеств, он был по натуре не вполне положительным.

В двенадцать лет, когда Том Гаррисон навсегда покинул семью, умчавшись на машине и оставив им лишь долги и преследование толп кредиторов, Майкл в один день повзрослел и стал помогать матери сводить концы с концами. Сначала он разносил газеты, затем, став старше, брался за любую работу во время каникул. Он вырос с осознанием того, как трудно заработать деньги и как легко их можно потратить.

Сейчас, в двадцать восемь, он стал умным, уверенным в себе молодым человеком, безусловным лидером в компании друзей. Из недостатков можно было назвать доверчивость и любовь к розыгрышам. И вот сегодня, по мнению его приятелей, настало время расплаты. Большая игра начиналась.

К сожалению, в тот момент Майкл об этом и не подозревал.

Он наслаждался блаженным состоянием легкости и думал о своей невесте Эшли. Жизнь была прекрасна. Мама встречалась с хорошим мужчиной; младший брат поступил в университет; младшая сестра Джоди путешествовала по Австралии, сделав на год перерыв в учебе; у него самого было все хорошо с работой. Но самое удивительное, что через два дня он станет мужем той, которую боготворил.

Его любимой.

Его Эшли.

Он был так погружен в свои мысли, что не замечал, как подпрыгивает на каждом бугорке дороги лежащая рядом лопата, как и самих бугров и дождя, барабанящего по крыше. Он не обращал внимания на лица друзей, подпевающих песне Рода Стюарта «Я плыву», звуки которой с треском вырывались из радио. Он не чувствовал запаха бензина, наполнившего салон из-за подтекающего бака.

– Я люблю ее! – выкрикнул Майкл. – Я люблю Эшли.

– Она классная, – заискивающе произнес Роббо, оборачиваясь назад. Он всегда смотрел Майклу в рот. Таков уж он был. Стеснительный с девушками, неуклюжий, с лихорадочным румянцем на лице, неопрятной прической и пивным животом, обтянутым футболкой, он всегда был прилипалой, старался угодить всем, чтобы быть нужным. И сегодня был один из тех редких случаев, когда ему это удалось.

– Да, классная.

– Подъезжаем, – предупредил Люк.

Роббо сбросил скорость, когда они подкатили к повороту, и подмигнул сидящему рядом Люку. «Дворники» яростно сметали капли дождя с лобового стекла.

– Я ведь люблю ее по-настоящему. Она понимает, что это значит.

– И мы понимаем, – сказал Пит.

Джош наклонился вперед, похлопал по плечу Пита и глотнул пива, бутылку которого держал в другой руке. Затем он опустил ее вниз, передавая Майклу. Машина резко затормозила, и из горлышка полилась пена.

– Простите! – воскликнул Роббо.

– Не пойму, что Эшли в тебе так нравится? – подал голос Джош.

– Мой член.

– Значит, не деньги? Не красивое лицо? Не обаяние?

– И это тоже, Джош, но главное член.

Минивэн покачнулся и, громыхая, резко повернул направо, потом еще раз и выехал на грунтовую дорогу. Роббо вглядывался, пытаясь разглядеть дорогу сквозь запотевшее стекло, и крутил руль. Прямо перед капотом прошмыгнул заяц и скрылся в подлеске. Фары высвечивали то справа, то слева плотный ряд хвойных деревьев, растущих по обе стороны дороги, потом они исчезали в темноте, сливаясь в зеркале заднего вида. Роббо переключил скорость. Голос Майкла внезапно изменился, бравада была уже не такой лихой, послышались нотки тревоги.

– Куда мы едем?

– В следующий паб.

– Ладно. Хорошо. – И через секунду: – Я обещал Эшли, что не стану много пить.

– Видишь, – включился в разговор Пит, – вы еще не женаты, а она уже устанавливает правила. Ты ведь пока свободный мужик. Осталось два дня.

– Полтора, – уточнил Роббо.

– А девочек не будет? – поинтересовался Майкл.

– А ты уже готов?

– Я готов хранить верность Эшли.

– Вот мы и проверим.

– Сволочи!

Машина чуть накренилась и опять повернула направо. Через некоторое время они остановились, и Роббо заглушил мотор – Род Стюарт замолк.

– С прибытием! – выкрикнул Роббо. – Остановка под названием «Объятия гробовщика».

– Я бы предпочел «Объятия обнаженной тайской девушки», – усмехнулся Майкл.

– И она тебя ждет.

Кто-то открыл заднюю дверь минивэна – Майкл так и не понял кто – и крепкие руки схватили его за щиколотки. Роббо взял его за одну руку, Люк за другую.

– Эй!

– А ты тяжелый! – ухмыльнулся Люк.

Через мгновение Майкла сбросили на землю, а ведь он был в любимой спортивной куртке и самых классных своих джинсах. Внутренний голос еще утром подсказывал ему, что это не лучшая одежда для мальчишника. Теперь он лежал в таком виде на грязной земле в темном лесу, единственным источником света в котором были звезды на небе и тонкий луч фонарика. От дождя волосы намокли и прилипли ко лбу, струи воды мешали открыть глаза.

– Моя… одежда…

В следующую секунду его рывком подняли, он словно взлетел над землей и опустился на что-то мягкое и сухое.

– Эй! – опять воскликнул он.

Над ним склонились пять фигур с пьяными усмехающимися лицами. Кто-то сунул ему в руку журнал. В свете фонаря он увидел на обложке рыжеволосую красавицу с огромными сиськами. Потом ему на живот легла бутылка виски, фонарик поменьше и рация.

– Что?

– Мы установили частоту, – сообщил Роббо. – Не хотим, чтобы ты болтал со всеми подряд.

Раздался скрежет, и внезапно перед ним появилось нечто, закрывающее обзор. Запахло деревом, новой тканью и клеем. На какое-то мгновение ему стало хорошо, тепло и уютно, но следом обрушилась паника.

– Эй, парни, что…

Роббо взял отвертку, а Пит светил фонариком в нужное место в дубовом гробу.

– Ты уверен, что его надо закрыть? – насторожился Люк.

– Абсолютно!

– Может, не надо?

– С ним все будет в порядке, – заверил друга Роббо. – Марк все проверил, правда, Марк?

– Да, я прочитал в Интернете. Даже если гроб закрыт, воздуха вполне хватает часа на три-четыре. Конечно, если не начать паниковать и дышать часто. Тогда можно задохнуться меньше чем за час.

– И все же я против того, чтобы его закрывать! – не унимался Люк.

– Конечно, надо закрыть! – возразил ему Джош. – Иначе он сразу выберется. Скажем ему, чтобы не нервничал, тогда все будет хорошо!

– Эй! Эй! – кричал под крышкой Майкл, но его уже никто не слышал.

И он ничего не слышал, кроме приглушенного поскрипывания наверху. Роббо закрутил все четыре болта. Гроб был очень красивым, с тиснением и латунными ручками, его друзья взяли в похоронном бюро дяди Роббо, где он после долгих исканий и неожиданных поворотов судьбы работал бальзамировщиком.

Болты хорошие, пошли легко.

Майкл попытался подняться, и нос его почти уперся в крышку. В свете фонаря ему удалось разглядеть белую атласную обивку. Он хотел отодвинуть в сторону ногу, но было некуда. Рукам тоже не нашлось места для маневра. Он мгновенно протрезвел и сразу понял, где находится.

– Эй, эй, послушайте, поймите, у меня же – эй! – у меня клаустрофобия. Это не смешно! Эй! – Голос был слышан лишь ему одному и казался странно приглушенным. Он попытался надавить на крышку, но она не сдвинулась ни на дюйм.

Пит открыл дверь машины, вытянул руку и включил фары. В паре ярдов от них была могила, которую они вырыли вчера. С одной стороны земля обвалилась, но ремни оставались на месте. В стороне лежал лист кровельного железа и лопаты.

Они выстроились у края и заглянули вниз, внезапно одновременно осознав, что не все в жизни получается так, как планируешь. Сейчас вырытая яма казалась очень глубокой, черной, похожей… ну, собственно, на могилу и похожей.

Луч фонаря метался по дну.

– Там вода, – сказал Джош.

– Совсем немного, из-за дождя, – отмахнулся Роббо.

Джош нахмурился:

– Нет, она не дождевая, и ее слишком много. Видимо, мы прорыли до грунтовых вод.

– Черт, – выругался Пит. Он занимался продажами автомобилей БМВ и по-разному выглядел на службе и вне ее. Стильная стрижка, строгий костюм, всегда уверенный в себе. Сейчас же у него не было ничего общего с тем человеком.

– Да ерунда это, всего пара дюймов, – убеждал друзей Роббо.

– Неужели мы выкопали такую глубокую яму? – удивился Люк – начинающий адвокат, недавно женившийся и еще не совсем готовый стряхнуть с себя молодость и погрузиться в настоящую жизнь со всеми ее проблемами и обязанностями.

– Но это же могила, верно? – продолжал Роббо. – Мы же решили, что будет могила.

Джош поднял глаза к небу – дождь усиливался.

– А если уровень воды поднимется?

– Черт, – не сдержался Роббо, – со вчерашнего дня воды набралось всего пара дюймов. Не о чем волноваться!

Джош задумчиво кивнул.

– А вдруг мы не сможем вытащить его?

– Сможем. Достаточно просто открутить винты.

– Давайте заканчивать, парни, – заключил Марк. – С ним все будет хорошо.

– К тому же этот засранец такое заслужил, – заверил всех Пит. – Помнишь, что он устроил на твоем мальчишнике, Люк?

Люк знал, что никогда не забудет. Когда рассеялись алкогольные пары, он выяснил, что находится в Эдинбурге. В результате он на сорок минут опоздал к алтарю на следующее утро.

Пит тоже на всю жизнь запомнит свой мальчишник. В выходные перед свадьбой он был пристегнут наручниками к мосту Клифтон, одетым в кружевное белье, с привязанным к талии фаллоимитатором. Его спасла приехавшая пожарная бригада.

В обоих случаях идея принадлежала Майклу.

Шатаясь, они подняли и поднесли гроб к могиле. И захихикали, услышав приглушенный крик «Ой!» изнутри.

Потом раздался стук.

Майкл бил кулаком по крышке и орал:

– Эй! Хватит!

Пит, в кармане которого лежала рация, достал ее и включил.

– Проверка связи.

Внутри гроба голос Пита звучал оглушительно.

– Проверка связи! Проверка связи!

– Шутки закончены!

– Расслабься, Майкл, – сказал Пит. – И получай удовольствие.

– Придурки! Выпустите меня! Я хочу писать!

Пит выключил рацию и сунул ее в карман куртки.

– Ну и как дальше?

– Поднимаем на ремнях, – ответил Марк. – Каждый со своего края.

Пит достал рацию, включил и произнес:

– Майкл, мы опускаем!

Затем сразу выключил и убрал.

Все пятеро радостно загоготали. Потом каждый взялся за ремень.

– Раз… два… три! – командовал Роббо.

– Черт, тяжелый, сволочь! – не сдержался Люк.

Медленно, неуверенно, рывками гроб стал опускаться в яму. Когда он коснулся дна, друзья его почти не видели из-за темноты.

Пит включил фонарь. Теперь они разглядели гладкую поверхность крышки, представили, каково под ней Майклу, и рассмеялись.

Роббо взял рацию.

– Здорово, Майкл, как тебе журнальчик? Если будет скучно, можешь поднять крышку своим членом!

– Ладно, парни, шутки закончились, выпустите меня!

– Мы сейчас едем в ночной клуб, жаль, но без тебя! – Роббо отключил рацию, прежде чем Майкл ответил. Взяв лопату, он подцепил землю и бросил вниз. Друзья одобрительно загоготали, когда комья ударились о крышку гроба. Пит тоже взял лопату и стал помогать.

Несколько минут они старательно работали, и вскоре лишь несколько небольших участков блестящей крышки не были покрыты землей. Потом не осталось и их. Друзья продолжили кидать землю, подбадривая себя выпивкой, и вскоре над гробом был слой в несколько дюймов.

– Эй! – крикнул им Люк. – Эй! Прекратите! Чем больше накидаете, тем больше нам через два часа разгребать.

– Но это же могила! – настаивал Роббо. – Гроб должен быть закрыт землей!

Люк вырвал у него из рук лопату.

– Хватит! – спокойно произнес он. – Я хочу вечером пить, а не могилу раскапывать, ясно?

Роббо кивнул, он никогда не желал расстроить кого-то из компании. Вспотевший Пит отбросил лопату.

– Не думаю, что когда-то захочу избрать для себя эту профессию, – сказал он.

Они водрузили сверху лист железа и несколько минут постояли в тишине. Капли дождя забарабанили по металлу.

– Все, – заключил Пит. – Уезжаем отсюда.

Люк сунул руки в карманы куртки.

– Вы уверены?

– Мы ведь договорились, что накажем его, – возмутился Роббо.

– А вдруг его вырвет, например, и он захлебнется?

– Он не такой пьяный, все будет в порядке, – сказал Джош. – Уходим.

Он прошел к машине, сел сзади, и Люк захлопнул за ним дверь.

Пит, Люк и Роббо заняли места впереди. Они проехали полмили, свернули направо и оказались на трассе.

Через пару миль Марк включил рацию.

– Как дела, Майкл?

– Ребята, послушайте, эта шутка мне совсем не нравится.

– Правда? А нам очень нравится!

Рацию взял Люк.

– Это месть, Майкл, просто месть!

Все пятеро громко загоготали. Теперь была очередь Джоша.

– Эй, Майкл, мы едем в тот клуб, где самые красивые девушки полуголыми кружатся у шеста. Ты будешь в бешенстве, что пропустил такое!

Майкл уже говорил тише:

– Можно сейчас все закончить? Пожалуйста.

Через лобовое стекло Роббо с трудом разглядел, что впереди ведутся дорожные работы. Зажегся зеленый свет, и он прибавил скорость.

Люк кричал через плечо Джоша:

– Майкл, расслабься, мы вернемся через пару часов!

– Как через пару часов?

Светофор показывал красный, но у них не было времени затормозить. Роббо нажал на газ, чтобы проскочить.

– Дай мне, – сказал он и потянулся к рации, стараясь одновременно удержать руль. Не отрывая глаз от приборной панели, он заговорил: – Эй, Майкл…

– РОББО! – закричал во весь голос Люк. К ним приближались яркие фары машины. Они буквально ослепляли. Затем раздался гудок. Оглушающий. Грозный. Похожий на рев. – РОББББBООО! – завизжал Люк.

Роббо в панике вдавил тормоз и выронил рацию. Он отчаянно крутил руль, не понимая, куда поворачивать, – справа плотной стеной стояли деревья, слева прямо на него двигался экскаватор, светя мощными фарами в лобовое стекло и ослепляя. Машина неумолимо приближалась из пелены дождя, огромная, словно локомотив поезда.

Майкл услышал из рации пронзительный крик, оглушающее лязганье и скрежет, будто космических размеров мусорные баки врезались друг в друга. Затем стало тихо. Очень тихо.

– Эй! – кричал он в панике. – Эй! Эй, ребята! Парни! Вы в порядке?

Тишина.

– ПАРНИ!

И опять тишина. Он не отрывал глаз от высвеченного фонарем круга на подкладке и дышал все чаще и чаще. Ему очень хотелось писать, кроме того, он действительно страдал клаустрофобией.

Черт, где же он находится? И куда пропали ребята?

Марк, Джош, Люк, Пит и Роббо? Что с ними произошло и как это отразится на нем?

Наверное, стоят вокруг него и хохочут. Или они все же уехали в клуб?

Алкогольный дурман вернулся и немного ослабил страх. Мысли в голове стали свинцовыми и путаными. Веки опустились, и он почти заснул. Открыв глаза, он ощутил, что крышка гроба покачивается, словно парит в воздухе. Подступившая тошнота усилилась, его подбросило вверх и качнуло в сторону. Вверх. Вниз. Майкл закрыл глаза, теперь отчетливо ощущая, что гроб будто плывет на волнах. Теперь ему совсем не хотелось писать. И тошнота отступила.

Было ощущение, что он лежит на большой кровати, которая плавно покачивается, словно колыбель.

Майкл закрыл глаза и провалился в сон.

Он проснулся в кромешной темноте с сухостью во рту, попытался сесть и ударился головой обо что-то твердое. Растерянный и удивленный, он опять лег. Он в постели с Эшли? Он попытался повернуться и дотронуться до нее, но рука сразу уперлась во что-то мягкое. Подняв ее, он ощутил прямо над головой преграду.

Майкл попытался сдвинуться влево, но и там была стена. При этом сильно пахло свежим деревом.

Черт, где же он?

Казалось, он еще спит и видит кошмар. Он опять поднял руку и ощупал все вокруг себя. Медленно воспоминания возвращались. Бар, потом еще один. Потом его везли. Потом положили в гроб. Не может ведь он до сих пор быть в нем?

Надавив рукой на крышку, он понял, что сдвинуть ее невозможно. Черт. Вот черт. Его охватила паника.

– Эй! – заорал он изо всех сил. – Эй!

Голос был слабым.

– Эй!

Он лежал, дрожа от страха, облизывая сухие губы, туман в голове мешал думать.

– Эй, парни, хватит! Слышите? Вытащите меня!

В ответ ни звука. Гробовая тишина.

Ужас леденящей дрожью пробежал по телу. А что, если случилось что-то плохое?

– У меня клаустрофобия, вы слышите? Вытащите меня НЕМЕДЛЕННО!

Он принялся изо всех сил колотить по крышке, выгибался, толкал, но все без пользы.

– ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ!

Воспоминания о событиях прошедшего дня возвращались кусками. Они ехали в минивэне. Друзья странно переглядывались. Он кричал все громче и бил кулаками по крышке до тех пор, пока пальцы не стали болеть. Внезапно он замер, вспомнив.

Несколько лет назад он читал статью в газете о гробах. В частности, о том, надолго ли хватает воздуха, – если дышать спокойно, часа на три-четыре. Однако время может сократиться до часа, если человек нервничает и дыхание учащается.

Майкл постарался расслабиться. Мысли приходили одна за другой. Фонарь. Рация.

Он положил руку на живот и нащупал что-то твердое и длинное. Повертев, он нашел кнопку и включил. Луч был тусклым, прерывистым. Вспыхнув ярче, он погас. Черт, батарейки сели.

Майкл нашел рацию и нажал кнопку. Зеленая лампочка горела слабо, но достаточно для того, чтобы осветить небольшое пространство вокруг.

Он нажал кнопку и произнес:

– Пит, Джош, Роббо, Люк, Марк! Хватит! Мне страшно, вытащите меня.

Он услышал сигнал «бип-бип-бип» и увидел надпись: «Батарея разряжена».

– Чертовы придурки, вы не могли нормально зарядить эту штуку? Эй! Эй!

В ответ он слышал лишь тишину.

Он попытался опять, но без результата.

Рация просигналила «бип-бип-бип», и дисплей погас.

– Бог мой, только не это!

Он снова и снова нажимал на кнопку. Ничего. Рация не ожила.

Он вспомнил о телефоне. Медленно, с трудом просунув руку между телом и белым атласом, он вытянул из кармана аппарат. Потом уронил. Нашел снова и поднес к лицу. Вспыхнувший дисплей почти ослепил его.

Три минут второго.

Пятница.

Завтра его свадьба.

Сети не было.

Майкл поежился от страха и постарался вспомнить, в котором часу они ехали в минивэне. Кажется, около девяти вечера. Четыре часа назад?

И ребята не вернулись. Они же сказали, что приедут через два часа. Он вспомнил крики, доносящиеся из рации. Скрежет. Что же могло случиться?

Дышать становилось тяжелее. Интересно, сколько осталось воздуха?

Он нажал кнопку на рации, только чтобы еще раз удостовериться, что она умерла.

– Парни! Шутки закончились. – Теперь ему приходилось делать более глубокий вдох, чтобы легкие наполнились воздухом. – Парни! – в отчаянии закричал он. – Хватит шутить!

Тишина.

Он с трудом вздохнул и подумал об Эшли. Его милой Эшли.

Веки стали тяжелыми, внезапно навалилась дремота. При этом он чувствовал себя спокойно. Головная боль прошла. Впадая в забытье, он прошептал:

– Эшли, милая… Если я завтра не приду на свадьбу, ты никогда не поверишь почему, правда?

Полиция так и не нашла Майкла Гаррисона. Все его друзья погибли мгновенно в аварии на дороге. К сожалению, они держали свои планы в тайне, поэтому ни одной живой душе не было известно, что они задумали сделать тем роковым вечером. И тайна их в буквальном смысле слова ушла в могилу.

Самое время выпить, или Солнце над нок-реей

Жизнь Тони Троллопа была монотонной. Каждый день он приходил домой с работы почти в одно и то же время, если не задерживался поезд из Лондона в Брайтон; он целовал жену Джулиет, интересовался, как дети и что сегодня на ужин. Затем запрокидывал голову, будто смотрел на мачту, и произносил: «Солнце уже над нок-реей!»

Это было знаком для Джулиет, что можно налить ему выпить. Он поднимался наверх переодеться и еще – много лет назад – чтобы взглянуть на спящих детей.

Фраза «Солнце уже над нок-реей!» стала для Джулиет чем-то вроде мантры, но ни она, ни ее муж не представляли тогда, какую роль она сыграет однажды в их жизни.

Через несколько минут Тони спускался вниз в растянутом свитере крупной вязки, мешковатых брюках и поношенных тряпичных мокасинах, которые любил носить дома и на их яхте. Затем он плюхался в массивное кресло, задрав ноги, клал рядом пульт от телевизора, а на колени журнал «Яхтинг». Джулиет подавала ему джин с тоником в высоком бокале и с ломтиком лимона, смешанный именно так, как он любил.

С годами, поскольку работа в небольшом частном банке становилась все более напряженной, количество джина увеличивалось, а тоника уменьшалось. Раньше в выходные солнце по его заявлению поднималось над реей после часу дня, теперь же в одиннадцать утра, вне зависимости от того, были они дома или на яхте.

– Одиннадцать часов было тем временем, когда моряки Королевского Британского флота позволяли себе выпить стаканчик рома, – любил он говорить Джулиет, оправдывая столь ранние возлияния.

Частенько он поднимал бокал за 31 июля 1970 года.

– Печальный день! – вздыхал он. – Очень печальный.

В тот день Британский флот запретил членам команды пить ром, когда солнце поднималось над нок-реей.

– Я уже столько раз это слышала, милый, – как правило, отвечала жена.

Иногда она сомневалась, все ли у него в порядке с памятью.

– Да, я знаю, что говорил. Но пойми, традиции важны, их нельзя просто взять и отменить. В наши дни стакан – это, конечно, много. Половина команды будет пьяна в стельку. Но традиция была введена по двум причинам. Во-первых, для профилактики болезней. Во-вторых, чтобы придать матросам мужества перед боем, такой способ применялся повсеместно в рядах вооруженных сил. Учеными-историками доказано, что многие солдаты шли в бой почти в беспамятстве от воздействия алкоголя или наркотиков. Во время англо-зулусской войны зулусы воевали только в наркотическом дурмане. Половина солдат, сражавшихся во Вьетнаме, сталкивалась с противником, употреблявшим марихуану или даже героин. Ведь недаром говорят: «Выпить для храбрости»!

Тони никогда не служил в Королевском флоте, но любовь к морю жила в нем с рождения. Когда ему было десять, отец подарил первую шлюпку, на которой он плавал в гавани Шорхэм, недалеко от Брайтона. Тогда он и был очарован морем. Во время их первого свидания, когда ему было двадцать три, а Джулиет двадцать два, они сидели друг напротив друга в небольшой траттории, и он спросил ее, выходила ли она когда-то в море? Она ответила, что никогда, но очень бы хотела.

В следующие выходные они плыли по Ла-Маншу на двадцатидвухфутовой «Сонате» – отличной яхте для начинающего, купленной Тони на деньги, полученные по наследству от дяди. Джулиет была сражена – и Тони, и новыми ощущениями. А Тони был покорен ею. Его предыдущая девушка через пятнадцать минут после выхода из гавани Шорхэма упала на кровать в каюте и все время короткого путешествия не расставалась с пластмассовым ведром и мечтала об одном – умереть. Видя, как Джулиет, словно заправский матрос, переступает ногами по палубе, он влюбился в нее… и в ее ноги. Впрочем, ему нравилось в ней все.

А Джулиет нравилось, что Тони такой мужественный, что с ним она чувствовала себя защищенной даже в открытом море. Он знал, кажется, все на свете, особенно о судовождении и парусном спорте. Он научил ее вязать риф, булинь, два полуштыка со шлагом, выбленочный узел и помог ей сделать собственный стенд с примерами узлов. С его помощью она овладела навыками управления яхтой по приборам спутниковой навигации, а потом и более старым способом – по морскому секстанту. Он показал ей, как читать карты. Как понять по облакам, что приближается дождь и шторм. Тони мог устранить, кажется, любую неполадку на яхте, починить двигатель и сшить порванный парус. Их путешествия становились все продолжительнее, они уходили все дальше. Вдоль южного побережья до Чичестера, а затем в Хамбл, вверх по течению реки Бьюли, а потом и еще дальше, в Пул и Торби.

Продвижение вверх по карьерной лестнице, результатом которого стали большие премии в конце года, позволило ему приобрести комфортабельную современную яхту с просторной каютой – или местом свиданий, как он любил ее называть.

Через год, в течение которого они все свободное время путешествовали по островам в проливе, на корме «Николсон-27», названной в ее честь, у острова Уайт, Тони сделал Джулиет предложение. Она с восторгом его приняла. Ее любовь к нему была искренней и глубокой, как море под ними.

Тони сделал прекрасную карьеру, занимал все более высокие должности, и яхты его становились все больше, длиннее и мощнее, каюты были достаточно просторными, чтобы разместились трое их детей, и наконец исполнилась мечта Тони, и они стали владельцами «Ойстер-42» с гидравлической системой управления парусами. Благодаря современному оборудованию они могли легко справляться с ней вдвоем, вне зависимости от того, помогали им дети или нет.

Они даже не сразу поняли, как быстро пробежало время. Вот уже двое детей учатся в университете, дочь вышла замуж, а они неожиданно для себя, оказывается, уже готовятся к выходу Тони на пенсию.

И к исполнению его мечты – кругосветному путешествию. По пути он планировал останавливаться в каждой стране на маршруте. Америка. Потом Австралия. Затем Азия. Южная Африка. Вверх по Суэцкому каналу. Можно задержаться на пару лет в Средиземном море.

– Слушай, ведь теперь не важно, как долго нас не будет дома, – говорил Тони жене. – Настала пора пересечь Ирландское море.

– Мы не ирландцы, – отвечала Джулиет.

– И что?

Она пожимала плечами. Какие странные вещи он говорит.

Если смотреть правде в глаза, за последний год, предшествующий его шестьдесят пятому дню рождения, Тони действительно изменился. Она не могла сформулировать, в чем это конкретно выражалось, но он стал каким-то другим. Ворчливым. Раздражительным. Хотя раньше был веселым и добродушным человеком. Джулиет с гордостью говорила подругам, что у них идеальный брак, они никогда не спорят и не ругаются. И сексуальная жизнь по-прежнему прекрасна.

Но вот еще одна морщина, но уже более глубокая, чем те, что появлялись на их обветренных лицах в последние годы.

Тони все чаще стал шутить о том, что у настоящего мореплавателя в каждом порту есть женщина.

Поскольку теперь он занимал одну из руководящих должностей в банке, в его обязанности входила работа с зарубежными клиентами, что влекло за собой частые поездки по всему миру. По возвращении домой он с каждым разом проявлял все меньше интереса к занятиям любовью.

Джулиет объясняла это естественным снижением либидо, связанным с возрастом, поскольку знала из бесед с подругами и статей в Интернете, что уровень тестостерона у мужчин с течением жизни снижается. Тем не менее она стала с подозрением относиться к его командировкам, которые были все продолжительнее, заурядная двухдневная поездка могла затянуться на неделю или даже дольше. Тони стал скрытным, не расставался со своим телефоном, на который ему все чаще приходили сообщения, он даже вставал среди ночи и удалялся в кабинет, чтобы ответить на звонок или написать ответ.

Однажды вечером за ужином с друзьями он рассказал веселую историю, которая Джулиет совсем таковой не показалась.

– А вы знаете, – начал он, – в городах, где расположены военно-морские базы, таких как Портсмут или Саутгемптон, жены, чьи мужья ушли в море, выставляют на подоконник пачку порошка «ОМО», подавая сигнал любовнику: «Моего нет!»

Все от души смеялись. Кроме Джулиет. Она вопросительно смотрела на мужа. И молчала.

Она едва дождалась, когда наступит день рождения Тони и ему исполнится шестьдесят пять. Его выход на пенсию был торжественно отмечен организованной банком вечеринкой в Сити. Ведь они планировали, что не будут затягивать и сразу отправятся в кругосветное путешествие, чтобы провести вдвоем пять следующих прекрасных лет. Тони, кажется, был воодушевлен, начал готовиться за много месяцев, строил планы и много времени уделял проверке технического состояния яхты.

Он часто говорил Джулиет, что ему приятно думать о плавании и что он будет счастлив, когда они останутся вдвоем.

Джулиет даже начало казаться, что она несправедлива к мужу, что сделала неверные выводы. Пожалуй, все эти поездки по миру в течение последних лет были исключительно деловыми. Тони работал как вол, чтобы принести пользу банку. Он хороший человек, она его очень любит, глубоко, по-настоящему, так же как и раньше. А может, даже больше. Джулиет осознала, что из всех вариантов, предоставленных ей жизнью, она выбрала лучший и предпочла удерживаться в непогоду за его мачту. Она начала готовиться к путешествию с таким азартом, который испытывала лишь в раннем детстве.

В день сорокалетия их брака, после выпитой бутылки шампанского, Тони признался ей, как всегда используя морские термины, что она была и остается лучшим, что есть у него в жизни.

Они с Тони много времени проводили склонившись над картами и просматривали маршруты, которые избрали для себя знаменитые мореплаватели. Первый вариант был

таков: через Бискайский залив, вдоль берегов Испании и Португалии, по Средиземному морю, затем вниз по Суэцкому каналу. Второй заключался в том, чтобы проплыть вдоль Испании дальше вниз к восточному побережью Африки. Но они выбрали третий, согласно которому им предстояло сразу переплыть Атлантику, пройти вдоль восточного побережья Америки, затем через Панамский канал вниз, вдоль побережья Эквадора, потом к Галапагосским островам, Фиджи, потом обогнуть Австралию и взять курс на Индонезию, оттуда к Южной Африке, мимо мыса Доброй Надежды к восточному побережью Южной Америки, Бразилии, потом к Канарским островам, Марокко и оттуда домой, в Англию.

Наконец этот важный день настал. На берегу стояли их дети, теперь уже со своими семьями; толпа друзей, многие из которых поддерживали их и помогали собрать деньги; фотограф местной газеты «Аргус»; телевизионная группа канала Би-би-си-Юг; их друг капеллан Иш из собора Чичестера, в присутствии которого они повторили свои свадебные клятвы во время церемонии на корме «Джулиет-3». Все провожали их, махали на прощание и желали удачи.

Последующие два года стали, без всякого сомнения, самыми счастливыми для них. Все же им довелось пережить немало пугающих моментов, самыми страшными из которых был случай, когда во время шторма в Атлантике отказал авторулевой, и происшествие у берегов Флориды, когда они лишились одного паруса. Тем не менее они благополучно добирались до каждого следующего порта, что-то покупали, что-то ремонтировали.

Для Джулиет главным было то, что они вместе и отношения их стали лучше, чем прежде. К моменту, когда они пришвартовались в Перте – после трех лет путешествий, – она ощущала невероятную близость с человеком, которого любила всю жизнь. Насладившись такой роскошью, как душ в номере шикарного отеля, они с Тони занялись любовью и лежали на широкой постели в объятиях друг друга. Джулиет мечтала, чтобы их путешествие никогда не заканчивалось, хотя она, безусловно, скучала по детям и внукам. Тони сказал, что тоже не хотел бы возвращаться. Почему же они не могут продолжить плавание? Они имеют полное право оставаться в море так долго, как захотят, ведь они вполне здоровые и крепкие люди.

У них был лишь один аргумент против. Они были в Дарвине и путешествовали уже три года и шесть месяцев, когда родились еще два их внука. Джулиет считала, что необходимо срочно вернуться в Англию, поскольку если они приедут через несколько лет, то будут для собственных внуков совершенно чужими людьми.

Похоже, Тони это совсем не беспокоило.

– Мы ведь можем отправиться сейчас прямо домой, побыть там год, а потом снова уйти в море, – говорила она.

– Но мне очень хочется сначала зайти в Сингапур, – упорствовал Тони. – Мы там вместе никогда не были, а я об этом мечтал.

– Но ты ведь был там по делам. Несколько раз. И всегда говорил, что в этой стране нет ничего особенного. Помнишь, я как-то сказала, что с удовольствием поехала бы как-нибудь с тобой, а ты убеждал, что там слишком жарко и влажно, что мне там не понравится.

– Я такое говорил?

– Да.

Тони пожал плечами:

– Но ведь прибывать туда на яхте – совсем другое дело, милая. Только представь, что чувствовал сэр Стэмфорд Раффлз, когда впервые ступил на этот берег? Мне бы очень хотелось разделить эти мгновения с тобой.

Впервые за последние несколько лет у них возникли разногласия.

– А я хочу вернуться в Англию, – продолжала настаивать Джулиет и ткнула в карту. – Мы могли бы пройти этим маршрутом. Шри-Ланка, Оман, потом Суэц.

Взгляд его внезапно стал отстраненным.

– Шри-Ланка? Не знал, что ты хотела там побывать.

– Но ведь ты должен отлично знать эту страну. Ты очень часто там бывал.

Тони кивнул:

– Да. Часто. – Неожиданно его лицо просияло. – Отлично! Идем на Шри-Ланку!

– На Шри-Ланку!

Он вгляделся в карту.

– Если мы пойдем тем путем, о котором ты говоришь, это около трех тысяч семисот миль. При нашей средней скорости шесть узлов, нам предстоит провести около тридцати дней только в открытом океане, мы рискуем встретиться с сомалийскими пиратами. Следует выйти на контакт с каким-то судном и поддерживать связь, чтобы не чувствовать себя полностью изолированными. Всякое может случиться.

– С тобой я всегда чувствую себя в безопасности, милый. Кроме того, какой интерес мы представляем для пиратов? Они охотятся за большими коммерческими судами, как в том фильме «Капитан Филлипс».

– Не всегда. Они также берут европейцев в заложники. Мы для них легкая мишень.

– Я хочу домой, Тони, это понятно? И я готова рисковать.

– Ладно. Хорошо. Нам надо будет по очереди дежурить, как мы делали и раньше в опасных местах.

– Я согласна.

По непонятной ей причине Тони был весьма увлечен идеей дежурств, особенно тем, что это предстояло делать Джулиет.

– Ты же понимаешь, это означают долгие ночные бдения на палубе, – говорил он. – В одиночестве.

– Ничего, я к этому привыкла.

– Ты, конечно, привыкла.

Пару раз за последующие два дня, когда они закупали провизию, Джулиет показалось, что Тони слишком часто удаляется в туалет на пристани и всегда берет с собой телефон. И он опять стал раздражительным. Ее подозрения вернулись. Не удержавшись, она спросила его, будто в шутку:

– Проблемы с желудком, дорогой? И как, телефон тебе помогает? Ты скачал специальное приложение от поноса?

Тони странно на нее посмотрел, спрыгнул на берег и пошел вверх по набережной.

Господи, как же она его любит. Но она всегда, всегда чувствовала, оглядываясь назад, что у него есть от нее секреты. И это обижало. Она сама никогда ничего не скрывала от мужа, с самой первой минуты была с ним откровенна. Самым большим желанием Джулиет было иметь возможность доверять Тони всем сердцем, так же как она его любила.

Она еще раз посмотрела на карту и подумала, что им предстоит долгий путь, действительно очень долгий. Ужасно долгий. Они пройдут Борнео, потом Сингапур, сотни миль океана и земли по правому борту. И впереди будут только голубые, бескрайние просторы Индийского океана. Конечно, они могли бы оставить в порту яхту и отправиться домой на самолете. Они были бы в Англии через сутки, а не через три месяца. Минимум. Она вспомнила, как их провожали, как им помогали средствами, они обязаны вернуться так же, как уезжали, на яхте.

Три дня спустя они уже были в пути. Тони, покрытый темным загаром, с бородой в белые крапинки, стоял у штурвала, а Джулиет убирала кранцы. День выдался ясным, сила ветра была три балла. Когда они вышли из гавани, Джулиет проворно и энергично подняла кливер, а следом и грот.

Потом Тони отключил двигатель, и они шли под парусами, улыбаясь морю и ветру и радуясь наступившей тишине. Было слышно лишь, как волны разбиваются о нос яхты, брякает такелаж и кричат чайки, следовавшие за ними неотступно, в надежде поймать что-то съедобное, что выбросят за борт.

Джулиет ходила по палубе, сматывая канаты и подбирая инструменты, оставленные Тони за время долгой стоянки в порту. Когда с делами было покончено, она прошла на корму, оперлась на леер и долго смотрела, как береговая линия Австралии исчезает в мареве.

Внезапно сердце кольнуло неприятное предчувствие. Совсем легкое, но говорящее о том, что впереди их ждет нечто ужасное. Им предстояло проделать очень долгий путь, к тому же они никогда так долго не находились в открытом океане, без остановок и выхода на берег. В некотором смысле предстоящее приключение ее увлекало. Она любила монотонное течение жизни в море. Ей нравилось стоять у штурвала, внимательно следить, нет ли поблизости других судов, особенно в плохую погоду или ночью, когда возникала опасность, что вас не заметит какой-нибудь сухогруз с ленивой командой на борту и яхта пойдет ко дну. Нравилось готовить еду. Спать в каюте. У нее было много времени для любимого занятия – чтения. На яхте была хорошая библиотека, к тому же у нее была электронная читалка, куда она предусмотрительно загрузила все книги, которые мечтала прочитать, в том числе «Войну и мир» и полное собрание сочинений Чарльза Диккенса.

Первые две недели прошли без эксцессов, дул попутный ветер, более сильный, чем они рассчитывали, что позволяло развить большую скорость, чем ожидалось. Если так пойдет и дальше, они будут дома на несколько дней раньше запланированного. Джулиет с нетерпением ждала встречи с семьей, тоска по ней становилась сильнее с каждым днем, ее переполняло волнение и мечты о предстоящей встрече. Через пару недель они должны сойти на берег на Шри-Ланке, а затем взять курс на Европу.

Первое непредвиденное событие произошло, когда Джулиет оставалось спать еще два часа до наступления времени ее дежурства. Яхта накренилась внезапно и так резко, что ее едва не сбросило с кровати. Прислушавшись, она уловила непривычно громкий лязг такелажа, и судно опять качнуло. Видимо, начинался шторм.

Джулиет выбралась из постели, прошла через главный салон и поднялась на палубу. Тони она увидела у нактоуза, лицо его было бледным и хмурым. Джулиет подняла голову: впервые с того момента, как они покинули Австралию, в небе не было звезд.

– Все в порядке, милый?

– Ветер усиливается, – мрачно констатировал Тони.

Полученный ими ранее прогноз уже сообщал о небольшом ухудшении погоды, но Тони говорил, что волноваться не о чем. Сейчас же он выглядел озабоченным.

В лицо дул теплый ветер. Теперь она хорошо чувствовала, как сильно раскачивается яхта и как трудно стало ею управлять. На чернильной поверхности моря отчетливо была видна белая пена волн.

– Ты в порядке, милый?

– Я? В порядке, хотя и не совсем, откровенно говоря.

– В каком смысле?

– Неважно себя чувствую, а так все хорошо.

– Неважно?

– Думаю, дело в карри, которое я ел, видимо, креветки были несвежие.

– О, мой милый. Иди вниз, я подежурю.

– Нет, я пойду запрошу погоду. Не волнуйся, со мной все нормально.

– По голосу не скажешь. – Теперь Джулиет была по-настоящему встревожена. – Похоже, тебе тяжело дышать.

– Нет-нет, все в порядке. На палубе порядок, все тип-топ! Если ветер усилится, придется убрать паруса.

Он показал ей, какого курса придерживаться, посоветовал пристегнуться в целях безопасности, поцеловал в щеку и стал спускаться по трапу.

Ветер определенно усиливался. Яхту раскачивало все сильнее. Паруса необходимо было спустить. Грот убирался одним нажатием кнопки. В случае необходимости можно убрать главный парус полностью – они не раз так делали – и идти с кливером. Паруса можно регулировать дистанционно из рубки. Перед началом путешествия Тони специально об этом позаботился, с расчетом на плохую погоду. Над ее головой что-то сильно застучало.

Внезапно, одним рывком яхта накренилась так сильно, что едва не легла на борт. Джулиет смогла вовремя отреагировать, повернула штурвал, направляя нос по ветру. Снизу донесся голос Тони, он зло выругался, но она не поняла, от раздражения или же боли.

Не раздумывая, Джулиет пристегнула ремень безопасности.

Через несколько секунд появился Тони, лицо его было серым, как грозовое небо, а из раны на лбу текла кровь.

– Черт возьми, женщина, ты что делаешь?

– Прости, милый, надо убирать часть парусов. Давай я обработаю рану.

– К черту! Срочно сворачивай главный парус, мы идем прямо на десятибалльный шторм.

– Но раньше в прогнозе ничего подобного не было!

Ей не нравилось, что в его голосе появились истерические нотки. Тони никогда в жизни не поддавался панике, никогда.

Сейчас же он выглядел не на шутку перепуганным.

– Хорошо! – Она потянулась и нажала кнопку, чтобы свернуть грот. Механизм заработал, парус стал медленно скручиваться. При шторме десять баллов он будет им только мешать. Скорее всего, как и в предыдущие два раза, им придется спуститься в трюм, закрыть люк и оставаться там, пока буря не стихнет. К счастью, они далеко от берега и основных морских путей и вполне могут дрейфовать в открытом океане, не рискуя натолкнуться на скалы или землю. У них было достаточно, как говорят моряки, пространства для маневрирования.

Мачта подозрительно заскрипела, раздавался скрежет механизма, но парус не скручивался. Яхту вновь накренило, но Джулиет ловко управлялась со штурвалом и вернула ее в нужное положение, справившись с боковым ветром. Потом ей на лицо упали первые крупные капли дождя.

– Что ты медлишь? Скручивай главный! – Тони показался из рубки и стоял, цепляясь за поручни, чтобы удержаться но ногах.

– Не получается! – выкрикнула она в ответ.

– Иди по ветру!

– Я стараюсь, нас разворачивает!

Тони исчез в рубке и вскоре появился с большим фонарем. Мощный луч осветил грот-мачту до самого верха, и они оба сразу поняли, в чем проблема. Парус надорвался сверху, и кусок его запутался в оснастке; австралийский флаг, который они прикрепили несколько недель назад и забыли снять перед выходом из порта, готов был вот-вот оторваться.

Пристегнувшись ремнем безопасности к леєру, Тони уже с трудом прошел по палубе и начал жать кнопки механизма, управляющего парусами. Грот дернулся, рванул вверх, потом вниз. В воздухе появился едкий запах гари, исходящий от электромотора.

– Вот черт, – выругался Тони.

Он опять принялся нажимать на кнопки, но на этот раз парус не шелохнулся.

– Что случилось? – спросила Джулиет.

– Похоже, мотор сгорел или предохранитель.

– Так поменяй предохранитель!

– Это не поможет, глупая ты женщина. Ты видишь, что оснастка намоталась на механизм, там сейчас не разобраться. Тебе придется поднимать меня туда на лебедке.

– Это невозможно, дорогой! Слишком опасно, да и я не могу выпустить штурвал!

В прошлом году в Перте они поменяли авторулевой на более современный, но в такую погоду от него не было толку.

– У нас нет выбора. Необходимо скрутить этот чертов парус. Займись управлением, я попытаюсь убрать кливер.

Через несколько минут, запыхавшись, Тони свернул носовой парус, но ветер усилился, и Джулиет показалось, что его старания если и не напрасны, то мало полезны. Она изо всех сил пыталась удержать яхту и не дать ей перевернуться. Шторм становился сильнее, волны выше, а впадины между ними, в которые они проваливались, все глубже. Каждый раз, когда яхта падала вниз, ей казалось, что они падают в бездонную яму. Капли дождя и морской воды жалили лицо, как ядовитые насекомые.

– Мне надо подниматься! – выкрикнул Тони.

Он надел перчатки, выбрался из рубки, лег на живот и пополз по палубе к мачте. Закрепил страховочную привязь и теперь будто сидел в кресле из ремней.

– Все в порядке, милая! – крикнул он. – Поднимаюсь!

Он отпустил страховочный трос, закрепленный на яхте, и стал подтягиваться и подниматься дюйм за дюймом. Джулиет изо всех сил старалась справиться с управлением, но ветер раздувал кусок не свернутого паруса, отчего яхту бросало из стороны в сторону. Она боялась, что они перевернутся, но не меньше ее пугала потеря паруса. У них недостаточно топлива, чтобы пройти пятнадцать тысяч миль, оставшихся до Шри-Ланки. А если полагаться только на оставшиеся паруса, то путь займет на несколько недель больше.

Тони тем временем поднялся так высоко, что у него дух захватывало. Он почти мог дотянуться до клотика мачты! «Ничего, я с тобой разберусь», – думал он, бросая взгляд на парус. Внезапно он ощутил резкую боль в правом плече, потом закружилась голова. Перед глазами все завертелось, будто он был на ярмарочной карусели. Грудь сдавило, словно стальными тисками.

– Тони, милый мой, ты в порядке? – кричала снизу Джулиет. – Ты в порядке?

Он направил луч света на клубок из проволоки и веревки. В следующую секунду яхта накренилась, ветер бил в лицо и трепал волосы. Его стало сильно раскачивать в кресле из стороны в сторону, но через несколько секунд качка прекратилась без усилий с его стороны – моток зацепился за поддерживающие его ремни. Он слышал доносящиеся снизу крики Джулиет.

– Вот черт!

– Что там, Тони?

В море часто приходится мгновенно принимать решение. И сейчас настал именно такой момент.

Если яхта накренится максимально, вода хлынет в салон, тогда они будут обречены. Им с Джулиет придется плыть пятнадцать тысяч миль на небольшом надувном плоту через бушующий Индийский океан с несколькими бутылками воды и парой плиток шоколада. Плот и запас провизии рассчитан лишь на несколько часов, в крайнем случае на пару дней, пока не подоспеет помощь.

Выход сейчас у них только один.

Тони вытащил нож и принялся резать парус, дотягиваясь так низко, как только мог. Ему помогал ветер, буквально разрывая ткань.

– Тони? – кричала Джулиет. – Что происходит?

Он попытался ей ответить, но у него не было сил. Тихие слова мгновенно уносил шквалистый ветер.

– Все хорошо! Все будет хорошо!

– Тони?

Стальные тиски сжимали грудь все сильнее.

– Тони?

Из темноты на него смотрели лица красивых женщин, все они выкрикивали его имя: «Тони! Тони! Тони!»

Издалека доносился тревожный голос Джулиет:

– Тони? Тони! ТОНИ!

Разорванный грот колыхался на мачте, как тряпка на ветру, но управлять яхтой стало легче. Однако шторм был таким сильным, что каждый раз, когда Джулиет пыталась отпустить штурвал, яхта резко ложилась, то на один борт, то на другой. Джулиет старалась изо всех сил, боролась с ветром и дождем, ей постоянно приходилось закрывать глаза и уворачиваться от потоков воды.

– Тони! Тони! Тони! – не переставала звать она.

Время шло, наконец шторм стал затихать, забрезжил рассвет, как знак окончания самой долгой ночи в ее жизни. Джулиет пыталась докричаться до мужа, запрокидывала голову и вглядывалась в силуэт у самого топа мачты, повинуясь ветру, парус налетал на него и скрывал, но потом его сдувало в сторону. Небо светлело, ветер стихал, и теперь Джулиет было легче разглядеть Тони. Он сидел закрепленный ремнями, голова упала на грудь. Он не шевелился, хотя его временами били канаты и веревки, тянущиеся к палубе. Она охрипла от крика, глаза болели от соленой воды и слез. «Господи, умоляю тебя, не дай этому случиться».

– Тони! – повторяла она. – Тони, очнись! Пожалуйста, очнись!

Он покачивался над ее головой, как тряпичная кукла, одетая в желтую футболку, джинсовые шорты и мокасины, резиновые перчатки делали его похожим на электрика.

– Тони! – в отчаянии выкрикнула Джулиет. – Тони!

Несмотря на то что шторм стихал, волны все еще были очень высокими. Лишь через два часа погода окончательно наладилась, а поверхность моря стала почти гладкой.

Джулиет решилась закрепить штурвал и отойти. Не отстегивая ремень безопасности, она на четвереньках поползла к мачте. Она звала мужа до тех пор, пока горло не стало болеть, а изо рта вырывались хриплые звуки.

– Тони! Тони! ТОНИ!

Она попыталась подняться на мечту, но через несколько футов сползала вниз, и ладони ее горели.

– Тони! Тони! Тони!

Ответа она так и не получила. Теперь при свете дня, когда его не закрывал повисший вдоль мачты порванный парус, она видела почему. Глаза Тони были широко распахнуты, но он не моргал. Он смотрел вдаль ничего не видящим взором. Рыдая, Джулиет принялась дергать за тросы, пытаясь освободить ремни из плена клубка проволоки и веревок, но в результате лишь сильнее повредила руки. Наконец она сдалась и перебралась в рубку.

Первым делом она включила радио и нашла 16-й канал международного морского диапазона, однако услышала лишь прерывистое гудение и треск. Она попробовала настроиться на другую чистоту, но с тем же результатом. Вернувшись на 16-й канал, она отправила сигнал бедствия. Спутниковая навигация не работала, поэтому координаты она знала лишь приблизительно, опираясь на данные, отмеченные на карте Тони. Их она и сообщила в эфир вместе с просьбой о помощи. Ответа не последовало.

Вернувшись на палубу, она с содроганием подняла глаза верх, стараясь не смотреть на тело мужа, желая лишь разглядеть ретранслятор и антенну, которые были установлены там, где на их старой яхте была нок-рея. К своему ужасу, она их не увидела.

Видимо, проблемы с парусом ночью лишили яхту и необходимого оборудования для навигации, и связи.

Джулиет рыдала и не могла остановиться.

– Тони, прошу, не поступай так со мной. Не оставляй меня. Только не здесь. Умоляю, Тони!

Он поднимала глаза к серому небу, затем переводила взгляд на серо-зеленый океан, простиравшийся во все стороны до самого горизонта.

Согласно карте, в паре сотен морских миль от этого места должен быть остров Рождества. До Шри-Ланки оставалось еще много тысяч миль, а вот Индонезия была справа в нескольких сотнях миль. В любом случае это несколько дней пути. Несколько дней, которые еще больше отдаляли ее от дома.

Тони мертв. Это надо признать. Так что теперь не важно, займет путешествие два дня или две недели. Возможно, мимо будет проходить какой-то корабль или над океаном пролетит самолет, тогда она выпустит сигнальный огонь, и ее примут на борт. Лучшее, что она могла сейчас сделать, – придерживаться курса и надеяться, что сигнал бедствия был услышан, в чем она совсем не была уверена.

Может ей повезет, и в этом районе появится вертолет? Джулиет громко выругалась, проклиная себя за то, что забыла о спутниковом телефоне, который был у Тони.

– Ну конечно, какая же я глупая! Ему ведь не нужна антенна. Тони купил его именно для такой ситуации, оправдывая расходы тем, что они всегда смогут вызвать помощь, даже если яхта будет полностью обесточена.

Джулиет вернулась в рубку и нашла телефон, лежащий в шкафу рядом с картами. Повертев его в руках, изучая, она нажала на кнопку включения. Через несколько секунд дисплей засветился. Появились символы и цифры, сообщая, что устройство заряжено на восемьдесят процентов. Затем, к ее огромному удивлению, телефон затребовал пароль.

Разумеется, она его не знала.

– Бог мой, Тони, – с сожалением выдохнула Джулиет. – Какого черта тебе понадобилось установить пароль?

Затем она вспомнила, что он учил ее никогда не впадать в панику. «Паника способна убить», – говорил он. В катастрофах выживали только те, кто сумел сохранить спокойствие и здравомыслие, несмотря на то, каким бы ужасным ни было их положение. Происходящее никак не ухудшало сложившуюся ситуацию.

– Спасибо за совет, Тони! – громко произнесла она, стараясь оставаться спокойной и мыслить здраво, и принялась вспоминать пароли, которые они обычно использовали. Первым ей пришел в голову код для сигнализации в их доме – год ее рождения. 1954.

Она ввела цифры и стала ждать, однако в ответ раздался гневный сигнал телефона, отвергавшего пароль.

Черт! Почему Тони не устроил этот? Чтобы удостовериться, что ничего не перепутала, Джулиет повторила. Ответ был тем же.

Она смотрела на дисплей и думала. Она знала, что у нее есть несколько попыток, затем телефон будет заблокирован. Сколько же их предоставит этот?

Какой же пароль мог использовать Тони? На аппарате, которым он не собирался часто пользоваться, он должен быть простым и легко запоминающимся.

Возможно, дата рождения?

Она набрала 1948 и услышала тот же неприятный сигнал и почувствовала вибрацию.

– Болван! – выкрикнула она. Что же делать? Она ввела цифры в обратном порядке. Безрезультатно. Проделала то же с годом своего рождения. В доступе опять было отказано. – Давай же работай, ты моя последняя надежда! – закричала Джулиет. – Какой у тебя пароль?

Четыре цифры. Интересно, сколько всего существует возможных комбинаций из четырех цифр? Джулиет принялась вводить номера произвольно, потом день и месяц рождения Тони – 1607. Потом день и год – 1648. Потом свои данные. Потом 0000. Каждый раз ответ был одним и тем же.

– Умоляю тебя! Господи, пожалуйста, пусть он заработает!

Джулиет вернулась на палубу и, к своему ужасу, заметила, что яхта отклонилась от курса. Она развернула ее, отметив, что ветер совсем слабый, и судно почти не движется. Необходимо поднять паруса или завести мотор, хотя ее и беспокоит оставшееся количество топлива. Этим всегда занимался Тони, но она помнила, что он следил, чтобы мотор не работал дольше необходимого. Он часто напоминал, что топливо пригодится им для подзарядки аккумулятора и батарей, а также выхода из порта. «Джулиет-3» была парусная яхта, а не моторная лодка. Насколько рассчитаны их топливные баки? Куда она сможет доплыть, если воспользуется мотором?

Грот сейчас бесполезен и не подлежит починке. Больший его кусок обернулся вокруг тела Тони, накрывая его, будто саваном. Ей придется довольствоваться кливером, а от Коломбо на Шри-Ланке, если ей суждено туда добраться, придется воспользоваться мотором, одна она не сможет идти под парусом.

Джулиет с трудом развернула кливер, который мгновенно наполнился ветром и увеличил скорость яхты от одного узла до трех, как показывали приборы. Грот, превратившийся в никому не нужную тряпку, хлопал краями, словно крыльями.

Три узла, размышляла Джулиет. Сколько времени ей потребуется, чтобы добраться до пункта назначения с этим парусом, проходя в день семьдесят две мили? Две или даже три недели. Она перевела взгляд на безжизненное тело мужа. Поддавшись внезапному гневу, она закричала:

– Тебе нужна помощь врача, Тони? Тогда назови пароль!

А потом Джулиет опять плакала. Последний раз она молилась в детстве, но сейчас, неожиданно, руки сами собой прижались ладонями друг к другу, она опустилась на колени и заговорила:

– Господи, молю Тебя, помоги мне! Помоги нам!

Сверху она услышала резкий и неприятный звук.

Подняв глаза, она увидела птицу, похожую на чайку, но с темным пятном в передней части головы, отчего казалось, будто она надела на глаза маску. Птица села на тело Тони, обернутое сейчас парусом, затем, напуганная его движением под воздействием ветра, улетела прочь. Когда страх немного отступил, Джулиет задумалась, ведь птица могла быть знаком, что земля где-то близко.

Она смотрела на нее, пока та не превратилась в черную точку, размышляя, может ли эта птица значить для нее то же, что альбатрос в «Сказание о старом мореходе». Или увидеть чайку – это к несчастью? В Англии, например, есть суеверие, что увидеть одну сороку – плохой знак, надо немедленно найти вторую. Относится ли то же к чайкам?

Она прошла в рубку и еще раз проверила, работает ли спутниковая навигация и радио, но увидела лишь волны на экране и услышала треск. Вздохнув, Джулиет принялась изучать карту, чтобы определить, как далеко она находится от берега. Через несколько минут из глаз невольно полились слезы. Ей оставалось только рыдать, горюя о своей судьбе. Она никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой, ей никогда не было так страшно, и больше ее ничего не волновало.

Она потеряла мужчину, которого любила всю жизнь. Самым простым решением было выйти на палубу, пройти к корме и броситься в воду.

Следом пришли мысли о детях и внуках. Джулиет вытерла слезы и принялась разглядывать карту, стараясь взять себя в руки. В данный момент самым пугающим было то, что ей не с кем поговорить – рядом нет не только человека, но и вообще никого. Никого, с кем можно было бы поделиться горем. И так будет в ближайшие две недели. Ей предстоит плыть через океан, с телом Тони на мачте. Нет, должен быть какой-то способ снять его оттуда. Обязательно должен. Господи, помоги.

Она изучала карту и измеряла расстояние. Определенно, она сейчас ближе к Индонезии, чем к Шри-Ланке. Дней пять-шесть пути вместо четырнадцати. Однако она не была уверена в том, что сможет правильно выбрать курс и не сбиться. Тони учил ее прокладывать маршрут с учетом ветра и течений, приливов и отливов, но она никогда не делала это самостоятельно и не была уверена в своих силах. Кроме того, ей даже неизвестны ее точные координаты.

Если небо будет чистым и звездным, она сможет определить положение по секстанту. Но сейчас оно затянуто плотными облаками. Вчера вечером Тони обвел карандашом место их нахождения, получается, если двигаться строго на восток, она неминуемо достигнет берегов Индонезии, образовавшей с той стороны своего рода барьер.

Ей необходимо изменить курс, а она не могла быть уверена, что доберется именно до того места, где есть аэропорт. К тому же если она пойдет на Шри-Ланку, то будет ближе к дому, там она обратится в похоронное бюро и улетит в Англию вместе с Тони.

К своему ужасу, Джулиет неожиданно вспомнила, что муж часто говорил ей, что хочет быть похороненным в море, и она обещала, что, если он скончается первым, она исполнит его волю.

Печальная ирония судьбы, подумала она. Он умер в море, занимаясь тем, что любил, а она не может спустить его тело на палубу и сделать так, как он хотел, что сейчас проще простого. Возможно, получив разрешение от властей, она сможет исполнить это на Шри-Ланке.

Интересно, как близко она к земле? Возможно, достаточно, раз сюда долетела птица.

На какое расстояние чайка может пролететь над морем? Тысячи миль? Возможно. Ведь многие птицы проделывают гигантские расстояния во время миграции, верно? Откуда же прилетела эта, со зловещей маской?

Джулиет вернулась на палубу и взялась за штурвал, чтобы придерживаться курса, а затем посмотрела на сломанный авторулевой. Интересно, его можно как-то исправить? Она

заметила, что сломан зубец на главной шестерне, а значит, решить проблему можно только с помощью сварки.

Джулиет решила оставаться за штурвалом так долго, как только сможет, и позволить себе поспать совсем немного.

Солнце было в самом зените, и, несмотря на ветерок, на палубе было жарко. Она подняла голову, чтобы посмотреть на небо, но видела лишь тело мужчины, которого так любила, раскачивающееся у мачты, и ей было больно видеть его таким. Вместо этого Джулиет решила сосредоточиться на линии горизонта, прочерченной над носом судна.

Примерно через час она увидела в небе две приближающиеся черные точки. В душе вспыхнула надежда. Вертолеты? Через несколько минут восторг сменило разочарование, когда она смогла разглядеть, что это птицы. Эти были такими же, как первая, с пятнами на передней части головы. Может, она вернулась с другом? Поглядывая краем глаза на ходовой компас, она наблюдала, как птицы кружат в небе. Окружность становилась все меньше и меньше, и вскоре Джулиет поняла, что целью птиц было тело ее мужа. Это вызывало беспокойство.

– Пошли вон! – крикнула она.

Вдруг одна из них рванула к его голове, ткнула клювом и отлетела в сторону. Вторая сделала то же самое, целясь в лицо.

– Убирайтесь! Отвалите! Не трогайте его!

Джулиет увидела еще черные пятнышки на горизонте. Она принялась считать: пять, шесть, семь, восемь, десять.

Через несколько минут вокруг ее мужа кружилось около дюжины чаек, клевавших его лицо.

– НЕ-Е-ЕТ! – закричала Джулиет и принялась поворачивать штурвал, то влево, то вправо, раскачивая яхту, но это не имело для птиц никакого значения. Они отвратительно кричали, били друг друга крыльями, цеплялись когтями и целились клювами в глаза, губы, нос и уши Тони. – НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

Она зафиксировала штурвал и поспешила вниз, туда, где в шкафу они хранили шесть сигнальных ракет, и вернулась с ними на палубу. Чаек стало еще больше, ужасные твари с головами демонов, рвущие на куски лицо ее мужа.

Джулиет взяла одну ракетницу и попыталась прочитать инструкцию, но руки ее так дрожали, что буквы, напечатанные мелким шрифтом на кусочке бумаге, сливались в темное пятно. Наконец ей удалось разобрать слова. Она направила ракетницу прямо на стаю и дернула за кольцо. Раздался резкий свист, затем выстрел, похожий на запуск петарды, красная полоса взметнулась в небо и накрыла чаек красным облаком. Казалось, они этого даже не заметили.

– УБИРАЙТЕСЬ ПРОЧЬ, МЕРЗКИЕ ТВАРИ! – завизжала Джулиет и выпустила вторую ракету.

На этот раз она целилась прямо в птиц и попала в одну из них. Задев птицу, красный шар спикировал в море, оставляя за собой яркую дугу, и вода зашипела, поглощая его.

Чайка камнем упала вниз, и теперь ее тушка лежала, покачиваясь на волнах. Будто поддавшись панике, стая, громко крича, отлетела сначала в сторону, покружила и двинулась к горизонту.

Джулиет тряслась всем телом и никак не могла успокоиться. Волна несла птицу вдоль борта к корме.

– Поделом тебе, – пробормотала Джулиет, косясь на нее. – Вурдалаки.

Через десять минут чайки вернулись, некоторые летели поодиночке, некоторые группами.

Даже издалека было видно, что птиц стало больше. Дрожащими руками Джулиет выпустила еще одну ракету, но не попала в птицу. Не обращая на сигнальные вспышки никакого внимания, чайки принялись яростно клевать добычу.

Слезы катились по ее лицу, перед глазами все расплывалось, но она выпустила еще ракету и еще. Теперь у нее осталась одна, последняя. Ее нельзя использовать, надо сохранить на случай, если на горизонте покажется корабль. Тогда сигнальная ракета будет единственной надеждой.

Смерть Тони стала для нее кошмаром, о котором она боялась даже думать, но теперь все стало еще хуже. Как ей остановить этих летающих вурдалаков?

Подойдя к мачте, она обхватила руками металлический шест и стала отчаянно пытаться на него забраться. На лоб упал птичий помет. И еще. Отвратительные крики почти оглушали.

Джулиет громко кричала, громче и громче. Ей удалось подняться на несколько футов, но кусок паруса и канаты били по голове, она не удержалась и съехала вниз.

Рыдая, она вернулась к штурвалу. Яхта существенно отклонилась от курса. Она поворачивала штурвал, глядя на стрелку компаса, не переставая кричать на птиц, пока не охрипла, но это не дало никакого результата.

Чайки кружились около Тони, пока не склевали все, что можно было, на лице, а затем так же поодиночке или группами скрылись в наступающей темноте.

Тело ее мужа болталось, удерживаемое ремнями, с окровавленным черепом с редкими пучками волос и неестественно широкой улыбкой на изуродованном лице.

Джулиет с трудом справлялась с болями в груди, но остальных частей тела она не чувствовала. Она продолжала молиться, прося Бога о помощи и мечтая о том, что скоро проснется и все это окажется лишь жутким кошмаром.

Вскоре после рассвета чайки вернулись. Теперь они принялись за тело. В воздухе летали клочки ярко-оранжевой ветровки «Генри Ллойд», а ненасытные твари разрывали человеческую плоть.

К концу третьего дня тело Тони напоминало изуродованное чучело.

Прошли еще долгие двенадцать дней и ночей, прежде чем во второй половине дня она увидела впереди маяк, а потом и бетонное ограждение порта Коломбо на Шри-Ланке и знак ограничения скорости. Джулиет была в состоянии нервного истощения от недостатка сна, разум ее немного помутился, и последние два дня она вела долгие беседы с Тони мысленно, а иногда и вслух. Чайки давно перестали преследовать яхту, вместо тела на мачте висел лишь скелет с обрывками одежды.

К счастью, день был совсем безветренный, кусок паруса обернулся вокруг Тони, полностью скрывая его от окружающих. Она завела мотор и теперь молилась, чтобы топлива, благодаря бережливости мужа, хватило до самого берега, ведь стрелка прибора указывала, что уровень его почти на нуле. Путь к причалу для яхт был ей известен, поскольку Тони заранее пометил место красным цветом. Она была благодарна ему за то, что он все тщательно планировал.

Надев солнцезащитные очки, чтобы поберечь глаза, опухшие от слез и соленого ветра, она разглядывала суда, стоящие на заправке, краны и нескончаемый ряд контейнеровозов и танкеров. Наконец она увидела лес мачт по правому борту и направилась к ним.

Через пятнадцать минут, миновав заправочную станцию, она увидела причал, знак, указывающий место для швартовки, и сбросила скорость до минимума. Пройдя на нос, она достала булинь и перекинула через борт кранцы, не представляя, сможет ли пришвартоваться самостоятельно.

К счастью, пожилой мужчина на берегу в потрепанной кепке, похожий на сотрудника порта, стал делать ей знаки руками. Он бросила ему булинь, который тот ловко поймал и обмотал вокруг столба. Через несколько секунд он поймал кормовой швартовый, действуя так, будто проделывал это тысячи раз, и вскоре корма яхты уже была рядом с понтоном.

Джулиет разрыдалась от счастья, ей казалось, она никогда в жизни не была так рада видеть совершенно чужого человека.

Она вышла на берег и, указывая на останки Тони, попыталась объяснить, что случилось. Однако мужчина не говорил по-английски и не обращал внимания на ее жестикуляцию. Сквозь желтые зубы он твердил лишь одно:

– Ваш паспорт. Паспорт? Бумаги? Документы?

Пройдя в рубку, Джулиет принесла документы на яхту и свой паспорт. Забрав их, мужчина сделал знак, что скоро вернется, и удалился.

Она проводила его взглядом до ряда низких строений и огляделась, радуясь тому, что она на суше. По пути сюда она заметила несколько британских флагов на мачтах яхт и надеялась, что сможет узнать у их хозяев, как найти британского консула, или, по крайней мере, попросит у них разрешения позвонить.

Однако сейчас ей необходимо прежде всего выпить. Джулиет прошла в каюту и взяла бутылку рома. Вне кабинета, в море, Тони предпочитал только этот напиток. Она налила немного темной жидкости в бокал и услышала женский голос.

– Эй, здравствуйте. Тони? Есть кто-нибудь? – говорила женщина на ломаном английском.

Поднявшись на палубу, Джулиет увидела привлекательную девушку лет тридцати, похожую на индианку.

– Чем могу вам помочь? – спросила Джулиет.

– Это ведь «Джулиет»? – задала вопрос женщина. – Яхта «Джулиет»?

– Да.

– Я ищу Тони.

Джулиет нахмурилась:

– Тони Троллопа?

– Да! – обрадовалась женщина и смутилась. – Вы уборщица?

Вот черт, подумала Джулиет. Неужели она так ужасно выглядит? Прогнав неприятные мысли, она невозмутимо продолжала:

– Могу я узнать, кто вы?

– Да, я невеста Тони.

– Невеста? – Джулиет с трудом сдерживалась.

– Да, Тони плыл ко мне, чтобы пожениться.

– И с кем он должен был приплыть? – с ухмылкой спросила Джулиет.

– Он сказал, что будет один.

По спине пробежала дрожь. Так вот почему Тони настаивал на этом маршруте! Три недели в открытом океане, вдали от земли. Три недели без связи. За эти три недели с каждым из них могло случиться что угодно, и полиция никогда бы не доказала, что было совершено преступление. Таков был его план? Выбросить ее за борт и идти дальше, к новой жизни с молодой женой?

Каков подонок.

– Как вас зовут? – поинтересовалась Джулиет.

– Липика.

– Красивое имя!

– Спасибо. Так где Тони? Он на яхте?

– Да, он немного устал, отдыхает. Знаете, Липика, думаю, нам надо выпить, отметить вашу помолвку!

Она достала второй бокал.

– Нет, спасибо, – улыбнулась женщина. – Я не пью.

Не слушая возражения, Джулиет налила ром.

– Сейчас можно, даже необходимо, дорогая!

Джулиет взяла бокалы и прошла на палубу к штурвалу, желая разглядеть женщину при дневном свете. Она была очень красива. Неужели настолько, чтобы ради нее убить? Впрочем, это уже не имело значения. Все закончилось. Осталось в прошлом.

Джулиет подняла бокал:

– Самое время выпить?

Поколебавшись, Липика чокнулась с ней и улыбнулась. Джулия усмехнулась и подняла бокал выше.

– Солнце над нок-реей! Выпьем за счастливую пару. За Тони и Липику! Прошу, он весь твой!

Женщина проследила за взглядом Джулиет. В этот момент подул ветер, и парус отлетел в сторону, открывая скелет Тони, с исклеванным черепом, на котором остались редкие клочки волос.

Бокал выпал из рук Липики и разбился о палубу. Предзакатную тишину пронзил ее истошный крик.

Ты никогда не забудешь мое лицо

Когда Лора ехала из супермаркета, уже почти стемнело.

С неба валил мокрый снег, мелодия песни «Добрый король Венцеслав» доносилась из колонок у стенда Армии спасения рядом с магазином «Сейфэуэй». Лора опустила окно и просунула талон в щель паркомата. Ожидая, когда поднимется шлагбаум, она посмотрела в зеркало заднего вида и наткнулась на взгляд темно-карих, почти черных глаз. Человек находился на заднем сиденье ее автомобиля. Она замерла. Первой мыслью было закричать и позвать на помощь, но вместо этого она нажала на педаль, и старенькая «тойота» рванула вперед.

Она свернула в сторону, чтобы объехать минивэн, зигзагом переехала пешеходный переход, чтобы не задеть маму с детьми, и помчалась к перекрестку.

Глаза в зеркале смотрели равнодушно.

Лора прибавила скорость.

Снег залепил лобовое стекло, но она не могла сообразить, как включить «дворники». Она слишком круто повернула руль, на вираже машину занесло и вынесло на встречную полосу. «Тойоту» несло на свет фар грузовика, и Лора закричала. Через секунду бампер его врезался в лобовое стекло, осколки полетели ей в лицо, самый крупный скользнул по шее, срезая голову, которую отбросило за заднее сиденье. Автомобиль вспыхнул, языки пламени охватили ее тело…

И она проснулась.

В комнате было тихо. Лора лежала в холодном поту и тяжело дышала. Внезапно она вспомнила старую цыганку, пытавшуюся продать ей веточку вереска на выходе из супермаркета.

Цыганка была так настойчива, что преградила Лоре путь и не отстала, пока та, потеряв терпение, не выкрикнула: «Отвали, старая ведьма!»

Однако старуха прошла за ней до машины, постучала в стекло, прижала сморщенное лицо и прохрипела: «Посмотри мне в лицо, милая. Ты его никогда не забудешь. Будешь помнить до конца дней. Знай, день, когда не увидишь его, станет днем твоей смерти!»

Чтобы успокоиться, Лора повернулась и посмотрела на спящего мужа. Билл сонно заворочался. От него исходил грубый запах мужского тела и волос. Он был скалой, защищавшей ее всю жизнь.

Завтра канун Рождества. На этот раз они планировали остаться вдвоем, и она с большим нетерпением ждала этого вечера. Она прижалась и пошевелила пальцами – надеясь его разбудить и заняться любовью, – положила голову на мускулистый торс и наконец почувствовала себя в безопасности.

На следующий день Лора проснулась среди ночи, разбуженная резким стуком. Спальня была залита пугающе ярким лунным светом. Странно, подумала она. Почему же не задернуты шторы?

Затем она вновь услышала стук, и по коже головы побежали мурашки. За оконным стеклом она увидела мертвенно-бледное лицо старой цыганки.

«Посмотри мне в лицо, милая. Ты его никогда не забудешь. Будешь помнить до конца дней. Знай, день, когда не увидишь его, станет днем твоей смерти!»

Лора в ужасе прижалась к Биллу, но он так крепко спал, что даже не пошевелился.

– Билл! – прошептала Лора. – Билл!

– Хмм… что такое? – пробормотал он.

– Там кто-то в окне. – Горло сдавило так сильно, что каждое слово давалось с трудом.

Билл вытянул руку, и она услышала, как он скребет по поверхности прикроватной тумбочки. Раздался щелчок, и вспыхнул свет. Лора с опаской повернулась и посмотрела на окно. Шторы были плотно задернуты.

– Что случилось? – спросил Билл сонным голосом.

– Приснился страшный сон. – Она потянулась и поцеловала его в щеку, чувствуя себя очень глупо. – Прости меня.

Утром Билл принес в постель завтрак для них обоих, а потом протянул огромную открытку и три подарочных пакета.

– С Рождеством, – сказал он и покраснел – он всегда стеснялся быть сентиментальным.

Лора протянула мужу свой подарок – дорогой лосьон после бритья и аккумуляторный шуруповерт, он давно намекал ей, что хотел бы его иметь. Затем она открыла первый пакет. В нем был свитер с потешной аппликацией овцы на груди. Лора не смогла сдержать смех и поцеловала мужа. Во втором была бутылка ее любимого масла для душа. Она увидела, как глаза Билла вспыхнули от нетерпения, и потянулась за третьим пакетом. Он был самым маленьким, но тяжелым.

– Э-э-э… надеюсь, тебе понравится, – пробормотал он.

Волнуясь, она открыла коробочку. На веточках вереска лежала небольшая фарфоровая статуэтка. Лора похолодела.

Билл почувствовал ее оцепенение.

– Я… э-э-э… нашел ее вчера, – сказал он. – В твою коллекцию фарфора «Каподимонте». Мне показалось… она очень красивая.

– Где ты ее купил?

– В лавке старьевщика. Сам не понимаю, какая-то сила заставила меня в нее зайти, был уверен, что найду там для тебя настоящий подарок.

Лора перевела взгляд на фигурку, на лицо с черными глазами, как у той ведьмы, поджатыми губами, которые не могли скрыть выступающие острые резцы.

– Она прекрасна, – глухим голосом произнесла Лора, видя, как неприятна ее реакция Биллу. – Действительно прекрасна.

Лора оставила статуэтку на своем туалетном столике на целую неделю, чтобы угодить мужу, но каждый раз при взгляде на фигурку ее охватывал ужас.

В следующее воскресенье Билл уехал с грузом в Италию. Ей же предстояло выйти на работу лишь через день, поэтому она решила заняться хозяйственными делами. Часы шли один за другим, а Лора чувствовала себя все более дискомфортно. Поддавшись порыву, она поднялась в спальню, положила статуэтку в коробку и выбросила в мусорный контейнер.

Сразу стало легче. Она поставила еду на поднос, с удовольствием ужинала и смотрела романтическую комедию, жалея, что рядом нет Билла. В самом начале двенадцатого она поднялась в спальню. Включив свет, она случайно посмотрела на туалетный столик и похолодела. Фигурка вернулась и стояла на том самом месте, где была утром. Лора перевела взгляд на плотно задернутые шторы, затем на статуэтку. На мгновение ей показалось, что земля уходит из-под ног. Пошатываясь, она направилась к выходу и придержалась за косяк двери, чтобы не упасть, а затем с шумом захлопнула ее.

В гостиной она плотно задвинула шторы, включила все осветительные приборы, легла, свернувшись, на диване и стала прислушиваться к звукам наверху. Так она пролежала всю ночь и провалилась в сон лишь перед самым рассветом.

Утром Лора взяла статуэтку, решительно положила ее в багажник машины и проехала три мили до свалки. Там она выбросила фигурку в кучу, и она упала между старым холодильником, вытертым диваном и лопнувшей покрышкой, покатилась и скрылась под обгоревшей подушкой.

Вернувшись домой, Лора ощутила облегчение, которого не испытывала с момента, как получила этот проклятый подарок.

В два часа ночи ее разбудил резкий стук. В комнате было холодно, как в морозильной камере. Лора включила лампу на тумбочке и завизжала от ужаса. Фигурка стояла на прежнем месте. Остаток ночи Лора просидела в постели, слишком напуганная, чтобы заснуть. Следующим утром она вынесла фигурку в патио и разбила молотком. Осколки она сложила в пакет и взяла с собой на работу, где бросила в печь для сжигания мусора. Вторую половину дня она пребывала в приподнятом настроении, решив, что наконец свободна от страхов. Вечером она отправилась в «Сейфэуэй» на окраине города, где еженедельно делала покупки.

Толкая тележку по проходу, она поймала себя на том, что улыбается. Это связано с ее маленькой победой и сожалением о собственной глупости. Возможно, фигурка совсем не похожа на старую цыганку, это лишь ее фантазии, как и то, что она выбрасывала ее несколько раз, – все это ей только показалось, на самом деле ничего не было.

«Испугалась какой-то старухи, а теперь сама себя нахваливаешь, – сказала она себе. – Разве не глупо?»

Когда она вышла из магазина, было уже темно. Цыганки у магазина не было, Лора специально посмотрела, а потом посмотрела и на заднее сиденье машины. Сев за руль, она поспешно заблокировала двери. Подъехав к шлагбауму, Лора привычно вставила талон в щель и в следующую секунду заметила, как что-то мелькнуло в зеркале заднего вида. Неожиданно стало холодно, по спине пробежала дрожь. Теперь она отчетливо видела в зеркале черные глаза, смотрящие прямо на нее из темноты. Она вспомнила события из сна и поймала себя на том, что правая нога выжимает педаль газа. Машина рванула вперед, словно действовала самостоятельно. Лора тихо застонала и увидела в зеркале хищную улыбку с торчащими по краям рта клыками.

«Надо каким-то образом остановить машину. Не поступать так, как во сне. Она сможет противостоять чарам старухи».

Сжав руль обеими руками, она повернулась назад, но увидела лишь пустое заднее сиденье.

«Мне почудилось», – подумала Лора и вздохнула с облегчением.

Сигнал клаксона был резким и таким громким, что заполнил все пространство. Посмотрев в лобовое стекло, она увидела, к сожалению слишком поздно, свет фар огромного грузовика. В последние секунды, прежде чем маленькая «тойота» превратилась в огненный шар, Лора вспомнила слова цыганки: «Посмотри мне в лицо, милая. Ты его никогда не забудешь. Будешь помнить до конца дней. Знай, день, когда не увидишь его, станет днем твоей смерти!»

Санта прилетел

Прошлой ночью Рою Грейсу опять приснился тот дурной сон. Тот, в котором он просыпается утром в Рождество и понимает, что не купил своей любимой жене Клио ни подарка, ни даже открытки. Кошмар начинал преследовать его приблизительно за неделю до праздника с того самого дня, как много лет назад пропала его первая жена Сэнди.

Но сейчас начальник отдела департамента насильственных преступлений полиции Суссекса и Суррея был в лучшем положении, чем обычно в это время года. По крайней мере, он начал покупать подарки и приобрел для жены открытку и пару симпатичных пустячков для ее коллекции, но оставался главный подарок, он уже подыскал серебряный браслет, который увидел в витрине магазина Стэнли Розена на Лейне в Брайтоне. Но время еще было, сегодня только пятница, Рождество не наступит раньше следующего вторника.

Расследование убийства женщины, найденной мертвой на пляже, которым занималась его команда последние два месяца, шло к завершению, подозреваемому было предъявлено обвинение, и он находился в камере предварительного заключения в тюрьме Льюиса. В пятницу в отделе царила легкая предпраздничная атмосфера. Гленн Брэнсон, Эмма Джейн Бутвуд, Гай Батчелор, Норман Поттинг и остальные его сотрудники с увлечением открывали «секретные подарки Сайты». Это был последний день перед рождественскими каникулами, который им предстояло провести вместе, хотя многим предписывалось оставаться на связи во время праздников.

Норман Поттинг поспешно развернул подарок и расхохотался, доставая теплые вязаные трусы с отдельным кармашком для мужского достоинства. Рой Грейс усмехнулся, разглядывая свой подарок – книжку для малышей издательства «Ледиберд» под названием «Профессия полицейский», и задумался, кто из сотрудников мог купить ему такое. Настроение у него было прекрасное. Впервые за много недель он будет свободен в выходные и на другой день планировал отправиться в Лейне и приобрести браслет для Клио. Впрочем, он никогда не забывал, что, как Старший суперинтендент, он всегда рискует быть вызванным по важному делу в любое время дня и ночи. По статистике, больше преступлений на бытовой почве совершается именно в рождественские праздники. И количество их может оказаться невероятным. В прошлом году звонки поступали без перерыва – телефон не затихал даже во время речи королевы, – всего их было девятьсот девяносто девять. Драки, аварии, кражи автомобилей и даже грабежи.

И все же необъяснимая тень предчувствия не желала рассеиваться даже тогда, когда он по дороге домой поехал в объезд, чтобы полюбоваться рождественскими огнями и украшением шикарных особняков на Дайк-Роуд-авеню. Какой-то негодяй, которому пресса придумала прозвище Скрудж, совершил несколько попыток испортить праздничную иллюминацию и гирлянды на фасаде главного торгового центра. Рой надеялся, что скоро хулиган будет пойман силами местной полиции, организовавшими патрули офицеров в штатском, или попадет в поле обзора камер видеонаблюдения раньше, чем нападет на людей.

Он ехал на своем неприметном «форде-фокус» по направлению к башне с часами, когда увидел впереди затор, а потом и патрульную машину с мигалкой на крыше. Рой нахмурился, гадая, что могло случиться. Скорее всего, серьезная авария. Включив рацию, он запросил дежурного, инспектора Энди Килла, о том, что происходит.

– Упала рождественская елка на Черчилль-сквер, сэр, – был ответ. – Сообщается о двоих пострадавших.

– Я тут рядом, – сказал Грейс. – Посмотрю, что там.

Красиво украшенное дерево ста футов высотой было самым эффектным из всех установленных к празднику в истории города. Местный комитет по туризму «Приезжайте в Брайтон» принял решение предоставить розничным заведениям существенные льготы с целью снижения цен на время праздников, а также не поскупился на украшение городских улиц в этом году.

Завтра планировалось одно из самых красивых представлений, концерт на Хоув-Лонс с участием местной звезды Нормана Кука, больше известного как Худой Толстяк. Гвоздем программы должен был стать прилет Санта-Клауса на парашюте.

Предполагалось, что развлечения привлекут не менее двадцати тысяч человек, Рой также планировал быть там с Клио и их малышом Ноем, чтобы полюбоваться тем, что организаторы рекламировали как грандиозное шоу.

Установив проблесковый маячок, он помчался к башне с часами, резко повернув направо на Вестерн-Роуд. Вдалеке мелькало несколько синих огней, и он увидел патрульные машины полиции, два автомобиля пожарной службы и карету скорой помощи.

Двое полицейских огораживали лентой дорогу прямо перед ним.

Рой Грейс выбрался из машины и увидел настоящий погром на площади. Огромное дерево лежало на боку, некоторые гирлянды все еще мигали разноцветными огнями, макушка пробила витрину магазина «Генри Уэлтон Смит», и теперь ее засыпали выставленные в ней подарочные издания книг.

Некоторые из толпы снимали происходящее на мобильные телефоны.

Грейс нырнул под ленту и подошел к дежурному инспектору Биллу Уорнеру.

– Что случилось? – спросил он коллегу.

– Праздничный вечер, сэр. У меня есть два свидетеля, которые видели человека, спилившего дерево у основания бензопилой и скрывшегося. Надеюсь, его лицо есть на камерах. Два человека пострадали – мама и маленький мальчик – ничего страшного, просто шок. За хулиганом погнался один из полицейских в штатском, но упустил. Похоже, это опять выходка Скруджа.

– Я ехал домой. Могу чем-то помочь?

– Думаю, мы сами справимся, сэр. Спасибо.

Грейс прошел с инспектором к месту, где дерево было спилено.

– Какой подонок, – произнес Грейс, глядя на свежий спил и пенек.

– Я сказал то же самое. Может, Джон Стрит сумеет его поймать. На вашем месте я бы ехал домой, сэр.

– Хорошо, но держите меня в курсе.

Что Билл Уорнер и обещал.

Через полчаса Грейс был в городском доме Клио и, переодевшись в джинсы и толстовку, помогал ей заканчивать наряжать елку. Они посыпали ее душистым конфетти и разложили подарки, напомнившие Рою о его завтрашнем деле. Клио сделала все, чтобы первое

Рождество Ноя стало особенным, несмотря на то что он еще слишком мал, чтобы это оценить.

Сам Ной в полосатом костюмчике лежал на игровом коврике и, щурясь от удовольствия, разглядывал яркую вращающуюся игрушечную карусель под пристальным взглядом пса Хамфри – их спасителя – потомка лабрадора и колли. Золотая рыбка Марлон непривычно быстро совершала круги в небольшой чаше-аквариуме. Рой подумал, что ей, должно быть, невероятно скучно. Собака, по крайней мере, могла поиграть с оберточной бумагой и получить дополнительное угощение в честь праздника. Хочется верить, что рыбке приятно видеть огни гирлянд.

Рой повернулся к Клио, посмотрел на ее красиво убранные светлые волосы и внезапно ощутил себя очень счастливым. Это первое Рождество, которое они проведут вместе, а для их малыша вообще первое в жизни.

И тут зазвонил его мобильный.

– Рой Грейс, – ответил он, чувствуя, как сжимается сердце. Он от души надеялся, что не произошло убийство, которое перечеркнуло бы все его планы. Он облегченно вздохнул, услышав строгий голос начальника, главного констебля Тома Мартинсона, хотя обычно босс не звонил ему без серьезного повода.

– Прости, что беспокою в пятницу вечером, Рой, – сказал Том, – но у нас назревает проблема. Мэр Брайтона и комиссар полиции крайне обеспокоены безопасностью людей во время завтрашних мероприятий в свете того, что случилось в последние дни, а особенно сегодня. Хочу напомнить, что завтра прибудет автобус с детьми из хосписа Честнат-Три-Хаус. Как тебе известно, это благотворительная акция, для которой полиция Суссекса собрала немалую сумму; они будут нашими почетными гостями, и мне не хотелось бы их разочаровать.

– Так точно, сэр.

– Мы отменили выходной на завтра для общественной группы охраны порядка, – продолжал шеф, – и перебросили сюда офицеров со всего округа, но на совещании с помощниками главного констебля было решено создать дополнительную группу на случай совершения тяжких преступлений. Сколько сотрудников ты сможешь собрать?

Рой Грейс едва не застонал прямо в трубку. А он-то надеялся отделаться в эти два дня тем, что будет всегда на связи.

– Думаю, человек двадцать, сэр.

– Все должны быть готовы. Старшим на завтра назначен Нев Кемп, свяжитесь с ним.

Старший суперинтендант Нев Кемп был дивизионным коммандером полиции Брайтона и Хоува, ему и предстояло возглавить всю операцию.

– Слушаюсь, сэр. Немедленно этим займусь.

– Хвалю, – послышалось в трубке, затем все стихло. В том числе и радостное ликование в душе Роя Грейса.

Прогноз погоды предсказывал снег на всю следующую неделю, но, выйдя из дома, Рой Грейс, одетый в утепленную парку и перчатки, оказался под безоблачным синим небом. В десять часов утра, потирая руки, он уже переминался с ноги на ногу на припорошенной инеем зеленой траве в лагуне Хоув у пляжного кафе «Норман Кук». На набережной, в полумиле от него высилась эстрада, возведенная за ночь.

Ранее он собрал восемнадцать своих сотрудников в теплом зале для совещаний отделения полиции, а затем они прибыли сюда, чтобы разойтись по точкам.

Отсюда был хорошо виден большой белый круг, приклеенный в месте, где должен приземлиться Санта, если ветер благоприятствует. К счастью, в этом смысле день обещал быть спокойным – прекрасное время для прыжка с парашютом.

Рой зевнул. Билл Уорнер позвонил ему уже после полуночи и сообщил, что отправил по электронной почте материал с камер видеонаблюдения, на котором есть кадры с человеком, спилившим елку на площади. Ему удалось попасть в поле зрения нескольких, установленных в городе.

Мимо промелькнули любители утренней пробежки, прошли люди с собаками. На море был отлив, и кромка галечного пляжа была покрыта вынесенной волнами грязью. Дальше на восток взгляд упирался в конструкцию Западного пирса, а в полумиле за ним поблескивал в лучах зимнего солнца цвета охры пирс Брайтона.

Рой Грейс с подозрением наблюдал за идущим по пляжу человеком в резиновых сапогах и с металлоискателем в руках. Потом он перевел взгляд на другого, собиравшего в ведро червей для наживки. По опыту он знал, что каждый из них может оказаться потенциальным преступником.

Вдоль дороги тянулась бесконечная вереница полицейских автомобилей. Прилегающая территория была огорожена лентой в синюю и белую полоску, вдоль которой выставлены посты охраны. Полицейские в форме, толпившиеся группами, держали в руках стаканы из стирофома и картона, наполненные чаем или крепким кофе. Да, утро было ранним и обещало стать долгим.

Начали прибывать участники праздника. Первыми появились две музыкальные группы, которые должны были выступить для разогрева с одиннадцати часов и до полудня одна, следом до часу дня вторая. Потом на сцену выйдет Норман Кук. Закончив выступление, он объявит о прибытии Санта-Клауса. По плану мероприятия должны закончиться в 14:00, когда он приземлится. Рой Грейс надеялся, что, если поспешит, успеет добраться до Лейне и купить Клио браслет в магазине Стэнли Розена.

В течение следующего часа набережная заполнялась людьми, в основном это были мамы с детьми, спешившие занять места ближе к кругу. К моменту, когда группы отыграли половину программы, толпа уже насчитывала несколько тысяч человек.

Грейс покинул пост на променаде и прошел к автобусу, служившему мобильным командным штабом, оснащенным камерами, охватывающими большую часть охраняемой территории.

Пока все было спокойно. Музыканты играли от души, и публика была, похоже, счастлива.

К установленным в стороне киоскам с едой, предлагавшим всевозможные гамбургеры, хот-доги, а также к туалетам тянулись очереди. Уличные торговцы были в ударе и громко расхваливали товар: колпаки Сайты, воздушные шары и прочие мелочи. Волнение нарастало.

К середине дня людей собралось, по приблизительным подсчетам, пятнадцать тысяч. Эксцессов почти не случилось, если не обращать внимания на арест нескольких человек, распивавших спиртное, и одного карманника, замеченного камерой. К моменту, когда на сцену вышел Худой Толстяк, ему уже бурно аплодировало более двадцати тысяч. На одной из камер Грейс увидел детей, большинство в инвалидных креслах, выгружавшихся из автобуса хосписа Честнат-Три-Хаус.

Сердце кольнуло, и он подумал о своем сыне. Все эти дети страдали неизлечимыми заболеваниями, которые вскоре оборвут жизнь или сделают ее невероятно тяжелой. Для Ноя это Рождество было первым, а для многих из них станет последним.

Глядя на счастливые лица детей, он смахнул слезу.

Самое простое – отвернуться и забыть, погрузиться в веселую атмосферу Рождества, но ведь очень многие не могут так поступить. Для одиноких и пожилых людей это время, когда одиночество ощущается особенно остро. Для родителей больных детей это время тягостных душевных переживаний. Грейс внимательно оглядел толпу на экране монитора, здесь они смогут некоторое время провести весело. Взгляд его выхватил несколько лиц бывших преступников, но все они были со своими семьями и казались вполне счастливыми.

Он вызвал по рации некоторых сотрудников, на которых лежала основная ответственность. Гленн Брэнсон; Норман Поттинг; Гай Батчелор; Ник Николл и Эмма Джейн Бутвуд. Никто из них пока не заметил ничего подозрительного. Приближался самый важный момент. Где-то здесь были Клио и Ной, но он не представлял где. Грейс посмотрел на часы – 14:00 неумолимо приближалось.

Он вышел из штаба и пошел вдоль набережной, чтобы хоть краем глаза увидеть концерт.

Норман Кук исполнял композицию, которая стала гвоздем программы – ремейк «Рождественской песни» Пола Маккартни. Над головой раздался звук приближающегося самолета, и Грейс посмотрел в небо. Небольшой самолет описывал круги над набережной. Рой перевел взгляд на людей. Кажется, только некоторые заметили шум и стали смотреть вверх.

Ходой Толстяк поднял руку и выкрикнул: «Всех с Рождеством! А вот и наш Санта!»

Тысячи глаз обратились к небу. Прикрепленный к самолету баннер «С Рождеством!» был теперь совсем близко.

Музыка стихла, и Рой слышал восторженные возгласы толпы. Возбуждение нарастало. Вскоре появился второй самолет, пролетевший чуть выше. Из него неожиданно выпрыгнул человек. Он пролетел некоторое расстояние, прежде чем Рой смог разглядеть, что он одет в красное. Крики людей стали громче, многие аплодировали. Грейс посмотрел на море, потом опять на Сайту. В течение последующих пятнадцати секунд фигура визуально становилась все больше. И еще больше. А потом ярче.

Грейс подумал, что человек уже должен раскрыть парашют. Внезапно в душе вспыхнула тревога.

Фигура приближалась и теперь была ярко-красной. Сейчас раскроется парашют. Но этого не случилось. «Вот дает парень», – подумал Рой.

Человек приближался к земле. Все ближе и ближе.

Санта планировал со скоростью, которую Грейс уже мог измерить. Сейчас точно появится купол.

Ведь так?

Санта продолжал падать, бездействуя.

Он был уже так близко, что Грейс четко видел, во что он одет. Это был обычный костюм Сайты: задравшиеся вверх полы красной куртки, красные гетры, черные ботинки, развевающаяся борода и мешок за спиной.

Давай же, открывай парашют!

Фигура становилась все больше и больше, приближаясь.

Он приземлится прямо на пляж.

Толпа затаила дыхание в ожидании. Грейс тоже затаил дыхание, гадая, почему не раскрывается парашют.

Санта-Клаус продолжал падать, за спиной у него был только мешок с подарками и никаких признаков наличия парашюта. Словно не замечая хорошо обозримый круг, он пролетел добрых сто ярдов, намереваясь опуститься на пляж футах в двадцати от

ограждения вдоль набережной. Рой Грейс подумал, что, к счастью, там он будет скрыт от взора двадцатитысячной толпы, собравшейся на Хоув-Лаунс.

Грейс был ошеломлен, как и все, когда услышал удар. Раздался громкий хруст, со стороны могло показаться, будто с неба упал мешок картошки. И все же это был человек.

На несколько секунд стало так тихо, что можно было бы услышать, как пролетит муха.

Затем навыки сыщика взяли верх, и Грейс рванул вперед. Выхватив рацию, он стал выкрикивать инструкции констеблям в оцеплении очистить от людей территорию в зоне падения.

– Велите всем отойти подальше! – Рой подбежал к сержанту, которого знал лично. – Оградите пляж! Никого и близко не подпускайте! – Он бросился к ограждению вдоль променада и посмотрел вниз.

Лучше бы он этого не делал.

Вокруг окровавленного трупа Санта-Клауса были разбросаны подарки в порванных пакетах и выпавшие из коробок. Они предназначались для детей из хосписа Честнат-Три-Хаус, которым специально выделили места ближе всех к месту приземления.

Мозг Грейса усиленно работал, задавая вопросы, отвечая на них, анализируя. Стоит ли расценивать случившееся как несчастный случай, или это чей-то злой умысел?

Может, это дело рук подонка, срубившего елку на Черчилль-сквер?

Грейс быстро принял решение и понял, что надо делать.

Первоочередной задачей было не допустить людей на пляж и к месту падения тела. Затем необходимо узнать все о личности неудачливого парашютиста, исполнявшего роль Сайты, опросить пилота самолета, осмотреть сам самолет и выяснить, кто упаковывал основной и запасной парашюты.

Со всех сторон до него доносился вой сирен, плач детей и громкий ропот толпы. Неожиданно и резко зазвонил его телефон. Рой знал, кто это, еще до того, как посмотрел на дисплей, как и то, что услышит. Он не ошибся в обоих случаях.

Звонил начальник полиции Том Мартинсон и просил отчитаться в том, что происходит непосредственно на месте. Несчастный случай стал трагедией для всех, не говоря уже о детях, видевших погибшего Санта-Клауса.

– Сэр, я отменяю выходные для всех своих сотрудников до тех пор, пока мы не выясним, была ли это случайность или злой умысел. Я пока не знаю как, сэр, но постараюсь, чтобы не все дети увидели Сайту развалившимся на части, – грустно добавил он.

На совещании, состоявшемся позже в тот же день, сержант сыскной полиции Норман Поттинг, известный своими некорректными высказываниями, заявил:

– Думаю, в «Икеа» наверняка продается сборный Санта получше того, что лежит на пляже?

Несколько человек криво ухмыльнулись, но никто не смеялся, кроме Поттинга, довольного своей шуткой.

– Благодарю, Норман, – с укоризной посмотрел на него Грейс. – Но сейчас обойдемся без черного юмора.

– Я лишь беспокоюсь о спокойствии и безопасности граждан, шеф, – беспечно продолжал Поттинг.

Эти слова вызвали смех, и даже Грейс поймал себя на мысли, что улыбнулся на мгновение.

– Спасибо, Норман, достаточно, – произнес он уже строго.

Сержант пятидесяти пяти лет в плохо сшитом костюме и с небрежной прической смутился и пробормотал извинения.

Рой Грейс посмотрел на свои записи в открытом перед ним блокноте, потом перевел взгляд на Поттинга, который, несмотря на отвратительный костюм и своеобразное чувство юмора, был все же одним из лучших сыщиков. Затем он обратился к сержанту Гаю Батчелору:

– Хотелось бы услышать, что вам с Норманом удалось узнать в аэропорту.

– Да, босс. Самолет, на борту которого был Ричард Уокер в костюме Сайты, мы забрали для осмотра. Опросили пилота, Роба Кэмпсона, показавшего, что Уокер считается – вернее, считался – очень опытным парашютистом. Он не раз представлял Англию на международных соревнованиях и, разумеется, лично проверил перед прыжком основной парашют и запасной. Парашюты на этот раз упаковывала его жена Зои. Она тоже имеет определенный опыт, но давно не занималась парашютным спортом, так как после неудачного приземления несколько лет назад у нее проблемы со спиной. Сегодня было все как обычно, никто не заметил ничего подозрительного.

– Пилот ничего не сказал об отношениях Уокера и его жены? – поинтересовался Грейс.

– Конечно, мы спросили его, шеф, – ответил Поттинг. – Насколько известно Кэмпсону, они были счастливой парой, правда, в последнее время у них финансовые трудности, Уокер связался с какими-то ростовщиками, которые угрожали ему в случае невозвращения долга. Мы разрабатываем эту версию, босс. Кто бы ни были эти люди, они становятся главными подозреваемыми.

– Завтра прибудет группа специалистов из Британской ассоциации парашютистов, – вступил в разговор сержант Батчелор. – Надеюсь, получим от них информацию.

Грейс кивнул, вспоминая о том, что завтра утром ему предстояла пресс-конференция, которые он терпеть не мог.

– Когда они будут здесь?

– В девять, босс, – ответил Батчелор.

– Есть еще один факт, который может иметь значение, – добавил Норман. – По словам пилота, Уокер хвастал, что его жизнь застрахована на огромную сумму и в случае его смерти Зои сможет выплатить долги и жить припеваючи.

Грейс сделал пометку в блокноте.

– Вы хорошо поработали, – кивнул он.

Констебль Эмма Джейн Бутвуд подняла руку:

– Сэр, один из дежуривших около площади офицеров сообщил, что видел человека, подходящего под описание Скруджа, через десять минут после того, как упала елка на Черчилль-сквер. Он бросил колпак Сайты и надел вместо него бейсболку с эмблемой «Сидни Карп».

– Сид Карп? – удивился Поттинг. – Тот еще подонок.

Вся группа хором застонала. Всем отлично была известна эта кличка.

Сид Карп был частым гостем в полицейском участке Брайтона. Пожилой, отъявленный рецидивист, проводящий большую часть жизни за решеткой, он был отвратительным мелким воришкой, приторговывающим наркотиками.

– Сид Карп? – задумчиво произнес Грейс. – Получается, наш преступник ровесник этого мира.

– Должно быть, ему около семидесяти, – предположил Поттинг.

– В любом случае ему достаточно лет, чтобы сыграть роль Сайты, – заключила констебль Бутвуд. – Неделю назад он еще подрабатывал Санта-Клаусом в торговом центре на

Черчилль-сквер, пока не явился пьяным, за что и был уволен. Поговаривают, что он жаловался сотрудникам на несправедливость, будто бы сказал, раз он не может быть Сантой, то никто не будет и Брайтон еще об этом пожалеет. Выходит, он может таким образом мстить.

– И как, скажите мне, он мог пройти сквозь рамки металлодетектора? – покачал головой Рой. – Норман? – Он вопросительно посмотрел на сержанта.

– Я попросил бы вас поехать со мной к вдове Уокера. Надо выяснить, мог ли ее муж что-то сделать с собой из-за финансовых проблем.

Через час Рой Грейс и Норман Поттинг вышли из машины Грейса у красивого особняка в стиле Тюдоров на Вудленд-Драйв – улице, называемой местными жителями «дорогой миллионеров». Погода была холодной, но небо чистым, и звезды мерцали над их головами, словно благословляя свыше. Проходя мимо двух автомобилей, «ауди» и БМВ-купе, к входу, начальник отдела сыскной полиции подумал, что утром точно будет мороз. Позвонив, он подождал немного и позвонил снова.

Через пару минут дверь им открыла привлекательная блондинка. Волосы ее были растрепаны, под глазами следы туши. На ней был облегающий халат с глубоким вырезом.

Грейс предъявил удостоверение.

– Миссис Зои Уокер?

– Да.

– Старший суперинтендент Грейс и сержант Поттинг, департамент насильственных преступлений полиции Суссекса и Суррея. Полагаю, вам уже сообщили печальные вести о вашем муже.

– Я… да, сообщили. – Из ее глаз полились слезы. – Прошу, входите.

– Мы не задержим вас надолго, благодарю.

Мужчины вошли в холл, и хозяйка закрыла за ними дверь.

– Хотите что-нибудь выпить, джентльмены? Чай, кофе, может, что-то покрепче?

– Не стоит беспокоиться, спасибо, – ответил Грейс.

Они в общих чертах обсудили произошедшее на набережной и поведали о плане расследования, разработанном днем.

– Не хотелось бы утомлять вас вопросами, – продолжал Грейс, – но, как я понимаю, у вашего мужа были серьезные финансовые затруднения. Он задолжал крупную сумму, ему угрожали.

– Это так, – кивнула женщина. – Понимаете, муж часто играл. Но он заверил меня, что все решит сам. Я… – Она замолчала в нерешительности и бросила быстрый взгляд на второй этаж.

Грейс внимательно следил за каждым ее движением.

– Вы уже узнали, что случилось? – спросила Зои.

– Еще рано делать выводы – нам необходимо собрать полную информацию. Предстоит выяснить, был ли это несчастный случай или хорошо спланированное убийство. Или самоубийство.

– Раз уж вы заговорили об этом, признаюсь, Ричард иногда заговаривал о самоубийстве, но не поймите превратно, он говорил так, как многие, оказавшиеся в затруднительном положении. Вы понимаете? Я всегда знала, что он так не поступит. Он не такой человек.

– Что, по вашему мнению, могло произойти с мистером Уокером? – не отступал Грейс.

– У меня нет объяснения. – Женщина всхлипнула.

Сыщики терпеливо ждали, когда она возьмет себя в руки.

– Он был профессионал высокого класса. Потом, если что-то случилось с парашютом, запасной должен был открыться.

– Всякое бывает, – произнес Грейс. – Как я узнал, собирая информацию.

Зои покачала головой:

– Нет, его парашюты упаковывала я. Все было идеально.

Грейс кивнул:

– Что ж, завтра прибывают специалисты из Британской ассоциации парашютистов, так что, надеюсь, нам удастся установить, что же произошло. Обещаю больше вас не тревожить до полного выяснения всех обстоятельств дела.

Когда за ними закрылась дверь, Поттинг посмотрел на начальника с удивлением:

– И это все, шеф?

Грейс похлопал по ледяному капоту «ауди».

– Отличные машины, – сказал он.

Затем он подошел к БМВ и сразу ощутил тепло.

– Люблю бумеры. Они всегда мне нравились. – Он взглянул на номер.

– Знаете, как расшифровывается БМВ, шеф? – спросил Поттинг, забираясь в салон его машины.

Грейс был уверен, что ничего хорошего не услышит.

– Лучше не начинай, – предупредил он и завел двигатель.

Отъехав на некоторое расстояние от дома, он связался с дежурным и продиктовал номер автомобиля марки БМВ.

Рой Грейс перенес воскресное совещание на дневное время, надеясь получить какую-то информацию от специалистов Ассоциации. Сотрудники его отдела занимались поисками Сидни Карпа. В десять часов Грейс провел пресс-конференцию и ответственно заверил журналистов, что по делу работает немало квалифицированных полицейских, для многих, в том числе и его отдела, отменены выходные и все силы брошены на то, чтобы обеспечить безопасность в городе.

Днем, почти перед началом совещания, в кабинет вбежал Норман Поттинг:

– Мы нашли подозреваемого Сидни Карпа!

– Отличная работа, Норман! – похвалил Грейс.

Поттинг помрачнел и покачал головой:

– Плохие новости, шеф, похоже, рыбка от нас уплыла.

Все сотрудники опять громко застонали.

Поттинг продолжал:

– Он был арестован на станции Виктория рано утром в воскресенье в состоянии алкогольного опьянения. При нем был саквояж с бензопилой, причем он не мог объяснить сотрудникам, зачем она ему.

– Это не дает право предъявить ему обвинение, – заметил Грейс, – но он больше не единственный наш подозреваемый. Думаю, у нас есть и лучше.

Через час Грейс владел информацией о предварительно установленных причинах, по которым не раскрылся ни один парашют. Сыщики вернулись на Вудленд-Драйв. Выбравшись

на мороз из теплого нутра автомобиля, они прошли к входу. Грейс отметил, что обе стоящие здесь машины, «ауди» и БМВ, покрылись инеем.

На этот раз, к удивлению Поттинга, Грейс с радостью принял предложение Зои выпить кофе. Она пригласила их располагаться на огромном диване в гостиной и с гордостью указала на два шкафа со стеклянными дверцами, где были выставлены награды ее мужа за победы в соревнованиях по парашютному спорту.

– Я кое-что вспомнила, господин полицейский, – произнесла она. – Вчера, когда ездила в аэропорт Шорхэм, я видела на окружной дороге машину, в ней сидел мужчина, которого я сразу узнала, – он угрожал мужу. – Она встала. – Я принесу кофе.

Когда Зои вышла, Грейс произнес.

– Норман, я хочу, чтобы ты немедленно вышел из дома, громко хлопнув дверью, и с шумом уехал.

Сержант нахмурился:

– Вы уверены, шеф?

– Не возвращайся, пока я не позвоню. Иди! – Он видел сомнения на лице подчиненного. – Иди же! – повторил Грейс.

Поттинг удалился, через несколько секунд громко хлопнула дверь – даже громче, чем он рассчитывал, – затем послышался шум газующей машины.

Через пару минут, когда появилась Зои с подносом, со второго этажа раздался хриплый мужской голос:

– Опять те полицейские, дорогая? Что им надо на этот раз?

Женщина побледнела и застыла в дверях. Поднос выпал у нее из рук и с грохотом упал на пол. Словно не замечая этого, Рой Грейс вскочил с дивана.

– Говорите, парашют мужа всегда упаковывали вы?

– Да. Вернее, почти всегда.

– Причина, по которой они не раскрылись, уже известны. На обоих парашютах были перерезаны стропы. Сейчас у вас в доме партнер Уокера по бизнесу Джим Бреннер, он наверху, в вашей спальне. Ваш муж застраховал свою жизнь на два миллиона фунтов, вполне достаточно, чтобы выплатить долг и начать новую жизнь.

Зои не произнесла ни звука, но Грейс видел, как забегали ее глаза.

– Неразумно позволять любовнику оставлять машину у своего дома, особенно когда мотор еще не остыл, в отличие от тела вашего мужа.

– Все совсем не так, как вы думаете.

– Так, поверьте моему опыту. Почти всегда бывает именно так, как я говорю, как это ни печально. – Он вытащил из кармана наручники. – Зои Уокер, вы арестованы по подозрению в убийстве своего мужа Ричарда.

Далее он произнес все то, что обычно говорят в таких случаях.

– Что… что… это значит?

Щелкнули наручники.

– Я также арестую вашего любовника за соучастие в умышленном преступлении. Но у меня есть для вас и хорошая новость: поскольку сейчас рождественские праздники, на ужин в тюрьме вы получите отличную индейку и все остальное в придачу. Некоторые наши преступники намерено совершают правонарушение в декабре, чтобы попасть на этот пир. Еще будет сливовый пудинг и хлопушки. Вы прекрасно проведете время. Намного лучше, чем ваш муж в морге.

Оставив преступников в камере предварительного заключения, Рой Грейс освободился уже в полночь. Несмотря на признательные показания Зои, ему предстоит завтра явиться в суд и предстать перед судьей, чтобы добиться разрешения о содержании ее и любовника под стражей до окончания расследования. Кроме того, ему надо оформить кучу бумаг и написать немало объяснительных.

Зои Уокер была уверена, что сможет переложить вину на тех, кому задолжал ее муж, но кое-что упустила. Она не знала, что за неделю до гибели он уже выплатил все долги, выиграв приличную сумму в казино. Он собирался сообщить ей радостную новость за ужином в канун Рождества.

Грейс вышел из душа, когда зазвонил его телефон.

С ужасом подумав об очередном преступлении, он с трепетом взял трубку.

Звонил его начальник.

– Хорошо работаете и быстро, Рой, – сказал он. – Я так понимаю, двое уже за решеткой?

– Так точно, сэр.

– К сожалению, арест не решил всех проблем. Дети ведь считают, что Санта-Клаус умер. Особенно меня беспокоят дети из Честнат-Три-Хаус, ведь для многих из них, как ни печально, это Рождество будет последним. Вы находчивый человек, Грейс, и тоже отец. У вас есть какие-нибудь соображения?

– Доверьтесь мне, сэр. Что-нибудь придумаю.

На просторной закрытой веранде особняка, где располагался Честнат-Три-Хаус, стоял деревянный олень в натуральную величину, а рядом огромный надувной снеговик. Разноцветные огни гирлянд переливались в сумерках. Тихо падал снег, и в воздухе витал неповторимый дух волшебного Рождества. Человек пятьдесят детей и взрослых в колпаках Сайты, выстроившись в ряды, пели гимны. Впереди расположились дети на инвалидных креслах, мальчик на деревянном стуле играл на тромбоне, большем по размеру, чем он сам.

Из темноты внезапно послышалось:

– Хо-хо-хо! Здравствуйте, мальчики и девочки!

И появился Санта-Клаус в своем знаменитом костюме, с пышной бородой и заполненным подарками мешком на плече. Минут двадцать он разговаривал по очереди с каждым из ребят, вручая подарок в красивом пакете.

Когда он закончил, директор хосписа обратилась к детям:

– Давайте, ребята, попрощаемся с Сантой. До свидания, Санта!

И все закричали:

– ДО СВИДАНИЯ, САНТА!

Возвращаясь к своей машине, Рой Грейс с трудом сдерживал слезы. Смахнув снег со стекла и зеркал, он поспешил сесть в салон и снять наконец бороду и усы, от которых нещадно зудела кожа. Часы показывали шесть вечера, и это его чрезвычайно расстраивало. Весь день, закончив дела в суде, он потратил на то, чтобы раздобыть костюм, купить подарки – на собственные деньги – по списку, полученному от администрации хосписа, и лично их упаковать. Однако им двигала решимость показать всем детям, что Санта-Клаус жив и все хорошо.

Сейчас магазины уже закрыты, а значит, он опоздал и не сможет купить в Лейне браслет. Клио будет огорчена, когда утром не получит рождественского подарка, и от этого он чувствовал себя паршиво.

За окном мелькнула тень, и раздался стук, неожиданно его напугавший. Рой увидел мужчину в красивом пальто и узнал одного из родителей, которого видел в толпе гостей хосписа.

Грейс опустил окно.

– Господин старший суперинтендент, я только хотел поблагодарить вас от всех родителей за то, что вы сделали. Если я могу вам быть чем-то полезен, непременно дайте знать. От души желаю, чтобы все ваши мечты исполнились в это Рождество.

– Благодарю вас, – сказал Грейс и грустно усмехнулся. – Сейчас у меня лишь одно желание, но сомневаюсь, что вам удастся уговорить Стэнли Розена открыть свой магазин на пять минут, чтобы и у меня было счастливое Рождество.

Мужчина хитро улыбнулся:

– Думаю, это можно устроить.

– Правда? – с недоверием посмотрел на него Рой.

– Да. Стэнли Розен – это я.

Полтора часа спустя Рой Грейс выехал с подземной автостоянки, повернул налево к набережной и помчался к дому Клио. Было 8:30 вечера, и, кажется, в этом году у него тоже будет Рождество. Он позвонил жене и сообщил, что едет, а она сказала, что шампанское уже охлаждается.

На сиденье рядом лежал синий бархатный футляр с монограммой золотом Стэнли Розена на крышке. Рой не верил своей удаче! У них будет настоящее Рождество!

Их первое Рождество вместе с Клио и первое в жизни Ноя. Душу его переполняло счастье.

И в этот момент зазвонил телефон.

Неполадки в соединении

В пять часов Генри Генри оторвался от печатной машинки, встал и подошел к окну. Никто бы не заметил и не услышал, если бы он прямо сейчас спрыгнул вниз, но это было бы нарушением режима, которого он придерживался ежедневно. Его день был отмечен правилами, как предложения на отпечатанной странице знаками препинания.

Он нервным взглядом пробежался по ряду домов на противоположной стороне улицы. По их облику невозможно было определить, что за люди их населяют. Некоторые квартиры в них были большие и красивые, другие крохотные студии, как и его собственная.

Нужное ему окно он нашел сразу, по привычке. Черт. Ее там нет. Он недовольно поморщился, словно его лишили чего-то, по праву ему принадлежащего. Затем мелькнула фигура – или ему показалось? Потом он увидел ее, с бокалом в одной руке и книгой в мягкой обложке в другой. Она была совсем без одежды, впрочем, как обычно; но сейчас было лето, поэтому тело ее стало золотисто-коричневым с белыми пятнами груди и ягодиц. Она скинула открытые туфли на высоких каблуках, опустилась в розовое кресло, скрывая от его взора белые ягодицы, вытянулась, демонстрируя длинные ноги. Сделав глоток, она отставила бокал и уткнулась в книгу.

«Интересно, что она пьет?» – подумал он. И что за книга? Зачем она надевает на пляже бикини, когда так очевидно, что любит быть голой? Как много вопросов… Ему хотелось знать о ней больше. Всю прошлую осень он наблюдал, как загар ее светлеет, и вот теперь опять появились белые полосы, и контраст с остальным телом был все очевиднее с каждой неделей. Он мог бы открыть ей много нового, может, и ей было бы приятно это узнать? Нет, не о том, что он каждый вечер наблюдает за ней, нет. Но ей могло бы понравиться, что он

сделал ее героиней своей книги, которую сейчас писал. Интересны ли ей такие произведения – любовные романы? Он с грустью подумал, что, скорее всего, нет.

Он все больше верил в то, что люди, которым интересны его романы, постепенно вымирают. Таких называют безнадежно устаревшими. Устаревшими – ему ведь только тридцать два!

Волна паники сжала сердце. Он что-то упустил? Нечто важное? Черт. Он с тоской смотрел на длинные загорелые ноги. Что-то вспомнил и резко отвел взгляд, будто сорвал пластырь с заживающей раны. Найдя телефонный номер, стал набирать его, отрывисто, указательным пальцем, словно проверял, не остыл ли еще суп.

Он был удивлен, услышав вместо гудков какие-то крики, затем женский голос, сменившийся треском, а следом и чередой щелчков.

– Алло, – робко произнес он.

– Слушаю, – раздалось в ответ.

Потом стало тихо.

– Похоже, неполадки в соединении, – сказал он.

– Да, – ответила женщина. – Похоже на то.

Он перевел взгляд на дом через дорогу. Она тоже держала в руках телефонную трубку!

– Я набирала номер, – с усмешкой сказала девушка. У нее был приятный голос человека, научившегося справляться с жизненными неурядицами, но все еще достаточно молодого, чтобы не растерять надежды. Женщина через дорогу молчала и слушала. Генри был озадачен. Возможно ли, чтобы он говорил сейчас с ней?

– Кажется, я был первым, – произнес он и поморщился. Вот опять. Жена часто говорила ему, что он не умеет спорить не нападая; теперь он без причины нападает на женщину с таким приятным голосом.

– Хорошо, – послышалось в трубке. Губы девушки через дорогу шевелились. – Я отсоединяюсь.

Та, через дорогу, тоже говорила.

– Нет-нет, не стоит. Я сейчас повешу трубку. Этот звонок совсем не важный. Я просто хотел узнать прогноз погоды.

Губы опять зашевелились.

– Должно быть, вы оптимист, раз тратите деньги на такое.

Теперь девушка молчала.

Ему казалось, что совпадений слишком уже много. Это точно она! Солнце скрылось за облаком. «Я оптимист?» – подумал он. Нет. Она ведь совсем его не знает. Оптимизм был для него бабочкой, умудрявшейся каждый раз упорхнуть от него в летнем поле.

Еще секунда, и она опять улетит. Неужели он не решится сейчас, когда цель так близка?

– Давайте встретимся, – выпалил он. – Приглашаю вас выпить. Например, кофе. Или на ланч. – Он бросил взгляд на девушку за оконным стеклом в доме через дорогу. Она улыбалась. Точно, ее глаза светились! – В какой день вы свободны?

Теперь она что-то листала. Ежедневник? И откуда у него столько смелости? Она перелистывала страницы пальцами обнаженной руки.

Скажи «да», пожалуйста, скажи «да».

– Четверг подходит?

Он жадно проглатывал каждое ее слово, так изголодавшийся человек ест рагу.

– Да, четверг подходит. Это единственный день на неделе, когда я свободен, – солгал он и сразу устыдился.

Он знал, что правда ей не понравится, поскольку он был свободен каждый день и занимал себя тем, что доставал из пачки один за другим листы формата А4, чтобы заполнить их словами о любви и отваге, героизме и страсти и в конце создать счастливый финал.

– Вы живете в Лондоне?

– Да, – ответил он, поражаясь тому, что с ним происходит. Горло превратилось в медный рожок, он давит на резиновую грушу, видимо не слишком сильно.

– А где вы работаете? – спросил он. – Я имею в виду, в каком районе Лондона? Не хочу показаться неделикатным, но так будет проще найти… э-э-э… удобное место для встречи.

Он почувствовал, что она улыбается.

– Я совсем не против приехать в любое место недалеко от вашей работы.

– Нет, – возразил он, поймав себя на мысли, что почти кричит.

– Я не хочу причинять вам неудобства. Что ж, я работаю в районе Оксфордской площади.

– Отлично. У меня как раз утром встреча на Бонд-стрит. – Он выбрал Бонд-стрит, потому что название казалось солидным. Теперь его ум пытливо искал решение. Бонд-стрит. Что ей предложить? Отель «Кларидж»? Вполне достойно, но он никогда не был внутри; будет ясно, что он понятия не имеет, где там находится бар, а где ресторан. Впрочем, он может съездить и осмотреться, сегодня только понедельник. И все же нет. «Кларидж» – слишком официально. Подойдет что-то более романтичное – итальянское, например. Да, его герои в романе «Безмятежность», над которым он сейчас работал, влюбились друг в друга именно в итальянском ресторане, под звуки серенады, исполненной на мандолине.

– Вы любите итальянскую кухню? – осторожно поинтересовался он, повторно удивляясь, что происходит с его голосом.

– О да, обожаю, – был ответ.

– И я. У вас есть любимый ресторан? Предоставляю выбор места вам. – Внезапно стало неловко. – Я… – пробормотал он. – Я… – Он подбирал слова, путано перебирая их, как ключи на связке. – Понимаете, я давно не был в том районе.

– Как вам «Пятьдесят пять»?

– Пятьдесят пять? – Он задумался. – А на какой улице этот дом? – спросил он, ощущая себя невероятно глупо.

Девушка рассмеялась:

– Так называется ресторан – «Пятьдесят пять». На углу Бонд-стрит и Мэддокс.

Он рассмеялся, неожиданно легко. И сам себе удивился.

– О, я понял. Отлично. Я забронирую столик на… на какое время?

– Ваша встреча закончится к часу дня?

Он помедлил с ответом, решив, что это будет воспринято как размышление над повесткой дня.

– Да, – наконец произнес он. – Полагаю, да. А если нет, – продолжал он хвастливо, – им придется продолжать без меня.

– Хорошо. Тогда встретимся там в час. Как мы узнаем друг друга?

«А она очень практичная особа», – подумал Генри.

– Скажите, чтобы вас проводили за мой столик. – Он замер, как разогревшийся под солнцем человек на краю бассейна.

– Но я ведь не знаю вашего имени.

– Генри.

– Генри и?..

Он поболтал большим пальцем ноги в воде и посмотрел на расходящиеся круги.

– Генри Генри – это имя и фамилия. – «Умоляю, не смейся», – твердил он про себя. Он на всю жизнь запомнил, как хохотала его жена, когда они познакомились. Его имя раздражало ее и нервировало все восемь лет брака.

Она не смеялась.

– Тогда увидимся в час в четверг. – Она сделала едва уловимую паузу. – Генри.

– А вас, вас как зовут?

– Поппи, – ответила девушка и замолчала, решив не сообщать фамилию.

Сердце кольнуло, едва ощутимо, от легкого недоверия.

Повесив трубку, он посмотрел на девушку через дорогу. Она тоже отложила телефон и теперь улыбалась. Улыбалась!

– Поппи, – задумчиво произнес он. Имя нравилось ему все больше.

Через секунду он поймал себя на том, что напевает «Вальсируя с Матильдой»; это случалось в те редкие моменты, когда он был счастлив.

Звуки песни стихли в его голове, когда до часа оставалось десять минут. Он вошел в ресторан. Да, очень мило, но ничто здесь не располагало к романтическому свиданию. Маленькие столы были расположены слишком близко друг к другу, стулья деревянные и с жесткими сиденьями; в зале было слишком людно и тесно. Исполнителя серенад на мандолине он не заметил, хотя один из официантов напевал «О соло мио» по дороге в кухню.

Он сообщил человеку с усталым лицом в костюме, но без галстука о том, что для него должен быть забронирован столик.

– А, сеньор Генри, – сказал тот, находя его имя на странице, исписанной крупными каракулями, и проводил в дальний угол зала.

Генри сел и принялся репетировать начало разговора.

– Выпьете, синьор?

Генри кашлянул от удивления, ощущая на языке вкус освежителя для рта. Какой выбрать напиток, чтобы понравиться спутнице?

– Водку с мартини и со льдом. Непременно смешать, – произнес он, подражая своим героям, которые брали пример с Джеймса Бонда.

– Не мешать, синьор?

Он с тревогой посмотрел на официанта; Поппи могла появиться в любую минуту.

– И лимон, – добавил он.

– Вам приготовить лимонад?

Человек начинал его раздражать.

– Нет, не надо лимона, забудьте о лимоне.

– Значит, одну водку с мартини без лимона? Верно? Мартини «Россо» или «Бианко»?

Черт, ну почему, когда Джеймс Бонд заказывал напиток, официант всегда сразу его понимал?

– Сухой белый вермут, – терпеливо объяснил Генри.

К метрдотелю без галстука подошла невысокая девушка.

Не задержав на ней взгляд, Генри стал рассматривать идущих по улице. У дверей остановилась небольшая группа служащих.

– Со льдом? – раздалось над ухом.

Генри кивнул.

– Со льдом. – Внезапно он передумал. – Нет, подождите, не со льдом, лучше взболтать.

Невысокая, плотная девушка стояла рядом с официантом и улыбалась. Когда он отошел, девушка протянула руку, от которой пахло дорогими духами.

– Генри?

Он смотрел на нее и не понимал, что происходит. Кто она такая? Пусть скорее уходит, у него важное свидание. Может, она его поклонница? Генри совсем не хотел, чтобы Поппи увидела его рядом с этой девушкой. Он должен быть за столом один, спокойный, учтивый, держать в руках бокал с водкой и мартини.

– Я Поппи!

Он не сразу понял смысл ее слов; хмурился, мечтая, чтобы она скорее ушла, косился на входную дверь, сокрушаясь, что нехорошо быть невежливым с почитателями таланта, которых, откровенно говоря, и так немного.

– Я Поппи! – Слова прозвучали резко, как болезненный удар по голени.

Он машинально поднялся, пожал ее руку, выдавил откуда-то из глубины улыбку, придал лицу вежливое выражение и предложил девушке сесть.

«Это шутка», – вертелось в голове. Поппи в последнюю минуту струсила и отправила вместо себя на свидание с незнакомцем подругу.

Девушка заговорила, и он понял, что никакой ошибки нет, он разговаривал по телефону именно с ней.

Разочарование стало наполнять его изнутри, как дождевая вода рваные ботинки. Девушка ему совсем не нравилась. Как бы найти способ сбежать сразу, чтобы спасти и себя, и деньги на ланч? Нет, Генри и сам понимал, что никогда так не поступит.

Может, она заплатит за себя сама? Он упрекнул себя за мелочность. Ведь не ее вина, что он совершил столь глупую ошибку.

– Что-нибудь выпьете?

– Почему бы и нет? Пожалуй, белого вина с содовой.

Генри вполоборота высматривал официанта, одновременно разглядывая Поппи. Черный пиджак, белая блуза с расстегнутой верхней пуговицей; комплект украшений с жемчугом; прямые короткие волосы. Слишком короткие для лица такой формы. Похоже, она немало времени уделила внешнему виду и теперь напоминала коробку конфет в подарочной упаковке. Наконец подошел официант, и Генри сделал заказ. Поппи сложила руки на коленях и широко улыбнулась. Полновата, подумал он; будь она худее, выглядела бы намного лучше.

– Итак, – произнесла девушка, – здравствуйте, таинственный незнакомец.

Генри улыбнулся. Возможно, она тоже пытается скрыть разочарование. Принесли меню. Они выбрали блюда и бутылку «Бароло»; он не разбирался в винах, но «Бароло» знал. Внезапно у него появилось желание напиться – так сильно, чтобы забыть мечты, которые он лелеял почти целую неделю.

Поппи подняла бокал.

– За вас, Генри Генри. – Она замолчала, уловив по выражению его лица, что слышать собственное имя ему неприятно. – По-моему, у вас очень красивое имя, так элегантно.

Они чокнулись. Генри понимал, что по поводу имени ему придется все объяснить; так было всегда.

– Эта шутка, – грустно начал он. – Мой отец выступал в стендап-шоу и находил жизнь вне сцены скучной, постоянно боролся с рутиной; он все вокруг себя старался обратить в шутку. – Генри поднял бокал и чуть не выронил.

– Печально, – произнесла Поппи. – Мне совсем не кажется это шуткой, напротив, очень красивое имя и очень вам идет.

Она опять улыбнулась.

Генри решил, что девушка все же симпатичнее, чем показалась ему вначале; ему даже стало стыдно за первое впечатление.

– А чем вы занимаетесь?

Она была планировщиком кухонь. Он не представлял, чем занимается планировщик кухонь, но полагал, что в ее работе упитанная фигура имеет значение, видимо, это наводит на мысли о здоровом аппетите и умении наслаждаться хорошей кухней.

– А вы кто по профессии? – задала она встречный вопрос.

Он, нервничая, объяснил. Что должна подумать девушка, услышав, что мужчина тридцати двух лет создает никому не известные романтические истории?

– Как чудесно! Вы писатель! – медленно произнесла она, смакуя каждое слово, будто сочный стейк. Потом наклонилась вперед, глаза ее сверкали. – Я никогда не встречала настоящего писателя.

– Ну, я, к сожалению, не популярен.

– Генри Генри? – Она задумалась.

– Нет, я пишу под псевдонимом Себастьян де Шамплейн.

Девушка коротко хихикнула.

– Себастьян де Шамплейн – невероятно. Какой поворот судьбы. Понимаете, я обожаю любовные романы. Постоянно их читаю.

– Правда? – Он боялся спугнуть зарождавшуюся в душе надежду.

– Конечно. Скажите, какие вы написали романы?

– «Желание сердца», – осторожно ответил он. – «Летний ветер»? «Аромат орхидеи»?

– Невероятно, – завизжала девушка. – Я сейчас как раз читаю «Аромат орхидеи». Вы, наверное, долго жили в Сингапуре.

Генри улыбнулся и кивнул. Сейчас не стоило признаваться, что он никогда не был в Сингапуре, а информацию собирал из фильмов и книг, взятых в библиотеке.

– Потрясающе! – воскликнула Поппи.

Когда они с удовольствием ели горячее, Генри заказал вторую бутылку вина. Он никогда раньше не разговаривал с поклонницами и был смущен и польщен одновременно.

Он даже забыл о девушке из дома напротив. Они с Поппи уже договорились встретиться вечером и сходить в кино, а завтра на концерт. А в воскресенье она обещала приготовить что-нибудь вкусное на его кухне.

– Кто бы мог подумать, что такое произойдет из-за неправильного соединения. – Она тихо засмеялась.

Генри улыбнулся в ответ. Он был слишком счастлив, чтобы говорить.

– Где, говоришь, ты живешь? – спросила Поппи.

– Пемброк-Террас.

– Удивительное совпадение, – сказала она, делая глоток вина. – У меня подруга живет в Пемброк-Террас, я набирала ее номер в понедельник, когда ты оказался на линии. Невероятно, правда?

– Да, – согласился он. – Невероятно.

– Она очень неординарная личность, я вас как-нибудь познакомлю. Какое-то время назад, кажется девять или десять месяцев, она попала под дождь и жутко промокла. Дома

она сняла всю одежду и подошла к камину, чтобы согреться. Потом случайно посмотрела в окно и увидела, что из дома на другой стороне улицы на нее пялится какой-то извращенец.

– Правда? – сказал Генри. – Бог мой, на каждой улице встречаются своеобразные люди.

Поппи захихикала.

– Она зло с ним поступила. Знаешь, что она теперь делает? Каждый вечер полностью раздевается и ложится в кресло перед окном, и этот парень, ты не поверишь, появляется и смотрит на нее. Она классная, я обязательно вас познакомлю.

– Мне будет приятно, – сказал Генри.

– Выпьем!

– Выпьем! – ответил он, поднимая бокал.

– За неполадки в соединении, – предложила Поппи.

– Да, за неполадки в соединении.
